

Сызранская городская организация
Союза писателей России

Сызранская излучина

Литературно-художественный
альманах

№ 5

Ваш
Взгляд
Альманах

СЫЗРАНЬ

2016

УДК 82-194
ББК 84(2Рос=Рус) 6-5
С95

Издание подготовлено:

Сызранской городской организацией Союза писателей России,
редакционно-издательским советом при главе администрации г.о. Сызрань
и издательством «Ваш Взгляд»

С95 Сызранская излучина: Литературно-художественный альманах /
сост. О. Портнягин. – Сызрань: Ваш Взгляд, 2016. – 336 с.

ISBN 978-5-904048-77-8

В пятый номер альманаха «Сызранская излучина», посвящённого
165-летию Самарской губернии, вошли проза, поэзия и публицистика
как местных, так и иногородних авторов.

УДК 82-194
ББК 84(2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-904048-77-8

© Сызранская городская организация
Союза писателей России, 2016
© Ваш Взгляд, 2016

К ЧИТАТЕЛЮ

Каждый из предыдущих выпусков «Сызранской излучины» имел свои особенности. Например, четвёртый номер альманаха, вышедший в 2015 году, посвящался 70-летию Великой Победы. И в каждом выпуске нашего издания обязательно появлялись наряду с известными сызранскими и иногородними авторами новые имена. Эта добрая традиция сохраняется.

Пятый выпуск «Сызранской излучины» посвящён 165-летию Самарской губернии, которое пришлось на 2016 год. Ещё и поэтому тема любви к своей малой родине так или иначе присутствует в произведениях большинства авторов этого номера альманаха.

Есть в нём и другие особенности. Впервые в «Сызранской излучине» появились разделы «Литературоведение» и «Пародии». И, конечно же, читателей ждут встречи с авторами, произведения которых не публиковались прежде на страницах альманаха.

Судя по отзывам наших читателей, «Сызранская излучина» пришлась им по душе. Что остаётся писателям? Только одно: продолжать творить на радость тем, кто любит литературу. Особенно ту, которая рождается не где-то, а на нашей прекрасной сызранской земле.

Галина Журлова

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Сейчас от посёлка Агафоново болото осталось лишь название. А когда-то здесь, в километре от болота Мохового, на границе с соседней Ульяновской областью, стоял десяток домов. Переехав сюда в начале прошлого века на свободные земли из села Ерёмкино, в них доживали свой век старики. В числе переселенцев – семья Кажаяевых с двухлетним сыном Мишей...

С Михаилом Ивановичем Кажаяевым мы встречались ещё при его жизни. Фронтовик припомнил, как перед войной проходил военные сборы в Елшанке.

– Было мне шестнадцать. Из Ерёмкино много ребят прибыло, из посёлка Агафоново болото – один я. Нас учили ползать, метать гранаты, стрелять из винтовки. А однажды к нам в часть пришла женщина, председатель сельсовета, с просьбой выделить человека подежурить ночью у телефона.

– Кажаяев пойдёт, – сказал лейтенант.

Взял я учебную винтовку и получил инструктаж:

– Свет можно не гасить, а если позвонят, скажешь: «Боец Кажаяев слушает!»

В сельсовете горел свет от работавшего в подвале движка. В два часа ночи раздался звонок. Поднимаю трубку, говорю как учили:

– Боец Кажаяев слушает.

И слышу в ответ:

– Подготовьтесь принять телефонограмму!

Готовиться, так готовиться. Открываю в помещении все дверные крюки, в коридоре тоже отпер двери на случай, если в ящиках будут заносить. Немного подождал – никого нет. Вышел на крыльцо. Ночь была тихая, шёл снежок. Стояла такая тишина, что стало вдруг жутко. Тогда я вернулся и запер за собой все двери. Если привезут – постучат, решил я. Не успел зайти, снова звонок.

– Вы готовы принять телефонограмму? – спросили на другом конце провода.

– Давно готов, – отвечаю. – А в чём заключается подготовка?

– Бумага и карандаш есть? Будете писать.

– Так это что же, как школьный диктант? Я не могу писать.

– Почему? Вы что, неграмотный?

– Нет, грамотный, только я тут один!

– Ну и что – один?

– А как же я буду один слушать и записывать?..

– Пишите, вам говорят! – закричали по телефону.

Я осердился и бросил трубку. Телефон ещё долго звонил, но я к нему так и не подошёл. А утром, как велел лейтенант, ушёл отдыхать после дежурства.

Я ещё спал, когда за мной прислали:

– Товарищ лейтенант вызывает!

У командира сидела женщина-председатель. Её красивое лицо выражало недовольство.

– Почему телефонограмму не принял? – строго спросил лейтенант.

– Так никто и не приезжал. От кого я должен её принять?

– А трубку почему не поднимал?

– А что, я один должен слушать и записывать?..

– Да с какого же ты болота взялся на мою голову?! – закричал рассерженный лейтенант.

– С Агафонова, – отвечаю.

Он осёкся и посмотрел на меня. Долго смотрел, и в кабинете было тихо. А потом женщина-председатель спросила участливо:

– Вы когда-нибудь по телефону разговаривали?

И тогда я признался, что впервые в жизни держал телефонную трубку в руках...

– А рыба в твоём болоте хоть водится? – спросил меня потом лейтенант.

– А как же, – отвечаю, – караси по локоть!

Поверил ли он мне – не знаю, но больше дежурить у телефона меня не ставил...

ВОСЕМЬ СОТОК

Школу-восьмилетку Анна закончила перед войной. И её, грамотную, часто оставляла за себя болезненная женщина-бригадир. Вызвав однажды Анну, она объяснила, что и на каком поле надо сделать. Об этом надо было оповестить людей. И Анна пошла по селу, а соседский паренёк-одногодок Николай пошёл с нею сопровождающим.

– Есть такая и такая работа, – нерешительно стала агитировать Анна в одном доме. – Может, пойдёте?

– Нужно не просить, а приказывать! – подсказал Николай. – Туда пойдёшь и туда!..

И Анна прибавила крепости в голосе. Так и организовала работу в поле.

...Шла война, кое-какая одежка у людей ещё была, а вот обувь было нечего. Анна носила шерстяные носки, икры её ног были до крови исколоты стёрнёй скошенной пшеницы. Обрезав изношенные у пят носки и прикрыв икры, Анна шлёпала по полю босиком, благо камней на нём не было.

Дневная норма для женщин – сжать серпом двадцать пять соток пшеницы, а для пятнадцатилетних подростков – восемь. Что и говорить, уставали. Но, как бы ни болели руки и спины, вечерами собирались в клубе.

...В уголке деревенского клуба парни курили самокрутки, девчата танцевали парами: польку, краковяк, падеспань. Кружился в танце и молоденький морячок, его поставили в село на поправку после госпиталя и назначили счетоводом: вот и замерял в поле скошенные сотки. Танцующие пары обменивались партнёрами, и, встречаясь с Анной, морячок поддразнивал малолетку: «Эй, восемь соток!..»

...Водить лошадей, впряжённых в лобогрейку, доверяли парням, а в кидальщицы никто не шёл. Анна подумала и согласилась. Лобогрейку (обитую железом платформу на колёсах) тянула упряжка из двух лошадей. Впереди, заходя друг за друга, срезали пшеницу два острых ножа. Большой деревянный барабан, подхватывая жнивье, бросал его на платформу. Чистая, без травы, пшеница легко соскальзывала и ровными рядками стелилась по полю. А тяжёлые от сорняков стебли Анна регулярно сталкивала с лобогрейки палкой-рогатиной, её называли бянкой.

...Анна управляет рогатиной с заднего сиденья. Вокруг, куда ни кинешь глаз, – бескрайнее жёлтое поле. А впереди на платформе, на сиденье – возчик. Это Николай. И Анна на него сердита. Не отвечает, когда он обращается к ней. «У тебя лягушки вместо обеда», – пошутил паренёк в перерыве. А у неё нет сил на разговоры. От усталости ломит руки: пшеница сорная, заросла лебедой и полынью.

– Ну-ка, садись вместо меня, – командует вдруг Николай, останавливая лошадей. – Сдохнешь тут, отвечай потом за тебя, – продолжает он беззлобно, сгоняя Анну с места.

...Лошадьми править легче, и девушка давно отдохнула. Хочет вернуться на прежнее место, но парень не бросает работу. Ловко орудуя бянкой, он без устали сбрасывает с платформы золотистую пшеницу, и та ровно стелется по полю.

А солнце в небе нещадно палит, и устало тянется по пшеничному полю лобогрейка. Дойдя до края поля, умные животные разворачиваются, идут обратно, оставляя за собой жнивье...

– А почему «лобогрейка»? – спрашиваю Анну Александровну Солдатову, ныне пенсионерку, труженицу тыла и бывшую учительницу английского языка. Она на минутку задумывается.

– Может быть, оттого, что весь день на солнце лоб грели? – отвечает, вспоминая такое трудное, но памятное детство.

Николай Овчинников

КРЫЖОВНИК

Он раскинул свои колючие ветки с тёмными резными листьями вдоль ограды. Солнце, пробиваясь через широкие щели в заборе, накладывало на крыжовник яркие полосы, высвечивало крупные ягоды. На некоторых кустах ягоды были зелёные и отливали изумрудом. В глубине их золотыми точками светились семена.

– Это сорт «малахит», – сказал я Олегу, только-только вступившему на тернистый путь садовода-любителя. – А это – «финик».

Солнце пронизывало тёмно-красные ягоды, и они рубиново светились.

– Северным виноградом зовут крыжовник, – продолжал я. – В сыром виде он целебен. А варенье из него именуют царским...

Олег от крыжовника перешёл к облепихе, потом стал пробовать ещё незрелые, жгучие на вкус ягоды лимонника. А я смотрел на крыжовник, и мне вспомнилась давняя история, связанная с минувшей войной...

Наш Первый Прибалтийский фронт пересёк границу и вступил в пределы Восточной Пруссии. На подступах к немецкому городу Гумбинену наша рота оказалась в каком-то фольварке – крупном хозяйстве то ли помещика, то ли кулака-гроссбауэра.

Кирпичные постройки, крытые красной черепицей, мощённый булыжниками двор за крепкой оградой – всё говорило о прочности и незыблемости быта, рассчитанного хозяевами на века. За постройками раскинулись обширный яблоневый сад и ягодники. Вот тут, среди сада, и настиг нас неожиданный артиллерийский налёт. Немцы били по нам с недалёких позиций из миномётов. С противным воем на излёте мины рвались среди яблонь. Иногда взрывом выворачивало деревья с корнем. Иная мина срезала осколками толстые ветки, и спелые яблоки разлетались по саду.

Мы искали спасения, вжимаясь в землю, используя каждую рытвину, каждый бугорок.

Налёт окончился так же внезапно, как и начался. В наступившей тишине подали голос птицы. Страхивая с себя землю и остатки страха, бойцы поднимали головы и испуганно улыбались.

Я оказался возле куста крыжовника. Крупные ягоды рубиново рдели в лучах закатного солнца. Их было так много, что они казались нанизанными на ветки, как крупные гранатовые бусы.

На вкус ягоды были нежно-сладкие с непередаваемым словами тонким ароматом. Именно тогда я дал себе слово: останусь жив, придю домой, обязательно разведу такой крыжовник...

И вот – развёл. Этот самый крыжовник сорта «финик».

НЕОЖИДАННЫЙ ВОЯЖ

Река времени не течёт ровно, у неё есть и свои излучины, и свои омуты. Такой была и жизнь Ивана Петровича Илюшкина. Единственно, чему он не изменял никогда, – это железной дороге.

Занятие определяет понятие. Поэтому Иван Петрович хорошо разбирался в том, что связано с железной дорогой, и привычки его укоренились под давлением этого вида транспорта.

Одной из привычек было ходить в последний день перед Новым годом в баню. Не в ванне помыться, что он делал в обычное время, а именно в баню, да не просто в городскую, а в железнодорожную, расположенную довольно далеко от Интернациональной улицы, где он жил. Вообще-то он называл эту улицу по-старинному, Ильинской, а автобусную остановку «Детская больница» – «У Белова». Тот некий Белов в давние времена был крупным купцом-рыбником. Он и отстроил себе на углу Монастырской и Ильинской улиц двухэтажный

особняк, богато украшенный лепниной. Жители Закрымзы давно забыли о купце, но его дом белого цвета прочно спаялся в сознании горожан с фамилией бывшего владельца. Поэтому, когда в автобусе спрашивали: «Куда едешь?», отвечали: «До Белова».

Накануне Нового года и собрался Иван Петрович в баню. Надо сказать, что была у него ещё одна привычка, которую он держал в тайне от супруги: после бани он заходил в вокзальный ресторан и выпивал кружку «жигулёвского», тем самым раньше всех встречая Новый год. И в этот раз Иван Петрович не изменил себе. Часу в одиннадцатом он доехал на автобусе до вокзала, а там, за перекидным мостом, до железнодорожной бани рукой подать.

Банька была хороша. Иван Петрович в меру попарился, освежился и скорыми ногами отправился к заветной кружке.

Вокзальные рестораны и буфеты отличаются от обычных. Посетители их не сидят подолгу, не рассматривают «на свет» игру шампанского в бокалах, не заказывают музыку. Посетители вокзальных ресторанов накатываются волнами. С приходом поезда их поток захлёстывает ресторанный зал. Пассажиры на бегу бросают в газетный кулёк курицу или булку, или какой ни на есть бутерброд, засовывают в карманы бутылки и мчатся на перрон, где уже вспыхнул зелёный глазок светофора и локомотив протяжно загудел, готовясь к дальней дороге. Бывают нюансы.

Случается и такое, что ресторанный прислуга, готовясь к очередной волне пассажиров, расставляет на столах тарелки с борщом, приглашая поесть горячего после надоевшей вагонной сухомятки.

Вот такая волна накатилась, когда Иван Петрович уже давненько сидел за столиком над опустевшей кружкой и продолжал разговор с приятелем, которого не видел года полтора. Встреча была тёплой, о чём свидетельствовала пустая бутылка. Приятель, посидев, ушёл, сославшись на дела, а Иван Петрович в приливе вдохновения горячо рассуждал «за жизнь», не придавая особого значения тому, что сидит он за столиком один.

– Железная дорога – это, брат, ар-те-рия! – утверждал он, обращаясь к пепельнице. – А концы, концы-то её каковы! Владивосток-Белосток. Или, к примеру, Сызрань-Канадей!.. И везде – ко-ле-я и ...подвижной состав...

Иван Петрович не замечал суеты пассажиров. Ему было безразлично, кто прошёл рядом, кто торопливо хлебал флотский борщ. На миг в его сознание вошёл офицерский погон с майорской звездой, и он попытался завязать разговор об армии, о войне в Чечне, но погон пропал, а глаза Ивана Петровича застлало голубым туманом. Он положил отяжелевшую голову на ладони и задремал.

А вокруг кипела жизнь. Сновали официантки. Жевали, курили, толклись, торопились говорливые пассажиры. Только Иван Петрович сохранял неподвижность, да два милиционера прохаживались, наблюдая за порядком. Неподвижная фигура Ивана Петровича никак не вписывалась в общее движение, и это их сразу насторожило. Их внимание привлекла не только пустая пивная кружка и тарелка с недоеденным борщом, но и...

– Отстанет дедок, – обронил один. Милиционеры значительно переглянулись и враз посмотрели на часы.

– Видишь, деньги и билет, – сказал другой. – До отхода поезда две минуты. Берись-ка.

Милиционеры подхватили Ивана Петровича и быстро повели к выходу на платформу.

Тепловоз уже простуженно заревел, и вагоны дёрнулись, когда блюстителю порядка впихнули деда в тамбур.

– Билет у него в кармане! – крикнул один из них проводнице.

Та усадила нового пассажира под боковую полку, положила на колени его сумку, и Иван Петрович затих. Вагонные рессоры мягко качали его, как в зыбке, а колёса на стыках бормотали что-то непонятное, но успокаивающее. За вагоном синели ранние декабрьские сумерки да вспыхивали и гасли жёлтые огни маленьких станций и полустанков. Поезд, набрав ход, мчался всё дальше, унося незадачливого пассажира от родного очага.

Контрольная служба основана на недоверии. Армия контролёров неусыпно следит за тем, чтобы обывательский рубль не залёживался в кармане, а исправно оплачивал услугу.

Среди контролёров всех мастей и рангов наиболее организованные, наиболее внушительные и беспощадные – контролёры пассажирских поездов. Форма, в которой они исполняют свой долг, сродни милицейской и заставляет трепетать. Не случайно говорят: в спорах всегда правы милиция, пожарные и железная дорога.

На перегоне Прасковьино-Ключики в вагон вошли контролёры. Они продвигались, щёлкая компостерами, навстречу друг другу. «Зайцев» не было. Пока. Пока контролёр не подошёл к майору-пограничнику.

– Ва-ш-ш билет?

– Минутку... – майор стал шарить по карманам. – Куда же он делся? Ведь я с билетом выходил в Сызрани, может, обронил?..

– Па-а-прашу в Кузнецке освободить вагон, – безапелляционно заявил контролёр. – А сейчас заплатите штраф за безбилетный проезд.

Майор запротестовал. Он соглашался на штраф, соглашался купить новый билет, но только не покидать вагон.

– Я опаздываю к месту службы! – горячо доказывал военный. Но контролёр был неумолим. – Не освободите добровольно, приглашу милицию.

Майор хмуро отвернулся к окну.

А в соседнем купе второй контролёр и проводница теребили подвыпившего старичка. Дедок дремал, положив голову на вагонный столик. На коленях у него лежала кирзовая хозяйственная сумка, из которой выглядывал берёзовый веник.

– Дедушка, – тормошила его проводница, – билет давай, контроль требует.

– Отстань, – бормотал дед, – ...не трясись...

– Да куда ты едешь? – не унималась проводница.

– До «Белова»... сразу за Центральным рынком...

– Посмотри у него в кармане, – посоветовал контролёр.

– Тут... – та вытянула из дедова кармана билет.

Очнувшийся Иван Петрович зашумел: – Вы куда меня везёте, ироды! Старуха моя, чай, все больницы обзвонила, из бани меня не дождавши. А они, нате-ка, в вагон упрятали! Где едем теперь?..

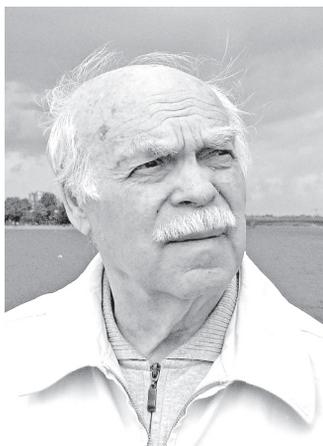
– Курмаевку проследовали, – ответил контролёр.

– Теперь до Кузнецка без остановки! – запричитал дед. – Как мне, горемычному, быть? Эй, мать-черёмуха! У меня и денег-то на обратный проезд нет...

– Так чей же билет у тебя? – оторопела проводница.

– Так это мой билет! – воскликнул майор, наблюдавший эту сцену.

Иван Петрович волновался напрасно. Обрадованный майор помог деньгами и новогодним утром дед предстал перед заплаканной супругой.

Юрий Семёнов

ТРИ ВСТРЕЧИ

Никто не знает, что ждёт его впереди. Исключений нет. Так и со мной. Если бы знал, то к тому очень далёкому событию отнёсся бы, если так можно сказать, дотопливее.

1960-й год. Город Энгельс. Военный гарнизон. Дивизия стратегических бомбардировщиков Мяснищева и один из отделов военного НИИ. Лето. Зной. Однажды небольшой группой офицеров идём в столовую мимо штаба дивизии. Через дорогу от него – тренажёр для отработки приземления парашютистов – два деревянных возвышения: одно метра полтора высотой, другое выше человеческого роста. Никогда никто на нём ничего не отрабатывал, а тут, видим, с десяток парней в спортивных трико, подзадоривая друг друга, прыгают в пыльный бурьян с самого высокого. Легко прыгают. Что за народ? Кто-то предположил, глядя на меня, начальника физподготовки и спорта полка, не спортсмены ли какие? Не слышал, да и парашютный спорт не в моей компетенции. В столовой один из дивизионных штабистов пожал плечами:

– Да вроде бы космонавтов готовят.

– Чего-о? Там только собаки летают! Человека – в собачью летающую конуру?

Посмеялись и отправились по своим служебным местам. Навстречу – та самая гурьба в спортивном. Один посредине (на вид постарше и поплотнее других, видать, тренер) что-то «травит», все смеются. Завернули в лётную столовую – она рядом с нашей, платной. Не по форме одетые – в столовую? Значит, цивилизные. Интерес к ним сразу притупился, но шумок в гарнизоне о космонавтах пополз среди жён, а это далеко не всегда должно будить иронию. Полковое начальство меня, физрука, держало за главного бездельника. Ошибалось! Одних бумаг... Вот каким-то знойным днём копался я в ворохе писанины, потея и кляня на чём свет стоит того идиота, что выдумал эту канцелярщину, как открылась дверь и прямо с порога – пропагандист (была и такая военно-партийная должность в полках) капитан Власов:

– Ты чего тут сидишь? Там космонавтов бросать будут!

– Каких космонавтов? Куда бросать?

– Да с парашютом. Тех, говорят, что перед штабом дивизии прыгали.

– Гражданских?

Несмотря на слушок, гуляющий по гарнизону, не совсем ещё в сознании увязывались они со словом космонавт.

– Каких гражданских? Летуны они все. Брось, наконец, свои талмуды!

Перед штабом полка (он в одном здании с дивизионным, только дивизионный – лицом к гарнизону, а полковой – к волжским просторам), за спортивными площадками, во всю приволжскую ширь – поросший жухлой травой грунтовый аэродром, по периметру ровно пять километров, что позволяло зимой прокладывать лыжню для сдачи норм ВСК – военно-спортивного комплекса. В уголке аэродрома, под раскидистыми тополями из года в год мирно дремал зачехлённый Ли-2 комдива. Примерно неделю в году, летом, ему удавалось тряхнуть стариной – лётный состав «проходил тренаж прыжков с парашютом». Это как у полкового врача раз в году прививки. Ну, то наши ребята прыгали, дело привычное, а всё привычное, как правило, скучное. А тут – космонавты! Неужели в самом деле – космонавты?

Над аэродромом на небольшой высоте деловито кружил Ли-2 с открытым входным люком. Примерялся, как половчее не промахнуться мимо аэродрома, хотя штиль висел, казалось, над всем миром. Штаб пуст. И из казарм высыпала вся солдатня вместе с суточным нарядом. Задрали подбородки, стоим. Нет, никакого класса космонавты не показали – прыгали точно так, как и наши, с такой же высоты. Среди зевак оказался и мой лучший баскетболист, капитан по званию и капитан полковой команды Валя Шот.

– Не на что смотреть, – сказал он. – Пойдём, новость расскажу. На площадку пришёл один из них, – кивнул он в небо. – Подобрал мяч и кинул по кольцу. Попал! Шкет, правда, на пацана похож, но – разбивается. Парень свой – не шумит, когда уронят, а встаёт и улыбается, будто сам виноват. Ты приходи, а то играем кто кого переорёт, а по-свистеть некому.

Пришёл. И правда, «свой парень» не баскетбольного роста. Протянули друг другу руки:

– Юра.

– Юра.

Рукопожатие у него крепкое, какое бывает у людей добрых и открытых. На таких надеяться можно: камня за пазухой держать не станут. Юркий и быстрый, он едва ли не между ног моих гигантов проскакивал под кольцо, но закинуть мяч в него ни разу не смог. После каждого такого конфуза, раскинув руки, виновато улыбался, дескать, сам удивляюсь, что так получилось. И улыбка такая завораживающая, что ни у кого язык не поворачивался выговаривать ему за промашку. Спортсмены в большинстве своём – народ горячий и, когда один из моих подбежал ко мне с гневным «за что свистишь?», Юра дотянулся рукой до его плеча и с ласковой улыбкой сказал: «С судьёй не спорят». Тот глянул на него сверху вниз с выражением «Это ещё что такое и откуда взялось?» и – чудо! – покорно потрусил на своё место.

Неожиданно со стороны штаба дивизии донёсся свист. Там, вдалеке, стоял их «тренер» в голубом и махал рукой. Юра наскоро пожал всем руки и побежал к нему. Мы сели на скамейку, и Валя Шот так сказал:

– Непростой пацан. Все новички обычно долго или коротко, но притираются в команде. А этот сразу будто век в ней играл.

Однако Юра больше на площадке не показывался. А через несколько дней кто-то увидел, что над аэродромом кружит Ли-2 на небывалой для него, здешнего, высоте. И со скоростью цепной реакции из казармы в казарму, из штаба в штаб полетело: «Затяжными прыгают!» В считанные минуты все их обитатели столпились на спортивных площадках перед аэродромом. Здесь никто никогда затяжными с парашютом не прыгал. Вот и раскрыли рты. Ждали недолго. От самолёта отделился чёрный комочек и стремительно полетел вниз, заметно увеличиваясь в размерах. Вскоре он превратился в маленького человека, раскинувшего руки-ноги. И не в ту же ли секунду над ним вспыхнул белый купол, как бы дёрнув человека вверх. По нашей толпе ветерком пронёсся облегчённый вздох. После того как первый парашютист приземлился, из самолёта один за другим посыпались знакомые уже «комочки». Кто-то один из болельщиков, затем хором стали мы вслух считать и насчитали пять секунд до того, как почти одновременно в небывало голубом в тот день небе раскрылись купола.

– Хризантемы расцвели, – услышал я рядом с собой. Оглянулся – Лидия Ивановна, машинистка из нашего полка.

Затяжные прыжки с парашютом – это было последнее, так сказать, выступление будущих космонавтов в нашем гарнизоне. Потянулась плановая, размеренная армейская жизнь. Как говорил замполит, подполковник Листопад, «летали полёты» и «устраняли матчасть». Минула не очень дождливая осень, за ней – морозная зима, гарнизон сменил зимнюю форму на летнюю и...

Наступило двенадцатое апреля 1961 года. Никто его, конечно, не ожидал как некое экстраординарное событие в жизни народов на планете Земля. Мало того, никто вообще не вспоминал уже ни тренажёр возле штаба дивизии, ни затяжные прыжки, ни самих весёлых ребят в спортивных трико. Всё ушло, как говорится, «в подкорку». Но в тот день... По штабу бегал восторженный капитан Власов и кричал: «Включайте радио! Наш космонавт в воздухе!» Весть не то что внезапная, а, простите не очень популярное слово, ошарашивающая. Непонятно, зачем мы выскочили из штаба. Ну, пошарили глазами по

небу – ничего не увидели. Что дальше? Дом офицеров выставил всю свою радиомощь наружу, и она орала на весь гарнизон. Мы стояли и гадали: Юрий Гагарин – наш или не наш? То есть он из тех, что парашютировали вот над этим аэродромом, или нет?

– М-да, – проямлил начальник клуба капитан Лутай (никакого клуба в полку не было, а начальник был!). – Всё ясно. Динамик и в кабинете есть, так шо, Юра, пойдём, делом займёмся.

Динамик тоже орал во всю мощь, а перед окном, сложив руки на груди и выставив вперёд ногу, стоял парторг капитан Васильев, прозванный в полку партбогом. Не повернув к нам головы, он чётко, точно так, как на торжественном собрании, предлагая избрать почётный президиум в лице политбюро ЦК КПСС, произнёс:

– Вот так, товарищи, мы снова впереди планеты всей! Теперь – в космосе!

– А кто такой Гагарин? – не дал ему продолжить тираду начальник клуба. – Чи из наших?

– Каких наших? Такого человека в Москве готовят.

В это время динамик объявил, что Гагарин совершил посадку. Где?

– Где запускали, там и посадили, – не меняя позы, резонно ответил нам партбог, – на Байконуре. Слыхали про такой? Куда вам.

Не успели мы с Лутаем, успокоенные, выключив динамик, чтобы не мешал, расположиться за столами, как он, произнеся обыкновенное человеческое слово «Ёккэлэмэнэ», вдруг выбежал из кабинета. Переглянулись мы, пожали плечами и зашелестели бумагами: я – всякими протоколами, Лутай – газетами. Он и заметил, что в штабе как-то необычно тихо. Пошёл выяснять и пропал. Заинтересовался и я обстановкой. В штабе лишь помдеж по части.

– А вы разве не знаете? Все рванули Гагарина встречать.

– На Байконур? – сострил я.

– Какой Байконур? Он тут, за аэродромом приземлился! Та не за грунтом, за основным. Генерал с партийцами – первый, а за ним – все кто мог. Вот и пусто.

Вокруг штаба дивизии стал накапливаться военный народ, надеясь, что наш комдив генерал Тарасов Гагарина к себе привезёт. Куда ж ещё? Ожидание казалось чересчур долгим. Слышались фразы: «Пять раз можно съездить за аэродром и обратно», «Значит, в степи где-то,

а не за бетонкой». Наконец, вдали показалась голубая генеральская «Волга», и толпа как-то дружно вздохнула и замерла. За «Волгой» – до горизонта весь гарнизонный автотранспорт. Она проскочила мимо, а следующий за ней незнакомый зелёный автобусик крутнулся чуть не на месте и встал поперёк дороги. Намертво. Партбог Васильев вылез из своего старенького заношенного «Москвича» образца 1947-го года. На него набросились сослуживцы:

– Видел?

– Да никто ни хрена не видел: дальше аэродрома никого не пустили.

– А куда повезли?

– В НИИ – только там правительственная связь. Самому Никите Сергеевичу докладывать будет! – оттопырив локоть, глянул на часы. – Так. Время обеденное, значит, повезут в лётную столовую.

Так бегуны-стометровщики не срываются со старта по команде «Марш!», как мы рванули к столовой. От неё до здания НИИ рукой подать. Там народу, подпирающего кирпичный забор, – на первомайскую демонстрацию столько не выгнать. И незнакомый автобусик потонул в той толпе. Что-то там произошло – глухой грохот, пыль и женские визги. Как потом выяснилось, от напора толпы рухнул один пролёт кирпичного забора. Обошлось без царапин. От НИИ до столовой – метров сто, не больше – Юрий Гагарин шёл пешком в сопровождении двух генералов – от авиации и от науки – и, улыбаясь, махал народу рукой. Знакомая улыбка! Потом о ней весь мир говорил и со временем словосочетание «гагаринская улыбка» стало привычным обиходным штампом, как, например, «раннее утро», «синее небо». Это потом, а тогда... Сказать, что сердце моё замерло – зачем врать? Но вот что-то всё же ущипнуло его, и чувство причастности к этому не до конца пока осознанному мировому событию чем-то взлётным наполнило грудь. И я стал искать вокруг себя, кто смотрит на меня? Все смотрели на Гагарина, а я увидел только Валю Шота – он выше всех. Пробился к нему.

– Наш?

– Наш – Юрик. Куда взлетел, а? Да ты не мне в рот смотри, а на него. Может, последний раз видишь.

На площадке перед входом в столовую в окружении всей её obsługi ждала Гагарина буфетчица Маша с тортом и стаканом на подносе.

Первая красавица в гарнизоне! А может, и не первая – конкурса не было. Я видел, как Гагарин взял стакан, а как поступил с тортом, – не знаю. Но, когда он пошёл в столовую и его фигура, заслонённая от народа генеральскими спинами, скрылась, я почувствовал горечь последнего расставания. Возможно, слова Шота «...последний раз...» пробудили такое чувство, но это требовало рассуждений. А мы пошли в свою, платную, столовую. Допив компот, Валя рукой вытер губы:

– Вот так, Юра. Ты Юра, и он – Юра. Ты капитан, и я капитан, и он... Допустим, капитан. Но где мы и где он? Его теперь, как икону, по всему миру понесут.

– Завидуешь, что ли?

– Чему тут завидовать?

Вышли из столовой. На улице никакой толчеи. Гагарин, может, уже где-то над Россией летит в Москву. Тополя блестят молодой листвой, где-то кричат мальчишки, радиомощь дома офицеров поёт голосом Гелены Великановой: «Ты на прощанье мне сказал: до завтра...», и вообще всё вокруг стало таким, как всегда, – спокойным и до скуки привычным.

– Слушай, – спохватился я, – а откуда торт взялся в лётной столовой?

– Ты, капитан Советского Союза, в какой стране живёшь? У нас же всё заранее планируется.

– Вообще-то в России хлебом да солью...

– Ты это нашим политотдельцам скажи.

Ошибался капитан Шот: не последний раз встретился я с Гагариным. В 1962 году военная судьба забросила меня в Заполярье, под 70-ю параллель северной широты, на Кольский полуостров, к озеру Пермус, с одной стороны которого город Оленегорск и станция Оленья, а с другой – наш посёлок Высокий с аэродромом «Оленья». Взлётная полоса точно такая, как в Энгельсе, – для любого типа самолётов. Только самолётов на ней стояло всего девять штук Ту-16-х – отдельная эскадрилья. Зато расположенная здесь авиабаза по своим возможностям могла бы обеспечить дивизию стратегических: и заправить горючкой, и загрузить любым боеприпасом. В случае, если... А пока, как думалось, наверно, очень высокому начальству, нам «делать было нечего». Да разве военный человек может не создать для

себя служебной суматохи? Эскадрилья всё-таки нет-нет да и летала, и ракеты пускала где-то в Баренцевом море, один раз даже в какую-то цель одной ракетой угодила. Банкет длился неделю. База обслуживала прилетающе-улетающие группы «тяжеловесов». Я всё в той же должности начальника физподготовки, только не полка, а базы, в основном, совместно с командирами подразделений по утрам выгуливал сонных солдат на зарядку да принимал нормы того же ВСК. По лыжам, конечно, по лыжам, потому что, как говаривали старые служаки-северяне, здесь «двенадцать месяцев зима, а остальное – лето». Какой солдат – а он, северный, всегда с лентой из-за недостатка кислорода – может на берёзовых досках, которые армейское интендантство числило лыжами, уложиться в придуманную на верхах норму? Вот и намеривал я дистанцию вместо десяти девять километров, а потом ещё придумывал липовые отчёты и липовые протоколы. Первые – для большого начальства, а вторые – на случай «внезапной» проверки тем же начальством. На что тратили мы внеслужебное (личное!) время? Офицеры в подавляющем большинстве на Пермусе да на Ловозере сверлили метровой толщины лёд и вылавливали окуней. А то и кумжу. Мне не до рыбалки: в моём распоряжении полдня почти все солдаты – лыжи, хоккей. Вечером в солдатском клубе – длинный деревянный барак, в котором убрали внутренние перегородки и соорудили сцену, – либо кино, либо концерт «художественной самодеятельности». Кстати, там исполнялись и мои песни. «Всю зиму полностью метём мы полосу, лишь снег летит от плуга прочь. Бетонка истинно блестит, как лысина, а мы метём...» Словом, кто не хотел скучать, тот не скучал.

Так вот в служебной суматохе нечасто вспоминалось о «наших» космонавтах – лишь при очередном запуске кого-нибудь из них в космос. Когда в «Красной звезде» публиковались их портреты, я пробовал угадывать. Герман Титов – поджарый небольшого роста паренёк с умным, критически настроенным взглядом, он постоянно находился немного в стороне от остальных и если на его губах появлялась улыбка, то вот такая: «Мальчики, мальчики, вам бы только позабавиться». Валерий Быковский? Помнится, но неясно – чернявый такой, большие глаза в озорном прищуре, нос кавказский... А вот Николаев

Андрян, пожалуй, старше всех и улыбка, как у доброго папы. Феоктистов? Нет, не могу вспомнить. Попович? Павел Попович! Господи, я же его за тренера держал!

Итак, 1963-й год. Северное лето с дождями и метелями. Генсек Хрущёв встречал Фиделя Кастро на нашем аэродроме. Через недолгое время после этой встречи в гарнизоне появилась группа ГВФ (гражданский воздушный флот), и аэродром наш приобрёл новую функцию – аэродром «подскока». То есть сел, дозаправился и лети дальше. Хоть до Канады, хоть до Кубы. Вот туда вскоре и летел наш космонавт № 1. Пока самолёт дозаправлялся, он отдыхал в гарнизонной гостинице. Директор её шепнула дежурной, та позвонила подружке, и к тому моменту, как Гагарину улетать, вокруг гостиницы собрался весь гарнизон. Ни Фиделя, ни Никиту не встречало столько народу. Я, конечно же, тут! В первых рядах. Очень нетерпелось увидеть Юру – каков он теперь? Узнает ли меня? Ведь совсем рядом пройдёт! Наконец, открылась дверь и в шинели с подполковничьими погонами появился он. Почему летом в шинели? А «На семидесятой параллели ни каштан, ни тополь не растёт, и мы наши серые шинели носим иногда круглый год...» Точно так, как в Энгельсе, за спиной маячат две фуражки с той разницей, что там генеральские, а здесь полковничьи – нашего командира и какого-то незнакомого чина. И точно так, как в кинокадрах, поднял он руку и подарил улыбку народу. Я тоже поднял. И он её заметил! Почему? Да потому, понял я после, что она, рука моя, одна торчала над толпой. И всё-таки мы встретились глазами. На миг. И на миг произошёл сбой в его торопливой походке. Он лишь шевельнул бровью, словно удивился, что ничего не разглядел в памяти насчёт этого вот капитана с поднятой рукой. Да и ладно: мало ли всякого накопилось в ней за его, хотя и короткую ещё, жизнь, где он нарасхват? Увезла его командирская потрёпанная «Волга». Вот теперь – навсегда. Но душу мою не обожгла та горечь последнего расставания, как в Энгельсе. Народ расходился, а я стоял и думал, вспоминая его лицо. Ничего мальчишеского в нём уже не было. Может, шрам, испортивший бровь, придал его выражению некую строгость? Да и улыбка, простите, не та, не гагаринская, а какая-то обязательная, что ли, по регламенту полагающаяся. Нет, горечи расставания

не ощущалось, вместо неё – грусть. Не за себя – за него. Человеку и тридцати ещё нет, а ему уже не до баскетбола – не побегать уж среди задиристых ребят, не почувствовать руками шершавую шкуру мяча... Чему тут завидовать? Жизнь прожить на подиуме – это сколько же лишить себя всякого, природой в тебя заложенного? Кто-то сильно толкнул меня в бок. Капитан Виль Кондратюк. «Офицер мыслящий», как однажды дал ему свою высшую оценку наш командир.

– Ты чего это руку тянул, как первый ученик?

– Признаться, – засмутился я, – думал, что он меня заметит.

– Тебя? Ты что за прыщ такой? Он мимо генеральской папахи пройдёт, как мимо табуретки в казарме!

– Так я же когда-то с ним на «ты» и за руку здоровались.

– Да ты... Брось заливать! Где это ваши орбиты пересеклись? В Энгельсе? Захолустье на Волге... Ладно, после расскажешь. Так ты такой скукоженный из-за того, что он – мимо?

– Нет, Виль, скорее из-за него.

Некоторое время мы шли молча, каждый при своих раздумьях, потом он снова толкнул меня в бок, на этот раз мягко, лишь обратить на себя внимание.

– Кто про что, а вшивый про баню. Вот так, Юра, и я. Думаю, думаю и только сам себя растравляю. Человеческое общество – это воплощение несправедливости. Как? К примеру, читаем хорошую книгу, восхищаемся сюжетом и чем там ещё. А кто её создал? Ну, ты запомнил, я запомнил, а спроси старшину или даже затырканного командира роты охраны Коряжкина? Да пошлёт он тебя по всем нецензурным адресам. Ещё пример? Ну, вот кто построил (а сначала нарисовал!) храм на Красной площади? И я не знаю. А кто придумал египетского сфинкса? Никто не знает. Погоди, погоди. Я про свою баню. Формулирую. Мы видим плоды труда, а их авторы в подавляющем большинстве случаев нас не интересуют. При чём Гагарин? При чём, при чём... Да, он первый в космосе. Дорогу открыл! Теперь за ним туда – Титов, Николаев, Попович и кто ещё? Терешкова? Ну, эта для счёту. Глядишь, так и до Марса доберутся. А Гагарин всегда будет впереди – как факел, прорезающий темноту космоса! Как, красиво сказал? Учись. Да вот душу кошки скребут: пройдут века, народ Гагарина не забудет, нет, а кто вспомнит автора всего этого? Автора с

большой буквы? Королёва Сергея Павловича? А? Молчишь. И я молчу. Но – думаю. Не думать человек не может.

Так до самого штаба и промолчали, а там он снова толкнул меня в бок.

– Ну, ты говоришь, что в Энгельсе служил в то время. Это когда он приземлялся? Да? Встречал? Слушай, байка ходит, что когда он вылез из своей капсулы в стеклянном пузыре на голове, то увидел бабку, что козу пасла на поле, и спросил, далеко ли до аэродрома. Она сначала онемела, а потом стала его крестить и заклинать: «Сгинь, нечистая сила!» Так было?

– И у нас эта байка ходила, – вспомнил я и рассмеялся. – Да кто это видел? А бабок с козами за секретным аэродромом – попробуй сосчитай.

Стар я стал и, как каждому старику, всё больше нужно подумать, покумекать, что к чему и как. Картины прошлого всплывают в памяти, и так хочется подобно тому, как в DVD, двигая кадр, заглянуть, а что там ещё было-то? Ничего не двигается, а жаль. Жаль ещё то, что иногда не очень-то обращаем мы внимание на события, в которых сами же участвуем, и, возможно, поэтому не придаём им особого значения, так как не видим его. Да и разглядеть не приходит в голову из-за кажущейся обыденности происходящего. Если бы знать. Если бы знать...

Татьяна Твердохлебова

ПОД ПОКРОВОМ БОГОРОДИЦЫ

...Удар кулаком в лицо был настолько сильным, что Иван отлетел к стене, стукнулся головой и, теряя сознание, сполз на каменные плиты. Ушат колодезной воды привёл его в чувство. Перед затуманенным взором метались злобные глаза офицера. Немец что-то кричал, тыча листовкой ему в лицо. Но Иван ничего не понимал. Голову словно сдавил раскалённый обруч. Обессиленный, Иван уже не пытался подняться, только обхватил руками голову, защищая от ударов. Да и от наказания скрыться было некуда. Он лишь стонал, вздрагивая всем телом от каждого хлесткого удара. Новый удар тяжёлым сапогом по рёбрам перехватил дыхание, в глазах потемнело, в бок впиалась чудовищная боль и унесла в беспамятство...

Приходил в себя уже в камере, куда его приволакивали после истязаний. В одиночестве времени вполне хватало, чтобы осмыслить происходящее. Иван, теряясь в догадках, силился понять, почему оказался в кровавом застенке. Он перебирал в памяти последние события, тщетно стараясь найти верное объяснение случившемуся...

До войны это было большое и красивое село. Весна сорок первого здесь выдалась ранней и на удивление нарядной. Деревья в садах

цветели как никогда – пышно, буйно, щедро раскрывая цветок за цветком. Ветер, пробежавшись по яблоневым пенным кружевам, усыпал лёгкой метелью нежных лепестков молодую зелень травы. Взмывая ввысь, он разносил душистый аромат и, ликуя, кружил в поднебесье. Порезвившись, соскальзывал на изумрудный ковёр с причудливым узором из бело-розовых лепестков, и затихал, прислушиваясь к восторженному трепету цветущего сада.

Видимо, это место было отмечено Божьей благодатью. Среди этакой красоты стояла круглая в основании белая церковь. На фоне прозрачной небесной синевы она словно парила над раскинувшимся привольем. Солнце, поднимаясь, набирая силу, устремляло свои лучи на золотой купол. И тогда могучий свет, ослепительный и сияющий, исходил от него. А когда вечерело и разгорался закат, разливаясь по небу малиновым жаром, купол, залитый закатным заревом, вдруг вспыхивал, словно пламя неугасимой лампы. Этот удивительный свет притягивал своим блеском, тревожил и проникал в сердца, собирая воедино людей под сводами храма. Иван расписывал эту церковь. Он был прекрасным, талантливым художником; про таких обычно говорят, что им дан особый дар свыше – творить душой и сердцем.

На этой земле жили трудолюбивые и добрые люди, жили безбедно, дружно и счастливо. Война нарушила все планы. Она изменила не только облик села, но и сказала на судьбах людей, выявляя у одних величие духа, у других – ничтожность их сути.

Немцы хозяйничали в селе уже который месяц. С этого времени аресты по доносам и без них, пытки и расстрелы держали людей в постоянном страхе, заставляя люто ненавидеть фашистов и вызывая жажду мести. Появившиеся однажды листовки с карикатурами привели немцев в особую ярость. То ли по чьему-то злому умыслу, то ли по ложному доносу Ивана схватили, решив, что это дело рук художника. К подозреваемым в связи с партизанами применяли изощрённые пытки, от которых можно было сойти с ума. Допросы с пристрастием стали кошмаром наяву.

...Прислонившись к прохладной стене, Иван отрешённо смотрел вокруг. И вдруг откуда-то до него донеслось едва уловимое божественное пение. Это было словно чудо; настрадавшаяся, истерзанная душа откликнулась, затрепетала, и губы невольно стали тихо шептать:

*Богородице Дево, радуйся,
Благодатная Марие,
Господь с тобою.
Благословенна Ты в женах
И благословен плод...*

В каждом слове скрывалась дивная сила, от которой человек, впавший в отчаяние, возрождается к жизни. Неожиданно взгляд художника наткнулся на уголёк, будто по чьему-то провидению оказавшийся на полу. Иван сжал его в ладони и прикрыл глаза. Волнуясь, сделал первый штрих. Уголёк в руке незаметно задрожал, но, справившись с волнением, художник продолжал рисовать. Рисовал медленно, старательно, словно взвешивая каждый штрих и давая руке вспомнить всё...

И вот на стене отчётливо обозначился кроткий лик Богородицы. В каждом штрихе был кусочек вечного неба, в каждой линии – жизнь.

Лязг открываемой двери оборвал работу. Иван вздрогнул, уголёк раскрошился в ладони, оставив незаконченным рисунок. Вошедший конвоир оторопел от увиденного.

Офицер, кривя губы в мрачной ухмылке, слушал солдата. Иван даже и предположить не мог, чем всё обернётся. Адская боль молнией пронзила тело, когда ему отрубили пальцы на правой руке. Жгучая, она разлилась пламенем, вырвала крик и мгновенно лишила рассудка. Этот неистовый крик ещё долго метался в стенах узилища...

Очнулся Иван от нестерпимой жажды и жара, пылавшего в теле. Казалось, его набили горячими углями. Рука посинела, раздулась, из обрубка кисти натекла лужа крови. Каждое движение отзывалось отчаянной болью. Иван тяжело дышал, облизывая спёкшиеся губы сухим языком. Блуждающий взгляд безучастно скользил по комнате. И вдруг налитые жаром глаза остановились на незаконченном образе.

На него смотрела Божия Мать. Скорбен был Её Лик, но вечный взгляд, сострадавший и преисполненный любви, придавал силы и мужества. Слабая улыбка тронула бескровные губы Ивана. Немец-то не знал, что художник имел особый дар. Иван был левша. Бог вложил ему талант в ту руку, что ближе к сердцу. Иван зубами оторвал от рубашки лоскут и со сдавленным стоном замотал обрубок.

Пошатываясь, словно в бреду, художник медленно поднялся и клочком ткани собственной кровью продолжил рисовать.

Кроваво-багровый Мафорий*, ниспадая, покрыл голову заступницы Великой.

В изнеможении художник опустился у её ног.

Иван был спокоен, когда открылась дверь и в камеру шумно вошли солдаты с офицером. Как вкопанные застыли они от представшей их взору картины.

Яркий ослепительный свет озарил комнату. Словно чьи-то руки подняли художника на ноги. Боль отступила ... Иван видел, как немцы, побросав оружие, хватались за глаза от нестерпимого света и корчились от невыносимой боли. Как будто сразу лишившись зрения и рассудка, бессмысленно двигались ощупью, толкали друг друга, наносили удары куда попало и валились с ног. Подымались, топтали упавших и осыпали друг друга проклятьями...

Иван шагал мимо них словно по какому-то невидимому коридору. Пресвятая Владычица, сошедшая со стены, распростёрла своё покрывало над страдальцем и вела, защищая от врагов видимых и невидимых. Алый покров в руках Её блистал «паче лучей солнечных». Ивану сделалось легко и покойно...

*Богородице Дево, радуйся,
Благодатная Марие...*

*Тебя воспеть певца бессильно слово!
Твоей любви сравненья в мире нет!
О, Матерь Божья! Под Твоим Покровом
Имеем мы прибежище от бед.
Незримый взору, он простёрт над нами.
Тепло мы всюду чувствуем его:
На ложе сна, в пути и в Божьем храме
Хранит нас ткань Покрова Твоего.*

* Мафорий (греч.) – накидка. Покров Богородицы.

ЛОХМАТКА

– Привезли-и-и! Привезли-и-и! – горланил во всю мочь веснушчатый взъерошенный пацанёнок. Он махнул рукой ватаге ребятишек и с криком «Айда-а-а смотреть!» что есть духу припустил к сельсовету. Пацанва, видимо, только и ждавшая этого призыва, подхватила и, догоняя и опережая друг друга, гурьбой бросилась вслед.

На площади перед сельсоветом уже находились эвакуированные из Ленинграда дети. Измождённые, с ввалившимися глазами, они молча стояли в сторонке. Председатель, угрюмо кивая головой, о чём-то разговаривал с двумя приезжими женщинами. Взглянув на исхудавших детей, на их лица землистого цвета, он помрачнел и, тяжело опираясь на клюку и приволакивая ногу, направился к конторе вместе с незнакомками. Блокадникам выдали всё необходимое и определили места проживания.

Приезжая учительница Анна Петровна с пятью ребятишками поселилась в небольшой приземистой избе с маленькими оконцами. С этой семьёй эвакуированных ленинградцев подружился бездомный кудлатый пёсик по кличке Лохматка. Он был обыкновенной беспородной дворнягой – не совсем взрослой собакой, а добродушным, неугомонным большим щенком. Дети привязались к нему. И он тоже платил им симпатией, но свою преданность и всю собачью любовь отдал светловолосому тоненькому мальчишке Илье. Произошло это после одного случая.

Илюшка, обследуя задворки, неожиданно столкнулся с молодым бычком. Кличка Буян красноречиво говорила и о крутом нраве, и о строптивом характере животного. Видя, как подгоняют розгой отбившихся от стада коров, мальчишка поднял прут и замахал им, пытаясь прогнать бычка с тропки. Тот, нагнув лобастую голову, засопел и начал нетерпеливо рыть копытом землю. Мальчишка, ещё не осознавая, чем это может обернуться, стал покрикивать и даже достал Буяна хворостинной. Бычок, злясь и фыркая, пошёл на своего обидчика. И вдруг на его пути возник Лохматка. Щенок, широко расставив лапы, стоял один на один с разъярённым животным, прикрывая собой ребёнка. Приняв самый воинственный вид, он, без сомнения, был готов героически защищать Илюшку и выдерживать любой натиск. В этом пока ещё глуповатом щенке, оказалось, жил твёрдый характер

настоящего пса. Ощетинившись и подавшись вперёд, он злобно рычал, наседая на бычка. Буйн, мотая мордой, попытался приблизиться, но Лохматка, забыв страх, с лаем метнулся на животину. Всякий зверь знает, когда он прав, и это придаёт ему силы. Бычок, не ожидая такого напора, попятился. А отважный защитник, захлёбываясь лаем, насккивал на него, яростно атаковал, пока не обратился в бегство. С тех пор мальчишка и щенок стали, как говорят, не разлей вода.

Пёс, появляясь у избы, звонким лаем извещал о своём прибытии, и ребянтя с визгом устремлялась к нему навстречу. Заряжаясь общим весельем, дети со смехом ласкали щенка, а Лохматка терпеливо сносил их приставания. И вдруг, оторвавшись от ребячьих ласк, он подбегал к Илюшке. Встав на задние лапы, пёсик с бурной радостью принимался облизывать шершавым языком лицо и руки ребёнка. А тот, целуя влажный нос щенка, шептал:

– Лохматка, Лохматка.

Запуская ладони в свалывшуюся шерсть, мальчишка трепал загривок щенка, теребил его уши и, оглаживая морду, крепко обнимал нового друга. Лохматка весь извивался от радости, морщил морду в счастливейшей улыбке и, повизгивая, махал хвостом.

В те тяжёлые военные времена щенок и дети были очень нужны друг другу. Отощавший лохматый пёс, подставляя себя под ласки, отогревал своей искренней любовью души ребят, доставлял им столько радости и восторга, что они забывали и о страшном вое сирен, и о шаривших во тьме по небу прожекторах, и о бомбёжках, словом, обо всём том, что пришлось пережить в блокадном городе.

Когда война закончилась, учительница с детьми стала собираться домой. В день отъезда в строжайшей тайне от детей дед Архип, взяв с собой Лохматку, ушёл на рассвете в лес. Всё было готово к отъезду: эвакуированные попрощались с соседями, погрузили нехитрые пожитки. Ребята уже сидели в грузовике. А Илья всё ходил и ходил вокруг дома, без конца звал своего верного друга:

– Лохматка! Лохматка!.. Ну где же ты?

Анна Петровна, обняв ребёнка за плечи, сказала: «Илюшенька, нам пора ехать». Мальчишка молча залез в кузов и вдруг, поняв то, что его тревожило, самому себе прошептал: «Его же здесь нет... Он не прибежит...»

Мотор заурчал, заработал, грузовик затрясся и тронулся с места. Илья лишь на мгновение обернулся, запоминая дом, низенькое крылечко, и, отвернувшись, упрямо сжал губы. До самой станции он так больше ни разу и не оглянулся.

Спустя много времени по воле судьбы Анна Петровна попала в село, приютившее её с детьми в военное лихолетье. Там и узнала о судьбе Лохматки.

...В тот день, вернувшись с дедом из леса, щенок с залиvistым лаем устремился к знакомой избе, но никто не выбежал ему навстречу. Наскакивая на домишко, Лохматка настойчиво продолжал лаять, призывая выйти тех, по кому соскучился. Но было тихо. Щенок не понимал, что произошло...

И вдруг Лохматка метнулся к стене. Срывая когти, он стал царапать заколоченные окна, яростно бросаться на запертую дверь. Ощетинившись и оскалив морду, щенок неистово метался взад-вперёд, надрываясь в лае до хрипоты. Вконец обессилев, заскулил, словно заплакал, и тихо лёг у порога.

Лохматку часто видели у той избы, где он в оцепенении сидел часами, ни на что не реагируя. Деревенские ребяташки пытались приласкать его, но он, уворачиваясь, убегал на задние дворы и прятался.

И однажды утром щенка нашли неподвижно лежащим на крыльце. Лохматка закрыл глаза навсегда...

Валерий Тимофеев

СЕМЬ КРУГОВ СЧАСТЬЯ

Жил-был геймер. Для представителей старшего поколения поясню: геймер – это фанатик. Самый настоящий. Он сутками напролёт занят лишь одним : игрой в различные компьютерные игры. И вот этот геймер взял и скончался. И оказался в каком-то странном месте, вроде класса в школе. Только ни парт, ни стульев нет, доски – тоже. Стоит, в общем, игрок посреди странного класса, а перед ним будто бы учительский стол. Массивный такой, длинный. Одним словом – старинный. И сидят за тем столом трое. В центре – тучный лысый мужчина в очках, а по бокам у него две дамы, весьма симпатичные. Одна – брюнетка, другая – блондинка. И мужчина на правах руководителя или даже местного авторитета задал геймеру вопрос:

– Ну, расскажите-ка нам, голубчик, какие события в своей жизни вы считаете наиболее значимыми?

Геймер задумался, а потом выдал:

– Я это, в семь лет прошёл все семь уровней игры «Найт-маре Эльм».

За столом переглянулись.

– Ух ты!.. В семь лет?.. Все семь уровней?.. Да, это достижение.

– А ещё какие вспоминаются вехи? – и председательствующий посмотрел на геймера поверх очков.

– Я это, в тринадцать лет прошёл все тридцать уровней игры «Драгмет охелл».

За столом переглянулись.

– Вот это да!.. Какой способный... Подумать только – в тринадцать лет!.. И ведь не врёт... Да, совершенно искренен... Непостижимо!..

Предводитель вытащил платок, протёр невыносимо блестящую лысину. Его взгляд на геймера изменился: в нём светилось неподдельное уважение.

– Очень хорошо, – проговорил управляющий. – А теперь скажите нам, что послужило причиной вашей, так сказать, кончины?

– А что тут говорить? – геймер, забыв про робость, приосанился. – Значит, дело было так. Играю я, понимаете ли, в игру под названием «Финал дэстинацион». А в ней семьдесят семь уровней. И я, это, нахожусь на семьдесят седьмом, окончательном уровне!.. Остаётся, это, сделать всего один (один!) клик! И тут, это, мой компьютер, вернее, системный блок вдруг пошёл дымом! Экран, это, погас. Я, это, заметался. Надо бы открыть окно. А с другой стороны – надо от блока все шнуры отсоединить... Короче! Пока метался, вредоносный дым сделал своё дело. Я окосел и перестал понимать, где нахожусь: где дверь, где окно... И я, это ... задохнулся. И теперь вот предстал перед вашей, так сказать, компанией.

За столом переглянулись:

– В какую игру он там играл?.. О, это сила!.. Моща!.. И я того же мнения... К слову сказать, я одолел только сорок седьмой уровень. А ведь мне столько лет!.. Неисповедимы пути компьютерщиков!.. Дамы! Что постановим?

– Да всё ясно, – сказала брюнетка. – Товарищу выдать пропуск в рай никак нельзя.

– Это ещё почему? – возмутилась блондинка

– Да не в кайф он ему будет, – ответила брюнетка. – Что ему там делать? Выть от тоски? Там ведь у нас хоровое пение, хореографический кружок... И ни одного компьютерного зала! Для заядлого геймера подобные условия – самый настоящий ад! И я не преувеличиваю!..

Блондинка энергично замотала головой:

– А вам не кажется, что мы кое-что забыли? Душа-то перед нами находится... безгрешная! У нас нет оснований вот так сразу указать ей пункт назначения. Давайте не торопиться, а то примем, того гляди, ошибочное решение.

– Почему ошибочное? – спросил лидер тройки. – Нормальное. Конечно, не логичное. Но нам надо в первую очередь думать о душе и предоставлении ей наиболее комфортных условий.

Блондинка не унималась:

– Что вы ему предлагаете, этому бедному мальчику? На том свете он беспрерывно паялился в экран монитора, и теперь, на этом – то же самое?

– Ничего подобного! – возразил руководитель. – У нас много круче! Три Дз! Полное присутствие! Никаких экранов и мониторов! Он реально будет проходить все круги ада! А это так интересно, так захватывающе.

– На нашем свете компьютеризация находится на невиданной высоте, – поддакнула начальнику брюнетка. – Наш новоприбывший будет в полном восторге!

– Он будет в аду! – взвизгнула блондинка и от переполнявших её чувств нехило вдарила кулачком по крышке стола. – Не будет ли лучше направить бедного ребёнка в ангельскую школу? Пусть хотя бы в виде привидения посетит картинную галерею, какой-нибудь спектакль или балет... Пусть в библиотеке побывает, полистает электронные книжки... Пусть хотя бы после смерти узнает, до чего был огромен и прекрасен мир, который ему заменил компьютер!..

– А ему это надо? – подала голос брюнетка. – Да о таких условиях, как у нас, ни один геймер даже не мечтает! Во-первых, никто и ничто не отвлекает от игры! Во-вторых, можно играть вечно! Вот оно – геймерское счастье! Вот где настоящий игровой рай!

– Логично рассуждаете, коллега!.. Ну, что ж, молодой человек, – обратился администратор к геймеру. – Раз уж вы к нам попали, сумев так играючи расстаться с собственной жизнью, то в таком случае есть у нас для вас одно предложение. У нас тут есть неподалёку семь кругов ада. Желаете их пройти?

– Оружие?

– Да какое пожелаете. У нас арсеналы заполнены под завязку.

– Жизни?

– Поскольку вы умерли, то получаете полное бессмертие. Так что не думайте о такой чепухе, как какие-то жизни.

– Миссия?

– Пройти семь кругов. А при прохождении постараться завалить максимальное количество чертей. За каждого вам будет полагаться бонус. Только учтите, эти твари очень ушлые и необычайно шустрые. Запросто насадят на рога или копытом лягнут. А про их когти даже упоминать не стоит. Вы там повнимательнее будьте, смотрите в оба. Ну, как вам наши условия?

– Я торчу! Когда приступить?

– У, какой прыткий!.. Да, редкое рвение. Исключительный энтузиазм... Очень похвально.

Председательствующий, выслушав дам,скомандовал:

– Ну что ж, коллеги! Полагаю, пора дать старт... Молодой человек! Сейчас я хлопну в ладоши, и вы окажетесь на оружейном складе. Выберите там что-нибудь на свой вкус. А как закончите приготовления – сами хлопните в ладоши три раза и переместитесь на исходную позицию. У ворот первого круга окажетесь.

– Вы, часом, не прикалываетесь? – поинтересовался геймер. – А то мне что-то ваши рожи доверия не внушают.

– Не извольте беспокоиться! У нас всё-таки не программа «Розыгрыш»! Мы вам подсказали наиболее выигрышный маршрут. Вы с ним согласились. Так отправляйтесь. Желаю вам получить там истинно райское наслаждение, – и руководитель смачно хлопнул в ладоши.

В тот же миг геймер исчез. Достоверно неизвестно: получил он обещанное или нет и действительно ли ад оказался для него самым настоящим раем...

...Пошёл однажды выбрасывать мусор. Смотрю: один из баков почти полностью забит газетами всякими, журналами, книжками. Наверно, недавно в одном из окрестных домов продали квартиру, в которой проживали интеллигентные пенсионеры. От них всегда остаются всевозможные бумажные отходы в неограниченных количествах. А новые владельцы квадратных метров спешат избавиться от стариковского хлама. От нечего делать поковырялся в тех бумажных

залежах, и на глаза мне попалась книжка Алексея Толстого «Детство Никиты».

Прочёл я название и невольно задумался: а чем отличалось детство Никиты Толстого от детства, скажем, Никиты Михалкова? Впрочем, Михалков тут ни при чём. Так, к слову пришёлся. Просто пусть вспомнят своё детство те, кому сейчас по 40-50 лет. Чем отличалось их детство от детских лет представителя дворянского сословия?

Как ни странно, но по большому счёту... ничем!

Зимой советские дети, как и в девятнадцатом веке, проводили время на улице: катались с горки на санках, также на лыжах, коньках (у кого они были), играли в снежки, строили, а потом дружно штурмовали снежные крепости.

Летом того лучше. Можно было отправиться на речку или во дворе погонять мяч. А велосипедные прогулки? А отправиться в поход с ночёвкой?.. Боже! Да что тут перечислять? Каким приятным сюрпризом оказывалась поездка на базу отдыха. А какой ответ ждали наши родители на свой вопрос: «Взять тебе, что ли, путёвку в пионерлагерь?»

...Даже не знаю, на какое место поставить поездку к бабушке в деревню. Очень жаль тех, у кого такой возможности не было.

Как ни странно, но ещё лет двадцать пять – тридцать назад так жили все дети страны Советов. Постепенно, тихой сапой в наш быт прокрался телевизор. Не меньше трёх часов в день проводили мы перед его голубым экраном в дни летних каникул. «Ералаш», «Будильник», «Приключения Электроника», «Гостя из будущего», «Кортик», «Бронзовая птица», «Два капитана»... Кто тогда мог предположить, что скромный телевизор обзаведётся клавиатурой, интернетом, прочими прибабасами? Что он начнёт именоваться «комп» и через компьютерные игры овладеет умами всего подрастающего поколения в мировом масштабе?..

Да, было у нас детство. Яркое, замечательное, запоминающееся, полное непередаваемых впечатлений и открытий. Единственное и неповторимое. У каждого – своё.

Теперь – не то. У современных детей одно детство: компьютерное. Одно на всех.

И никаких тебе вариантов.

... И только сердце от восторга тает

Ольга Воронина

ПАСХАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

Ах, как пахнет куличами
В день пасхальный тут и там!
Солнце жёлтыми лучами
Расплескалось по домам.

И сияют на божнице
Позолотой образа.
Спозаранку всем не спится,
Радость плещется в глазах.
Снедью стол благоухает
После долгого поста.
В каждом доме прославляют
Так воскресшего Христа.

Бирюзой весна струится
На луга, на юный лес.
И щебечут звонко птицы
И поют: «Христос воскрес!»

РАДОСТЬ

О радость ожидания весны!
Ни с чем ты в мире этом не сравнима.
Ночами снятся солнечные сны
И человек, тобой давно любимый.

А старая печаль прожитых лет
Вдруг из души куда-то исчезает.
И нет уже ни времени, ни бед!
И только сердце от восторга тает.

О радость ожидания весны!

ЛУНА

Из-за леса синего
Летний вечер вышел.
Он луну, как дыню,
Положил на крышу.

И луна у ската
Малость полежала.
А потом куда-то
Всё равно сбежала.

ПЛАЧ

Памяти моряков подлодки «Курск»

Материнский плач и плач любимых женщин
С горькой болью рвётся в небеса.
Их сыны, мужья уплыли в вечность,
И от слёз не осушить глаза.

Как прожить без милых их улыбок,
Без тепла родных, надёжных рук?
Слишком много роковых ошибок
Совершается у нас вокруг.

Ты сурово, Баренцево море,
Крики чаек рвут сердца родных.
Как преодолеть такое горе?
Как без боли помнить нам о них?!

ДЯДЯ ВАНЯ

Ах дядя Ваня, доктор дядя Ваня!
Тоскует сердце по тебе в ночи.
Когда же боль слабей немного станет?
Душа подбитой птицею кричит.

Тебя помянут многие старушки,
Лампадки у иконок засветив.
Ведь сколько их приземистых избушек
С тонометром в руках ты посетил.

Как беспощадно быстротечно время!
Как бьёт оно по душам и сердцам!
И памяти о милых близких бремя
Несём по жизни нашей до конца.

Ах дядя Ваня, милый дядя Ваня!

Я дарю тебе, любимый,
Синь небес и леса шёпот.
Я дарю тебе, любимый,
Ласку волн, прибоя рокот.

Я дарю тебе, любимый,
Гладь реки при лунном свете.
Без тебя мне, мой любимый,
Не нужны красоты эти.

Волга мне сердце навеки пленила

Галина Елисеева

ЦЕРКОВЬ

Много неба и много простора.
Взгляд не в силах окинуть поля.
За околицей, на косогоре
Церковь брошенная замерла.

Не сказать, что сплошные руины:
Сохранила высокую стая,
И на фоне божественной сини
Эту церковь далёко видать.

Изувечить её попытались...
Что поделать? Таков человек.
Растащили алтарь, надругались,
Ей теперь не подняться вовек.

Отсекла её позже дорога
От исконно родного села,
Где дворов сохранилось немного.
Вместе с прошлым и жизнь утекла.

Церкви русских заблудших селений,
Что скрывают о прошлом печаль
И тоску безутешных молений...
Как же их, бездыханных, мне жаль!

Пусть хотя бы в стихах воспаряют
В небеса, где плывут облака...
Пусть потомки однажды узнают
Правду, хоть эта правда горька.

СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

Лазурное небо. Бескрайняя ширь.
Над речкой старинный стоит монастырь.
Здесь Крымза, играя, впадает в Сызу.
И россыпь домов Засызрана внизу.

Здесь тянутся к солнцу церквей купола.
В молитвах возносится Богу хвала.
Собор Вознесенья теперь возрождён.
Закончилась эра безбожных времён.

Положено много во благо трудов:
Вот сад монастырский в сиянье цветов.
Открыты ворота для всех горожан.
Бывают туристы среди прихожан.

Монахи живут без вериг и оков,
Моля о прощении наших грехов,
Молясь неустанно и ночью и днём,
И тьму разгоняют священным огнём.

С покрытой главою под своды вхожу.
Спокойствие духа в тиши нахожу.
Меня отпускают досада и грусть,
Когда я о душах родимых молюсь.

Самара! Посидим, поговорим
И вспомним незабвенные деньки!
Самара! Ты дыханием своим
Меня согрела ветру вопреки.

Как долго привыкала я к тебе!
Меня родимый город не пускал.
Безмерно благодарна я судьбе
За юных лет беспечный карнавал.

Я растворялась в шорохе листвы
(Всё это было словно бы вчера!)
И в поисках потерянной любви
Бродила у фонтанов до утра.

Самарской звонкой яблонькой цвела,
И, радуясь мгновениям простым,
Лучом весенним с лёгкостью прошла
Сквозь первых заблуждений горький дым.

Бегают проворные машины
По мосту с утра и дотемна.
И деревьев молодых вершины
Серебрятся грустно у окна.

Режут воздух резвые синицы.
Пригнездились тут они давно...
Да, невелики, конечно, птицы.
Но хоть это Господом дано.

Здесь мой город. Здесь промчалось детство.
Юность скоротечно пронеслась.
Грусть и радость жили по соседству –
Неразрывна их земная связь.

Земляков приветливые лица,
Танцплощадка в стареньком саду.
На скамейках негде притулиться.
Сквозь сиреней облака иду...

Пусть цветут и буйствуют сирени,
Излучая несказанный свет...
Хоть года – разбитые ступени –
Грустно всхлипнув, закрипят вослед.

Вот-вот на Волге дрогнет вешний лёд
И затрещит, ломаясь по морщинам,
В стремительности гулкой и единой
Вдаль вереницей глыбы понесёт.
А может, панцирь вскроет ледакол,
Колдуя над замёрзшею рекою,
Фарватер намечая бороздою,
Пропашет лёд, натужась, словно вол.
А уж потом безудержно пойдёт
Крушение льда, толканье льдин о льдины.
Взыграет в бликах солнца середина –
Вдоль берегов ещё остался лёд.
Спеша с оврагов, звонкие ручьи
Рванутся в бездну волжских вод с разбегу,
И солнце приласкает нежно реку,
И заискрятся на воде лучи.

Объяты раскрыло воскресное утро,
Наполнило птичьими трелями двор,
И тонкая штора колеблется чутко,
Янтарные пятна слагая в узор.

За домом грохочет, проносится поезд,
Спешит, извиваясь, на солнечный юг
По берегу Волги, где травы по пояс,
Где синь разлилась, словно море вокруг.

На маковке знойное волжское лето.
Без устали солнце палит целый день.
В такую погоду нет рощи приветней
У самой воды, где спасительна тень.

Я еду туда и, свернув с автострады,
Штурмую зелёный крутой косогор,
Несусь в предвкушении летней прохлады.
И, словно на крыльях, пронзаю простор.

Раскинулось зеркало озера слева,
Сияет на солнце, красоты вобрав.
А справа берёзки глядят оробело,
Шалит ветерок, их подолы задрав.

Рачейское озеро – райское место.
Стекаются к берегу толпы людей.
И нет уголка в этих землях прелестней,
Ты здесь отдыхаешь без всяких затей.

Углём раскалённым я плюхаюсь в воду.
Мне зябко сначала, но это – лишь миг.
По небу плывут облака-пароходы,
А дно пробивает подземный родник.

Стеклянные пряди руками разрезав,
Пытаюсь проникнуть в прибрежную глубину,
Игрой наслаждаюсь, барахтаюсь резво:
– Водица родная, меня приголубь!

Исчезли тревоги, сомненья не гложут,
Забыла тщету-маету-суету,
И, словно бы сбросив лягушечью кожу,
Царевною юной на берег иду.

НА БЕРЕГУ

Лето махнуло соломенной шляпкой.
Слился с рекою, исчез горизонт.
Птахи испуганной быстрые лапки
Вышили строчкою мокрый песок.

В летнем кафе посетителей мало –
Только открылось. Ещё не сезон.
Смотрятся в заводь кусты краснотала.
В небе красуется огненный конь.

Конь ударяет злачёным копытом
И ослепляет сияньем глаза.
Тёплые краски повсюду разлиты.
Небо прозрачное словно слеза.

В шумный фонтан опускаю ладошку.
В радужных каплях на клумбе цветы.
Счастья мгновенья ловлю понемножку.
Слышу напев окрылённой мечты.

Струи фонтана на лиру похожи,
Струнами звонкими падают ниц
И, освежая горячую кожу,
Брызги летят. И не видно границ

Лету, входящему в полную силу,
Синей безбрежности древней реки.
Волга мне сердце навеки пленила.
Благословенны такие деньки.

Голос протяжный раздался парома.
Ждут не дождутся его Хутора*.
Время торопится, солнцем ведомо.
Лето спешит. Наступает жара.

* Хутора – населённый пункт на левом берегу Волги.

Края земли таинственно развёрсты

Максим Ершов

Пройдя по полю боя – по судьбе,
услышим там, где будет час на роздых:
Господь для нас играет на трубе,
развесив тишину на синих звёздах...

Мы встанем рядом, лица обратим
и вдруг увидим в перекрестье взгляда,
что мир – давно уже наш побратим.
И большего, наверное, не надо.

КАФЕ

Надо ли столько лет душу терять без шума?
Дрогнув под серый взгляд, сяду в твоей тиши...
Не торопи, устал. Чем-то похож на мула,
я об одном прошу: рядом со мной дыши.

В радужках глаз твоих окна находят полдень,
слов не искала ты: девочкам ни к чему.
Та же простая роль, только шарнир разболтан,
и не идут понты к голосу твоему.

В каске кагор и лёд... Пусть не звонит он, ладно?
Пусть постоит трамвай, пусть подождёт потоп...
Знаешь, грядёт февраль, и пустота громадна.
Просто молчи, пока трону губами в лоб.

Скоро шагну опять. Здесь все дороги кривы,
наша простая смерть долго по ним плыла.
Я всё храню тебя в образе юной примы...
Впрочем, и ты меня тоже не поняла.

В этом городе ждёт меня женщина.
Больше не ждёт никто.
Мне бы надо (с улыбкой шершня)
глянуть в зеркало, взять пальто,
брякнуть ключами весело,
крикнуть таксисту: стой!
И перед этой женщиной
выпасть, как лист резной...

Рассказать, что в поэзии чёртовой
снова видел дощатый гроб,
что стволом она мне упёрта
точно там, где целуют в лоб,
что живу, словно дождь, отскакивая –
превратив свою жизнь в сигнал,
а на сердце такая накипь...
будто я проиграл...

Мне бы надо пойти и сдать ся.
Но ведь ты –
это красный свет
в тишине,
на конечной станции...
Потому-то тебя и нет.

Потому и таксист не ловится,
ключи не смешно бренчат,
и хочет пальто на лестницу
свалиться, как тень с плеча...
Но, родная моя! Приеду я,
сосчитаем цветы до ста.
Чтоб и дальше ломать трагедию,
я поверил в твои уста.

Если, друг, ты живёшь не по вере простой,
а плывёшь в горизонт, простираясь далече,
привыкай всем казаться забавой пустой
и пустой высотой, потерявшей дар речи.

Будут трезвые люди ходить сквозь тебя,
пониманье твоё принимая за слабость.
Станет блеск твоих слёз их единственной славой,
о которой ты сможешь поведать степям.

Если дальше и выше, и выше пойдёшь,
где сердца одиноких ломает, как прутья,
то и женщину эту с собой не возьмёшь,
и уже никогда ты не сможешь вернуться.

Кто последний попутчик, узнаешь в свой срок,
вдохновенье позволит хотя б похмелиться.
– Это что за... такая... какая-то... птица? –
скажет добрый охотник, спуская курок.

Но тебе не так важно, что будет потом!
Если стал ты мишенью – уже пригодился,
и уже по движенью весь смысл твой случился,
и волшебные числа хранил твой бутон...

Он был опытен, дерзок и бодр,
своевременен и остроумен,
был зубаст, если надо, как бобр,
и гудел, если надо, как улей.

Если надо, он был как туман
и был молни-е-ю из тумана,
и умел подавать свой обман,
словно это небесная манна.

Исторгая сердец наших жар,
брал нас в плен фейерверков и радуг...
Всё понятно, друзья: гонорар
никогда не платили за правду.

ПРОСТИ

О как свежи цветов прощальных клипы!..
Неумолимы искренние всхлипы.
И отражают небо наши лбы.
Края земли таинственно развёрсты.
За горизонтом ближе стали вёрсты,
где и для нас повалены столбы.

И дальше жить не спрашивая надо,
пусть неизбежны горечь и прохлада,
как неизбежны встречи на пути.
Твоё плечо немного пахнет домом...
Подросшим детям объясняет, кто мы,
прозрачный шёпот краткого: «Прости!..»

ПЕРЕКРЁСТКИ

...И уже никогда на белом свете
не найдём мы такой красоты!
Перекрёстки несчастные эти
давят грудь, как большие кресты.

Перекрёстки тоскливые эти
вновь сентябрь осыпает мечтой...
Лишь на этой вот малой планете
так поёт нам родное ничто.

Здесь кого-то всегда не хватает
на озябшем и тусклом пути.
Намагничено сердце, и тянет –
Покурить и идти, и идти.

Потому ты выходишь по-новой,
чуть качаясь, как свечка идёшь.
Одинокий, во фраке лиловом,
меж деревьев теряется дождь.

Только губы алеют, словно
согревают фонарную мглу.
Одинокий, во мраке лиловом
я хотел бы стоять на углу –

на притихшем пустом перекрёстке,
где повалены мглой фонари,
отыскать в твоей новой причёске
переливы забытой зари.

Ну и кто я тебе? Какой-то лох.
Что любовь – витаминов весенний стон?
Рассмеёмся погромче, пока заглох
колокольный-то звон, человеческий звон.

Человек и не больше. Прости, не брат.
Я увидел стилет над твоим плечом!
Запахавшийся каждый присесть бы рад.
Задыхаясь, не думают ни о чём.

А спохватишься, шаришь – кругом безнал!
Не поможет – считай не считай до ста.
Может, просто захочется в небеса
в ту минуту, когда и Москва пуста...

Ты опять позабыла накрасить лак!
Если хочешь, цепочку на мне порви.
В этих пальчиках нежных и ветер слаб,
потому что в груди подрались орлы.

Не летай! Втихаря поцелуй меня –
человека, не больше. И пей тепло.
В миг, когда распускаются зелены,
если хочешь, любое разбей стекло.

Если надо, карябай у самых глаз,
всё равно твой стилет растворю в груди...
Дурачина. Распутин. Булгаков. Мразь...
Остальное всё сбудется впереди.

Чуть слышно гармоника плачет

Александр Зиборов

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Стихам не свойственно молчать,
Без пользы где-нибудь храниться.
Им предназначено звучать
Через открытые страницы.

Им надо петь и говорить,
По-стариковски не смущаться,
По-женски верить и любить,
По-детски плакать и смеяться.

Нравнодушных покорить
И жить – не просто уживаться.
Стихов призвание – творить,
Предвосхищать... И восхищаться!

Творцов достойно пережить
И перед ними преклониться.
Стихи обязаны служить,
А не молчать и не храниться...

СЛОВО

*Нам не дано предугадать,
как наше слово отзовётся*

Ф. И. Тютчев

«Ничто не вечно под Луной» –
Душа никак не верит в это!
И не луна тому виной,
Не суеверие поэта...
Нам очень многое дано.
И даже – право ошибаться!
А вот с душой предreshено
В подлунном мире распрощаться...
Но предсказуемым стихом
В сердцах по-своему ответить,
Успев хорошее – в плохом,
В хорошем – лучшее отметить.
Нам не дано предугадать,
Какая мысль души коснётся,
Но нам дано предвосхищать,
Как наше слово отзовётся!

ПО ЛАДОНИ

Всё не так! Зато – как на ладони:
Там, где жизнь не стоит и гроша...
Где мехи заброшенной гармонии
Распахнуть противится душа.
Где простым не так уже и просто
Притулиться к жизни. А с такой –
Разве что укрыться на погосте,
Обретя заведомый покой.
Может, жизнь – за линией ладони?
А над этой надо ли дрожать?!
Если как стреноженные кони, –
Чтобы от судьбы не убежать...

КИСТИ РЯБИНЫ

Ветер морозный в застывшую осень
Листья со снегом швыряет с утра.
Вот и с Покрова – не так чтобы очень,
Но удручает такая пора.

Рдеют румянцем рябиновым кисти.
С ягодой поздней на стылом ветру
Первому снегу последние листья,
Кажется, вахту сдают поутру.

Позднюю осень – седую старуху,
В снежном наряде почти не узнать.
И на старуху бывает проруха!
Видно, с Покрова не та благодать.

В вальсе прощальном осенние листья
Возле снежинок кружат поутру.
С веток рябины продрогшие кисти
Рдеют румянцем на стылом ветру...

КРАСА

Очаровательна по-женски –
Не насмотреться, как в глаза...
В каком же трепетном блаженстве
Её прощальная краса!

И, как от первого свиданья,
Признаний искренних полна...
Слегка коснувшись увяданья,
Обворожительна она.

Остынет нежности дыханье...
И с мокрым снегом – погода,
Увы, огонь очарованья
Укроет музыка дождя.

Пока же в чувственном блаженстве
Всё так же радуется глаза...
И так пленительна – по-женски –
Её прощальная краса!

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Изменчивый ветер погони,
Короткие сумерки дня.
Ах, кони, заветные кони,
Куда вы несёте меня?
Мелькают знакомые лица,
Сгущаются сумерки в ночь.
Не кони – крылатые птицы
Уносят, залётные, прочь!
Чуть слышно гармоника плачет,
Прижавшись к родному плечу,
И кони несут наудачу,
Удачей которым плачу.
Расплатимся – как же иначе?
Фортуна, не прячь колесо!
Иначе не видеть удачи –
Игривой удачи в лицо.
Но кони, залётные кони
В пылу суматошного дня,
Уставшие в жуткой погоне,
Не слушают больше меня.
Не слышно гармоники плача –
Какое уж там колесо!
Как видно, попал под раздачу –
Удача смеётся в лицо.
Исчезли знакомые лица,
И кони, которым невмочь, –
Невольные вольные птицы –
Беспомощно канули в ночь.
Не мне улыбнулась удача.
Ах, кони, не с вами лечу.
С надрывом гармоника плачет,
К чужому прижавшись плечу...

БЛАГОДАТЬ

И снежинка, упавшая с неба,
Что в ладони почти не видать,
И слезинка – из чистого снега...
Может, в этом и есть благодать?
С каплей счастья... Да много ли надо,
Кроме двух обручальных колец?..
Жить по-совести, с верой, отрадой,
С благодатью в душе наконец.
Но ведь это угодно и Богу...
Так несметным богатствам взамен
Посылается ангел в подмогу,
Чтобы легче подняться с колен –
Со снежинкой, упавшею с неба...
Чтоб с ладони в ладонь передать
Невесомое чудо из снега.
Может, в этом и есть благодать?

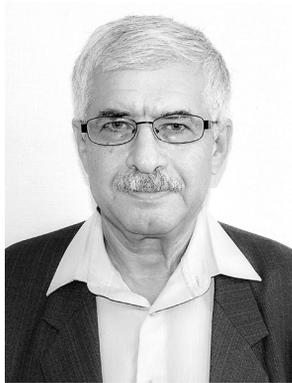
ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

Голубые,
Карие,
Зелёные...
Что греха, глазастые, таить?
Самые красивые – влюблённые!
Чтобы за глаза не говорить.

Зеркальце души –
Глаза влюблённые.
Прямо так и светится душа
Сквозь глаза – зелёные-зелёные:
– До чего ж девчонка хороша!

С русою косою ниже пояса...
Сказочная девица-краса.
И, внимая внутреннему голосу,
Полюблю зелёные глаза.

Но судьбу выбрал сам я и в этом не каюсь

Сергей Иванченко

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошёл последний самый,
Пробежал минорной гаммой
По стеклу в оконной раме
И растаял, словно тень.
Стало вновь светло, но всё же
Эта ясность не похожа
На весну, и мне дороже
Нынешний неброский день.

Солнце красит позолотой
Крыши, птиц последних ноты,
Ну а люди, словно в соты
Мёд, стекаются в дома.
И кому какое дело
В том, что осень отзвенела,
Что назавтра в платье белом,
Ей вослед придёт зима.

Налетит шальная стужа,
За окошком снег закружит,
И мороз оправит лужи
В ледяные зеркала.
Тучи серые, как тени
Позабытых сновидений,
Перекрасят цвет осенний
В цвет без золота тепла.

А пока речушка солнца
К нам теплом последним льётся,
И до завтра остаётся
Целый вечер. За окном
Пролетают с криком мимо
Стаи птичьих пилигримов,
Унося с собой незримо
Осень в платье золотом.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ СОНИ

Спи, малышка Сонька,
Шустрая девчушка.
Положи тихонько
Щёчку на подушку.
Слышишь звонкий голос?
Там сверчок за печкой.
Непослушный волос
Завился в колечко.

Старец-сон спокойно,
Тихо скажет с лаской:
– Маленькая Соня,
Закрывай-ка глазки.
И рукою тонкой
Завиток пригладит.
Над тобой иконка
В золотом окладе.

Перед той иконкой
Попрошу я Бога:
Дай моей девчонке
Светлую дорогу.
По дорожке этой,
Под Господним окном
Ты пойдёшь по свету
Далеко-далёко.

Догорели свечи,
Чай остыл в стакане.
Канул в Лету вечер,
Ночка в Лету канет.
Спи, мой ангелочек,
Юная беспечность,
Маленький мосточек,
Уходящий в вечность.

НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

Столько лет тобой люблюсь.
Может, это ворожба?
Ну за что тебя, такую,
Подарила мне судьба?
Лучше нет тебя на свете.
Тут, конечно, дело в том,
Что Господь тебя отметил
Красотою и умом.
Пусть богатства лодка к нам с тобой причалить не смогла,
И её уносит вдаль по течению...
В жизни главное, чтоб рядышком со мною ты была,
Остальное не имеет значения.

В мире нет тебя дороже,
Сердце с сердцем в такт стучит.
Только смерть одна и сможет
Нас с тобою разлучить.

Уж вставала к изголовью,
Проверяла на излом.
Ты меня своей любовью
Защитила, как крылом.
В той недоброй круговерти ты не раз меня спасла.
Что мне доктора, больницы, лечение...
В жизни главное, чтоб рядышком со мною ты была,
Остальное не имеет значения.

Мы с тобой неразделимы –
Друг без друга нам нельзя,
И пускай проходит мимо
Одиночества стезя.
Век попробует разрушить
Наши чувства вновь и вновь,
Но напрасно – в наших душах
Будет вечно жить любовь.
Ты меня в любовной клетке, словно птицу, заперла,
Но мне нравится моё заточение...
В жизни главное, чтоб рядышком со мною ты была,
Остальное не имеет значения.

ПОСВЯЩЕНИЕ РОДИТЕЛЯМ

Память в прошлое уносит:
Я пацан, мне десять лет.
Мне купили двухколёсный
Небольшой велосипед.
Еду я, счастливый самый,
Лужи режу бритвой шин.
Папа, мама, папа, мама,
Я мечтаю стать большим.

Не мудрея, повзрослел я,
По годам идя легко,
Забывая средь веселья.
Вас, живущих далеко.

Ни письма, ни телеграммы...
Вам недели – как века.
Папа, мама, папа, мама,
Уж простите дурака.

Я не скурвился, не спился,
Погружён в пучину дел.
Вам о том, чего добился,
Рассказать бы я хотел.
Только толку в том – ни грамма,
Слёзы виснут на усах...
Папа, мама, папа, мама,
Вы давно на небесах.

Улетели беды-тучки,
Снова светел небосвод,
Под которым моя внучка –
Ваше зёрнышко – растёт.
К солнцу тянется упрямо,
Ваши чёрточки храня...
Папа, мама, папа, мама
Вечно в сердце у меня.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ (НАТАЛИ)

Снова месяц февраль над землёю кружится,
Пряча нити тропинок в глубоком снегу.
Я от холода, как в страны южные птицы,
Устремляюсь в тепло, к твоему очагу.
Электрички окно. Тьма за ним мне знакома.
В полумраке вагон – света в нём не зажгли,
А колеса стучат: «Скоро ты будешь дома,
Где тебя целый век ждёт твоя Натали».

Километры пути под колёсами тают,
Мне навстречу бегут огоньки фонарей.
Показался вокзал, скорость поезд сбавляет,
И иду на мороз я из пыльных дверей.
По безлюдной дороге иду, чертыхаясь –
По колено метели её замели,
Но судьбу выбрал сам я и в этом не каюсь,
Потому что в ней есть ты, моя Натали.

Вижу я, проходя мимо клёнов белесых:
В доме, где меня ждут, мягкий теплится свет.
Я иду на огонь, и сквозь вьюги завесу
Проступает в окошке родной силуэт.
И опять я прошу всех богов во вселенной,
Чтоб они от напастей тебя сберегли.
Я захвачен тобой, я навеки твой пленник,
Я любовью прикован к тебе, Натали.

Для счастья надо так немного...

Александр Карякин

ПОМНЮ

Я помню низенький наш дом
Под обветшалой старой крышей,
Из-под которой в мир я вышел
По тропке рядышком с отцом.
Там тополей душистых ряд
За невысокою оградой
Встречал радушно в зной прохладой
И на полнеба был закат.
И лунный свет был будто дым,
И речка в темноте блестела...
Всё это к сердцу прикипело,
Струной в душе моей запело
И дало жизнь стихам моим.

ФОТО

Отец на фото в сорок пятом –
С улыбкой радостной солдат.
А рядом с ним стоят ребята –
Такие же, как он, солдаты –
И с фото пристально глядят.
Им всем в то время – чуть за двадцать,
Но за плечами их война.
Они б могли в живых остаться...
Победа... И не надо драться...
Но госпиталь... Да жизнь одна...
Отец на фото в сорок пятом –
С улыбкой радостной солдат.
А рядом с ним стоят ребята –
Такие же, как он, солдаты –
И в вечность устремлён их взгляд...

ЗАПОЗДАЛАЯ СЛЕЗА

Памяти отца –

Сергея Прокопьевича Карякина

Ты мне писал: когда приедешь, сын?
А я за счастьем гнался по стране.
Ты ждал меня и, белый от седины,
Молил, чтоб я не утонул в вине.

А мне хотелось воли, новых трасс,
Как ты, отец, мол, дома ни ворчи.
Но хворь тебя взяла в недобрый час,
И приговор свой вынесли врачи.

Скатилась запоздалая слеза,
Когда вернулся я под отчий кров.
Ты крепко спал, навек закрыв глаза...
Прости, отец!..Но ты не слышал слов...

Мои детишки вырастут в свой срок,
Разъедутся, быть может, по стране.
И пусть. Но, если позову, – дай, Бог,
Не опоздать им в этот час ко мне!

ЗАКОНЫ

Светлы московские палаты,
Гудит от криков микрофон –
Там в свод законов депутаты
Проводят новый свой закон.

А в дальних маленьких деревнях,
Куда добраться нелегко,
Живёт народ в поверьях древних
И пьёт парное молоко.

Решив, как жить – без депутатов –
Тремя законами тайги,
Что предки приняли когда-то:
Дай есть, согрей и помоги!

ПОД ТАЛЬЯНКУ

Вечер сетью золочёной
Затянул моё окошко.
Под березами Копчёный
Растянул свою гармошку –
Песней лес наполнил сонный,
Свесив голову к тальянке...
Говорят: знаком он с «зоной»,
Что сидел «по хулиганке».
Говорят, что он – безродный,
Что живёт он днём вчерашним.
Богу, людям неугодный,
В общем, стал совсем пропащим...
Но не верю я старухам –
Пусть твердят о том стократно!

Не хочу я жить по слухам
И иду туда, обратно –
Где берёзы стан точёный
Вечер нежно обнимает,
Где поёт про жизнь Копчёный
И от песни той рыдает.

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Ты идёшь не спеша переулком,
Ветер веет осенней тоской.
И стучит моё сердце так гулко
Оттого, что расстался с тобой.
Оттого, что, накинув платочек
На красивые плечи свои,
Топчешь ты, как осенний листочек,
Память нашу о первой любви.

До осени недолог путь.
Осталось мне пройти сквозь лето,
Чтобы в глаза тебе взглянуть
И спеть ту песню, что не спета...
Чтоб вся земная благодать
Затанцевала в спектре света
И помогла нам отыскать
Страну с названием Бабье лето,
Где до тебя рукой подать,
Где разрумянились рябины,
Чтоб ты смогла меня поймать
В силки летящей паутины.

ДРУЗЬЯ

Иду с улыбкой на вокзал,
А не трясусь от злости...
Ведь я друзей не предавал,
И к ним я езжу в гости.

Жизнь не хочу свою менять,
Пусть счастлив был немножко;
В ней, слава Богу, есть кровать
И с солнышком окошко.
И есть любимая еда –
Соль на куске ковриги.
А согревают в холода
Стихи друзей и книги...

НЕ ГОВОРИ

М.Е.

Не знаю, в чём твоя вина,
Да я и не хочу про это.
Я – о другом: звенит струна
В тебе, достойная поэта.
А кто из нас не падал в грязь?
Но надо, надо, хоть ты тресни,
Вставать, чтоб снова, помолясь,
Услышать ангельские песни.
Не говори в сердцах «прощай»,
Не за горами наша встреча.
Конечно же, тюрьма – не рай,
Но адской болью души лечат...

ПОЭТ

Светлой памяти

Вячеслава Суспицына

Кому – журавль, кому – синица,
Кому – в авто, кому – пешком,
Как некий Вячеслав Суспицын,
Шагать всё время большаком.

Он полем, солнцем, небом признан –
Села российского поэт.
А то, что он шагает в Сызрань,
Так ближе города и нет.

Географически. А также
И потому, что здесь друзья.
Никто ни в чём тут не откажет –
Друзьям отказывать нельзя.

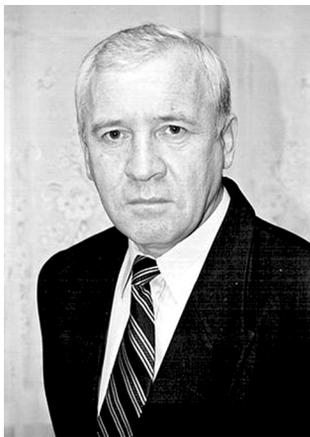
А коли так – шагай, Суспицын,
По колеям родной земли.
Мы все – в руке твоей синицы.
А может быть, и журавли?

НА РЫБАЛКЕ

Серёже Кирюхину

Осенней ночью у Сызрана
Гореть костру пришла пора.
И звездопад небесной манной
Смешался с искрами костра.
Я на рыбалке с другом ситным.
Нам здесь рыбачить не впервой.
Расставшись вновь с домашним бытом,
Сюда мы едем как домой.
Закинем донки с бубенцами,
Из котелка чаёк нальём
И станем снова пацанами,
И детство в гости позовём.
И будем вместе в этом мире
Смотреть всю ночь на небеса,
Чтоб слышать там – в ночном эфире –
Друзей ушедших голоса.
Я знаю, в жизни мы не вечны,
Но благодарен я судьбе,
Что далеко ещё путь млечный.
И признаюсь в душе себе:
Для счастья надо так немного –
Вдыхать костра пьянящий дым,
Смотреть, как дремлет друг Серёга,
И слышать, как клюёт налим.

Но живы юности огни...

Сергей Кирюхин

РОСТОВ

Моим великим предкам

Я приехал в Ростов-на-Дону
От приволжских родных Жигулей
И на улицах шумных тону
В разноликом потоке людей.

Я иду по казацким местам,
И Ростов улыбается мне.
Там тачанку подпёр пьедестал,
Здесь Будённый застыл на коне.

Я про полюшко-поле пою,
Про героев Гражданской войны,
И про тех, кто на самом краю
Не вписался в страницы страны.

Тех, кому был так люб атаман
И не страшен был Терек лихой;
Тех, кто не поддались на обман
И на Русь не махнули рукой.

Вся история видится тут.
И не надо искать, кто был прав...
Те же русские люди живут
На донских и на волжских ветрах.

Я иду по казацким местам,
Где Будённый застыл на коне,
Где тачанку подпёр пьедестал.
И Ростов улыбается мне.

В ВАГОНЕ

Вагон плацкартный – это целый мир.
Свои порядки и свои законы.
На столиках и пиво, и пломбир,
И гулкие стаканов перезвоны...

Народ весь в думах: каждый о своём.
Глодает чтива жёлтые газеты...
И удивлён, что мы ещё живём,
Что наши песни далеко не спеты.

Что многое сменилось с неких пор.
И криминал, и бартер, и налоги...
А жулики смотались за бугор.
Но дураки остались. И дороги.

Прав был поэт : Россию не понять.
Сосед безногий тоже ведь не понял .
Он вспоминал Чечню и чью-то мать,
И песни пел под водку – те, что помнил.

ВЕЧЕР СВЕТЕЛ*Вячеславу Харитонову*

Вечер светел и ласков , как фея.
В небе звездочка тлеет лампадкой.
Сквозь открытую форточку веет
Ветерок. И курю я украдкой.

Наклоняясь над стопкой бумаги,
Записать свои мысли пытаюсь.
Все поэты, по сути, бродяги.
Я такой же и в этом не каюсь.

Где-то тихо гудит телевизор.
Кто-то к милой спешит на свиданье.
Я ж на время по собственной визе
Укачу в самый край мирозданья.

На земле суета и проблемы,
И другие, конечно, преграды.
И лишь в мыслях свободные все мы,
Вдохновенья мгновеньем богаты.

Вечер светел, как фея, и ласков.
С ним душою легко отогреться.
И пишу не стихи я и сказки,
А мелодию ту, что от сердца.

ПАРОМ

Команда громко прозвучала
В осеннем воздухе сыром.
Взревел мотор, и от причала
Отшвартовался наш паром.

Заволновалась гладь речная,
Поплыл воронки завиток...
И, заглушая крики чаек,
Прорезал тишину гудок.

Дал задний ход и развернулся
Паром легко, как ни тяжёл.
И, набирая скорость, к руслу,
К другому берегу пошёл.

Под встречным ветром с видом гордым
Стоял на палубе народ.
Прошлись мы тихо задним ходом,
Зато как ринулись вперёд!

КАШПИР-РУДНИК

Дорога спустилась на старенький мост.
А дальше путь в гору недолог.
Туда, где родился, учился и рос,
В родной мой шахтёрский посёлок.

Где улицы помнят и мать, и отца,
Друзей, что уже не вернуться.
И помнят меня – озорного мальчика.
Вот снова б в ту жизнь окунуться.

Там Саня Краснов на гитаре играл
Душевно. Что значит – негромко.
Там мяч по футболному полю гонял
Дружок-одноклассник Артёмка...

Пройтись бы по Жуковской летней порой,
Когда зажигаются звёзды.
Там Волга под жёлтою Козьей горой
Течёт величаво и просто.

Вода там светилась до самого дна,
Что ныне привидится редко.
Там пляж украшала девчонка одна –
По имени Лобцева Светка...

Давно уж другие идут времена.
И путь, мною пройденный, долог.
Но манит родная моя сторона –
Мой старый шахтёрский посёлок.

Дохнув прохлагою на лес,
Рассыпав листья золотые,
Дожди развесив обложные,
Спустилась осень к нам с небес.

Поблёкла летняя краса.
Берёзки пристыдились даже,
Хотя нагие много краше...
Гусиной стаи голоса,

Чуть слышные из поднебесья,
Навели такую грусть...
Что если б не родная Русь,
Моя была бы спета песня.

ВЕСНА

В тени сидят старушки с вёдрами
И семечки грызут в подол.
А мимо них, играя бёдрами, –
Воистину прекрасный пол.

Такая цену знает смолоду.
Как говорится, всё при ней.
Идёт сама весна по городу –
Нет ни красивой, ни стройней.

Прошла прекрасная – не нам чета.
Но шамкают старушки вслед:
– Кака у девок скромность нонче-та?
ТЬфу, Господи... Управы нет!

Весенний день к закату клонится,
А бабкам всё покоя нет.
Но между спорами о моднице:
– Ах, где мои семнадцать лет!?

Не вспоминайте никогда,
К чему всё это?
Уже давно зима не та,
Не то и лето.

Уже друзья давно не те,
Другими стали...
То ль измелъчали в суете,
То ли устали...

Кто тихо-мирно отошёл,
Кто хлопнул дверью...
Но предавать – нехорошо,
Уж мне поверьте.

Уж лучше так: глаза в глаза,
И ставить точку.
А если есть чего сказать –
Гони на бочку!

Я не обижусь. Не беда –
Не мой ведь выбор...
Судьбе ж спасибо за года,
Из коих выбыл.

Но живы юности огни...
Хочу оставить
Из них счастливейшие дни,
Пока есть память.

Постичь гармонии единой суть и смысл

Виктор Коноплёв

ПОЭЗИЯ

Поэзия! Как пламень твой незримый,
Сжигая будни дней, лишая ночи сна, –
Томит. Неистово и неостановимо!

И, закорючек-букв нанизывая вязь,
На полуслове, тщетно мысль стремясь
Облечь в живую плоть, –
Рука бессильная перо уронит.
Белизна листа
Так всеобъемлюща,
Безмерна и
Пуста.

Созвучьем трепетным мелькнёшь –
И гаснешь.
Неявностью своей влечёшь
И дразнишь...

И сквозь нагроможденья слов,
Неповоротливых и плоских,
Исчезнешь без следа меж строк.
И снова сеть моя пуста,
И снова в сердце маета,
Лишь эхом бьются отголоски.

Но как охотник, дичь подстерегая,
В мгновенье каждое,
Всегда, везде в себя я
Всем напряжённым слухом погружён –
Тебя настигну!
И, сорвав покровы, познаю суть.

Простую – до умопомраченья.
Творцом невиданной Вселенной
Я стану!
И пусть мгновенье – тленно,
И в торопливых строчках
Тень лишь...

Но дай мне Бог долготерпенья
Пройти сей Путь!

Я – ВЕРНУСЬ!

Я – вернусь!
Я – свободен.
Пространство и Время –
Химеры.
Я – всегда. И нигде.
Но вернусь, чтоб
Прощальным,
Кровавым лучом –

Растревожить.
Ворвусь сквозь закрытые
Окна и двери,
И бремя
Эти хрупкие плечи покорно
Подхватят – моё.

И застынет
Печалью в глазах
Тот вопрос – без ответа.
И в безмолвье ночном,
Я, над юной головкой склонясь,
Опьяню сердце песней неспетой.
В каракулях этих
Вдруг прочту то, что сам
Не успел,
Не сумел
Отыскать...

Я – вернусь!

МЕЧТА

Я так давно мечтал –
Слить воедино
Пугливых рук медлительный полёт,
И Слова аромат неуловимый,
Что напряжённо миг рожденья ждёт.

Мерцание изменчивого света
Вдохнуть в мелодию, что только родилась.
Чтоб руки слово отыскиали где-то,
Найдя всему причину, смысл и связь.

Чтобы, прорвав тиски законов и канонов,
Постичь Гармонии единой суть и смысл.
Чтобы движенье, жест – точнее стали Слова.
И зримой – музыка,
И в ритме билась мысль.

Пусть свет умолкнет.
И угаснет Слово.
Но тем прочней связующая нить.
И струны нежные перебирая снова,
Твой голос вещий пусть соединит

Души незримый вопль
С сияньем мироздания,
Чей отзвук бледный мы зовём –
Любовь.

Пой, скрипка,
Пой!

ВРЕМЯ

Время! Слышу твой бег неустанный.
Давно за спиною,
Может, лучшая, может быть, нет –
Половина пути.
И всё меньше мне нужно, чтоб так,
Налегке – за мечтою...
Только б самое главное
Не растерять,
Донести.

Жизнь – прекрасна!
Своей вездесущей, пронзительной силой,
Бестолковой сумятицей дней.
Я в пучине твоей не один!

Сколько рядом
Талантливых, юных, красивых,
Что подхватят огонь
Из руки ослабевшей
Моей.

Так смелее –
Вперёд! К новым замыслам,
Встречам и лицам.
И рассеется мгла, и согреются рядом
Сердца.
В ритме нового века
Пусть наша мечта воплотится.
Станет праздником Жизни.
И снова – вперёд!
До конца!

НОЧЬ

Вот и ещё – день.
И я не смог – смочь.
И вслед за мной – тень,
А вслед за ней – ночь.

А день – всё бедней.
И некуда – прочь.
И всё длинней тень.
И всё мрачней – ночь.

Опять – сам с собой.
Не найти ответ –
Чем заглушить боль?
Где искать свет – мой?

Голос мой так тих.
Тьмы не превозмочь.
Ещё один стих –
Стихнет в тебе, ночь.

И ничего – вдруг.
Знаю, тебя – нет.
Не разорвать круг,
Не отыскать след.

Умер ещё день.
И я не смог – смочь.
Где ты, моя тень?
Нет. Только ночь, ночь.

ЖИЗНЬ

Жизнь снова режет на куски
Всё та же железнодорожность.
И в прямизне её пути
Рекламно лживая надёжность.
Ей всё равно, куда везти,
Кто ты, зачем ты и откуда,
И ни к чему слова, мечты
И вера. Даже если в чудо.

Но я, увы, свой договор
С ней подписал. Среди таких же
Бездомных пленников – за дверь,
Что мне откроют на чужбине.
И в ночь без сна я мчусь опять,
Подвластен воле той железной.
Когда и где я потерял
Себя в пути? Оставил где-то,
На пересадке, переезде?
Уже не вспомнить,
Бесполезно.

Не устану воспевать тебя, дорогая сердцу Родина!

Юлиана Лишманова

РОДИНА

Есть местечко заповедное...
Там растут грибы да ягоды,
Там цветут цветы душистые,
Травы стелются шелковые.

Там шумят леса сосновые,
А берёзки тихо шепчутся.
И, как верные подруженьки,
В хороводе плавно кружатся.

Там родник с водой студёною,
Сладкой, чистой, как слезиночка.
Кто испьёт её, умоется –
Краше прежнего становится.

Ах, сторонushка привольная!
До чего же ты прекрасная!
Не устану воспевать тебя,
Дорогая сердцу Родина!

ДМИТРИЕВСКИЙ ПАРК

Величественный парк
Раскинулся в округе,
Поэта Божий дар
Веками он хранит.
Легко дышать, бродить,
Мечтать здесь на досуге
И сочинять стихи,
Как сочинял пиит.

В аллеях вековых
Здесь муза обитает,
Как пташка, без забот
Порхает и поёт.
Она своих гостей
Приветливо встречает
И вдохновенье всем
С любовью раздаёт.

Величественный парк
Достался нам в наследство.
Здесь – заповедный мир...
И он – неповторим!
Надёжный, верный друг
Любим и дорог с детства.
Пусть будет он людьми
И Господом храним!

ПРАЗДНИК ВОСКРЕСЕНИЯ

Впитываю каждой клеточкой
Я дыхание весеннее!
Машет мне пушистой веточкой
Верба в праздник Воскресения.

Всем своим земным созданиям
В этот день, судьбой отмеченный,
Бог дарует осознание:
Жизнь на самом деле – вечная!

Если есть в ней вера светлая,
Милосердие, смирение,
Если есть любовь заветная,
Если вдруг пришло прозрение.

Я узнала: путь к спасению –
Через муки и страдания.
В день Христова Воскресения
Укрепилось это знание!

ГАРМОНИЯ

Припаду щекой к земле,
Руки в стороны раскину...
Растворюсь в безмолвной мгле,
В нежном трепете застыну

Пред величием миров,
Перед разумом Вселенной,
Перед щедростью даров
Недр земли благословенной.

И услышу под собой,
Как пульсирует планета,
Как ведут незримый бой
Силы тьмы и силы света.

И услышу тяжкий стон –
Плод людского заблужденья.
И услышу лёгкий звон
Крыльев ангела спасенья.

С благодарностью приму
Силу, что в меня вольётся.
Рада лишь служить всему,
Что гармонией зовётся.

ДАЛЕКО

Мы уедем с тобой далеко-далеко.
В том далёком краю не найдет нас никто.
День и ночь там бескрайнее море шумит.
И прекрасно оно, даже если штормит.

Ты шалаш сотворишь на морском берегу –
Я тепло очага для тебя сберегу.
А когда сядешь в лодку, чтоб выставить сеть,
Буду с берега вслед я с любовью смотреть.

Ночь над нами зажжёт миллиард ярких звёзд,
Серебристый туман возведёт дивный мост.
Под луной до рассвета мы будем кружить,
И поймём: друг без друга не сможем прожить.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Меня опьяняет предчувствие лета,
Когда босиком по траве пробегусь,
Когда соловьи будут петь до рассвета,
Когда я воды родниковой напьюсь.

Когда я увижу росточек зелёный,
Что к солнцу из семечка тянется ввысь.
Когда принарядятся стройные клёны,
Распустит сирень ароматную кисть.

Когда зажужжит, загудит, запорхает
Крылатая армия тварей земных.
Когда моё сердце как льдинка растает
От жарких и нежных объятий твоих.

Когда груз тоски, наваждений и страхов,
Как листья сухие, сожгу я в огне.
Когда я, живая, восстану из праха,
Что, как и природе, начертано мне.

АНГЕЛОК*Сыну*

Твой сон потревожить боюсь,
Прилягу тихонечко рядом.
Ты радость моя или грусть?
Обуза моя или награда?

Любуюсь чертами лица,
Вдыхаю твой запах молочный.
Ты – прелесть! Ты – чудо Творца!
Ты мой ангелок непорочный!

Ты дышишь спокойно, и я
Спокойно сама засыпаю.
Ты – жизнь! Ты – надежда моя!
Ты будешь счастливым – я знаю.

ОБЛАКА

В розовом свете заката
Плавно скользят облака...
Тянутся издалека
И уплывают куда-то.

– Вместе с собою возьмите, –
Хочется крикнуть им вслед, –
В мир, где нет горя и бед,
Где вы свободно парите!

Может, в материи сложной,
Там, где блаженство, покой,
Встречусь с родною душой,
Что на земле невозможно.

Ну кто же стучится в открытые двери?

Наталья Окунева

Опрокинусь лицом, как берёза, в речную прохладу,
Брошу в воду цветы, нелюбовь нагадавшие мне.
Закачает река лепестковую горе-досаду,
Не позволит сердечку сгореть на ревнивом огне.

Будет тихо журчать, будто я, как и прежде, любима,
Вдаль цветы унесёт, жёлто-белую грусть теребя.
Я реке благодарна за то, что плывут они мимо,
И за то, что она всю беду забрала на себя.

ЧУЖОЙ

Чужой, неласковый, печальный...
Как странно всё и тяжело.
Паром от берега отчалил –
Судьбу волною понесло.

Надежда чайкою металась –
Ведь так нельзя, нельзя, нельзя!
Сквозь равнодушие и усталость
Вот-вот – и встретятся глаза.

Но ты, себе не изменяя,
Смотрел на берег. На другой!
Как хорошо тебя я знаю.
Гордец. Неласковый. Чужой.

С кем целуешься, мой милый,
Нежен с кем? С какой другой
Дом тебе мой опостылел?
С кем хоронишь мой покой?

Я давно уже не плачу,
Только больно всё равно.
На кого теперь истрочу
Ласку – терпкое вино?

Чем старей вино, тем крепче.
Может, правда. Только ведь
Мне от этого не легче,
Если не с кем захмелеть.

СОН

В горячих снах любовь моя жива,
Струится свет из глаз её открытых.
Такие знает нежные слова,
Что наяву давно уже забыты.

Притихнет сердце, наблюдая сон,
Сожмётся сладко в неге и печали.
Там каждый вдох и чувства в унисон,
Там рук кольцо сомкнётся за плечами,

И будут долго-долго две души
Друг в друга светом глаз переливаться,
Как в ландышевой сумрачной тиши
Два родника. Но надо возвращаться.

Растает сон тончайшим леденцом,
И от любви ушедшей в укоризну
Останется любимое лицо.
Его лицо. Всё остальное – призрак.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

Давай не будем ни о чём.
Не будем и об этом...
Твоё плечо, моё плечо,
И вечность. До рассвета.
Пусть синеглазая река
Бесследно в лето канет.
Твоя рука, моя рука,
И – кто кого обманет.

И будет очень горячо
Обманутому сердцу.
Твоё плечо, моё плечо,
И горечь по соседству.
Но горько будет, лишь пока
Не вздумаешь отречься...
Твоя рука, моя рука...
Бессмысленная встреча.

Закатилось горе с горошинку.
Да в ладони горошина.
Я опять одна-одинёшенька
В доме брошена.

А над домом гроза сугулится
И ворчит, как медведица,
По пустой помрачневшей улице
Ливнем стелется.

Вот бы смыть водою той синею
Боль мою застарелую.
Изменить своей жизни линию
Не посмела я.

И глядит в окно одиночество,
Подарило горошинку...
Я сегодня без имени-отчества,
Просто – брошенка.

Вот ведь горе, нелады.
И кому поведать?
Неспокойная душа, что с тобою делать?
Радость вышла из тебя,
Словно кровь из вены.
Ты не можешь ни забыть,
Ни простить измены.
Где ты, синяя волна,
Что меня качала?
Сколько счастья от любви
Ты мне обещала!
Обманула, провела,
Уплыла далёко.
На столе моём букет –
Горькая осока.
Ой ты острая трава,
Звонкая осока,
Пусть порежет о тебя
Крылья свои сокол!

Пусть горит, горит, горит
Кровь его на ране,
Пусть он помнит каждый миг
О своём обмане,
Пусть пронзает ему боль
Клеточку любую!..
Пусть не знает, что его
До сих пор люблю я.

ПРОСТО ОБЛАКО

Крылья мощные раскинуты,
Весь – свобода и парение;
В синеве, дождями вымытой,
Плыл орёл – моё видение.

Взмыла ввысь душа влюблённая!
(Коль орёл, так лучше – об руку.)
Да застыла изумлённая:
Оказалось – просто – облако.

МОЛЧУ

От твоих укоров горестных
Сердце бедное сжимается,
Но тебе ответить нечего,
Я молчу. Молчанье – золото.

Ты казнишь меня обидами.
Всё терплю – деваться некуда.
И молчу – тебе спокойнее,
Ведь молчанье – знак согласия.

Только эти две премудрости
Нас с тобою не касаются,
Потому что оба знаем мы:
Замолчала – значит, спряталась.

НЕ ВЕРЮ

Ну кто же стучится в открытые двери?
Тебе я не верю.
Больное сердечко одно только слышит:
Как дождик – по крыше.

А грешные ночи я скоро забуду
И плакать не буду.
Метели закружат, замёрзнут окошки,
Засыплет дорожки.

И снова весна что-то шепчет в окно мне.
Тебя я не помню.
Глаза твои были, слова твои были –
Водою уплыли.

Нелепо стучаться – распахнуты двери.
Тебе я не верю.
Но вечером синим приди, мой забытый,
Ведь двери открыты.

Потеряет нашедший, найдёт потерявший...

Илья Портнягин

У РАСПУТЬЯ

Кто-то камень украл, у распутья стоявший.
Всё, наверно, пойдёт не по плану теперь.
Потеряет нашедший, найдёт потерявший.
Никогда не бывает совсем без потерь.

Повернул – будь готов тут же с чем-то расстаться.
Только к смерти бывают прямые пути.
Ежедневно приходится очень стараться,
Чтоб опять безопасней дорогу найти.

Да идти, повторяя её повороты.
Спотыкаться и падать, и снова вставать.
Но в горячем бреде сознавать, где и кто ты.
Да и просто хоть что-то ещё сознавать.

Вот тогда будут цели понятны, как слово.
Вот тогда будет ясен, как небо, урок.
Каменюку украл, видно, кто-то и снова
На другое распутье её уволок.

ЗНАМЁНА*России*

Вновь развеваются врагов твоих знамёна.
Опять в глазах твоих восточных вижу грусть.
Ведь так давно ты всех их знаешь поимённо
И все желания их помнишь наизусть.

Не научили их минувшие столетья,
Что бесполезно приходить к тебе с мечом.
А твой народ такие знает междометья,
С какими войны и невзгоды нипочём.

Гремят надрывно из-за моря барабаны,
Артподготовки из претензий и угроз.
Вовсю работают словесные тараны,
И оправданьем служит свастике склероз.

Не забывай! Как прежде, помни поимённо
Всех, кто опять готов пойти войной на Русь.
И если вновь придёт пора сжигать знамёна,
В глазах врагов увидишь западную грусть.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Мы на марше, нас гложет безжалостно ночь,
Чуем взгляды врагов, что прицелили к прицелам.
Разминуться со смертью здесь каждый не прочь.
Все, кого ни спроси, и в деталях, и в целом.

Наша рота сто раз искупалась в крови,
Командир новобранцев запомнить не может.
Вместо имени слышит он просто: – Живи!
И за месяц им век уж, наверное, прожит.

По цепочке кричат: – Лошадей не жалеть!
Ждать сигнальной ракеты, плевать на усталость!
И в живое вгрызается чёрная плеть,
Как война в нашу жизнь – ту, что дома осталась.

Нам – вперёд, мы навек проложили маршрут.
Вместо посоха есть пулемёт с автоматом,
А потомки поздней по крестам нас найдут
И поклонятся всем неизвестным солдатам.

БЕРЁЗА

Берёза веткой тянется к окну.
Наверное, в стекло опять глядится,
Надеется, что кисть я обмакну
И подрисую ей зелёным листья.

Озябшая и скромная. Стоит
В объятых наметённого сугроба,
А он ей белым цветом портит вид,
Подчёркивая бедность гардероба.

Ну чем же я помочь тебе могу,
Коль ты своим нарядом примелькалась?
Стоишь почти шесть месяцев в снегу.
Ты потерпи, немного ждать осталось.

Весна без объявления придёт
И заключит тебя в свои объятия.
Зелёную материю найдёт,
Чтоб не осталась летом ты без платья.

ФИТИЛЬ И ПЛАМЯ

Фитиль согнулся шахматным конём,
Дар Прометея взгромоздив на плечи.
Печаль его понятна: не о нём,
Слёз не жалея, горько плачут свечи.

Он потому и чёрен будто ночь,
Служить которой кем-то был обязан,
Что сам светить всем страждущим не прочь,
Но вспыхивает пламя раз за разом.

Не понимает он, что чёрный фрак
Так выгодно заметен в жёлтом круге.
И то, что свет рассеивает мрак,
Поэты занесут ему в заслуги.

Без пламени замёрзнет и умрёт,
Но и оно без фитиля не может.
Кто эту связь движеньем губ прервёт,
Тот тайну тайн навеки уничтожит.

ИСТОРИЯ

С трудом оберегая, враз губя,
Презрев размер и толщину укрытий,
История подмяла под себя
Очередную порцию событий.

Куда спешит её локомотив,
Качая в такт событиям вагоны?
Кому гудком выводит свой мотив,
Забыв про полустанки и перроны?

Пронзая бытиё и без преград,
Нарушив все законы и уставы,
Колёсами считая стыки дат,
Года сцепляет в длинные составы.

Сквозь вереницу войн и катастроф,
Спасая сотни, убивая тыщи.
Туда летит, где нет уже костров
И смерть живёт на стылом пепелище.

Пускай спешит, но только не туда,
Где некому уже служить обедни,
Где друг на друга налетят года,
Войдя в тупик у пропасти последней.

ДОРОГА

Как объяснить мятущейся душе,
Что человек – лишь хрупкое создание,
Согбенное под тоннами клише,
Рождённых им себе же в оправдание?

Бредёт порою он в кромешной тьме
По лабиринтам времени и места,
Жонглируя кошмарами в уме,
Боясь того, что лишь ему известно.

Стремясь увидеть где-то вдалеке
Пускай не свет, хоть искорку в надежде,
Что, бросив всё, помчится налегке
Туда, где никогда он не был прежде;

Стремглав, забыв про всё и навсегда,
Не чуя ног, не глядя на дорогу.
И убедится вдруг через года,
Что он всю жизнь искал дорогу к Богу.

Хотелось нам до самых звёзд

Олег Портнягин

КРЕМЛЬ

Москва... Как много в этом звуке...

А. С. Пушкин

Московский кремль, идёшь ты сквозь века,
Какой бы ни была в анналах дата.
И сызранский глядит издалека
С почтением на старшего собрата.

Поднявшись на высоком берегу,
Взял имя у реки, впадавшей в Волгу.
Обитель другу и заслон врагу,
Не изменял он воинскому долгу.

С кремлём столичным у него родство
По правилам строительной науки.
Хоть и одна лишь башня у него,
Но – Спасская! Как много в этом звуке!

НАВСЕГДА

От Кашпира и до Белова дома,
А далее – до трассы на Москву –
Мне всё до каждой улочки знакомо,
Поскольку здесь давным-давно живу.

По улице старинной где-то в центре,
По Монгоре ль пришлось проехать мне –
То там, то тут блестят крестами церкви.
Всё больше их на сызранской земле.

По-разному живут, конечно, люди:
Некрепок дух, и небезгрешна плоть.
Но город наш Всевышний все же любит.
Жалеет нас и милует Господь.

Не потому ли сызранцы так часто,
Облюбовав другие города,
Не могут в свой родной не возвращаться,
И не на день-другой, а навсегда?

ЧЕРТЫ

Какое лёгкое дыханье!
Какие профиль и анфас!
Но вот... морщинки вертикальные
На переносице у вас.
Они не портят вас нисколечко,
Лишь откровенно говорят,
Что вы с лихвойхватили горюшка –
Аж не вмещается во взгляд.
И боль в тебе не вмещается,
Когда опять увидишь ты:
Морщинки женщин превращаются
В национальные черты.
Но воли чувствам ты не дашь-таки,
Смиряться в конце концов.
Ведь у самой России-матушки
Давно такое же лицо.

КАЧЕЛИ

Смешные, глупые качели:
На двух верёвочках – доска.
О как мы высоты хотели –
Со свистом ветра у виска!
И высота нас принимала,
Свистел ветрище – аж до слёз.
Но всё казалось: мало, мало.
Хотелось нам до самых звёзд.
Не обещали звёзды славу,
Хотя и вовремя зажглись.
Качели – детскую забаву –
Мы сами превращали в жизнь.
С её падениями в бездну
И взлётами в такую высь,
Где удержаться бесполезно,
Как за верёвки ни держись.

СТРЕМНИНА

Всё шире забереги, шире.
Всё уже ленточка воды.
Давно бы речку заглушили,
Когда бы не стремнина, льды.
Хотя морозило всё крепче,
Особенно под Рождество,
Парила полынья на речке,
Не признавая ничего.
Крещение наступало грозно:
Воды – не ленточка, лишь нить.
Но так два берега морозы
И не смогли соединить.
Не прижимая к сердцу руку,
Без жестов должное воздам:
Спасибо, речка, за науку
Не поддаваться холодам.

Спасибо, что неистребимо
Теперь желанье льды разбить.
И не стремиться на стремнину,
А самому стремниной быть.

ОДНАЖДЫ

У мальцов глаза блестят
От рискованной забавы:
Камни весело летят
В проходящие составы.
Что ни бросил – то верняк:
Камень точно в цель ложится.
Не жалели товарняк,
Но жалели пассажирский.
Вроде ясно без врача:
Не убудки, не дебилы,
Но с упорством дурачья
По дощатым стенкам били.
И однажды, как всегда,
Вышли к рельсам по привычке.
Пропустили поезда,
Врезали – по электричке.
Бритвы стёкол, бабий вой.
Чирк – и девочке довольно.
Вот осталась бы живой,
Рассказала бы, как больно.

СУДЬБА

Банку тушёнки нежно вспороть,
В кружки набулькать спиртяжки.
Да не сдадутся ни души, ни плоть,
Как наши ноши ни тяжки!
Это лишь кажется, что налегке
Жизнь мы размашисто мерим.
Держит судьба нас в своём кулаке
Так, что и пикнуть не смеем.

Но разжимаются пальцы подчас
И у судьбы на мгновенье.
И уж тогда не удержите нас
Вы, ни пространство, ни время!
Шпарим зигзагами и по прямой –
Как на дистанции спринта.
Даже дышалку сбивает порой,
Словно от чистого спирта.
Пусть мы под небом встаём на постой,
Пусть обморожены щёки.
Лишь не валяться бы банкой пустой
Из-под говяжьей тушёнки.

ПРИНЦЫ

Смешно вам, но честное слово:
Девчонка серьёзно вполне
Ждала жениха не простого,
А принца на белом коне.
Монархи ли отпрысков прячут,
Дороги ли криво легли,
Но принцы никак не доскачут
До нашей российской земли.
И сколько их ждать, этих принцев?
Сомнителен этот процесс.
У принцев, наверное, принцип:
Скакать напрямик до принцесс.
Да если присмотришься всё же
Получше к сынкам королей –
У многих ни кожи ни рожи,
Не то что у наших парней.
И сколько бы вы ни ворчали,
Девчонки, к чему ваш каприз?
Царевич на сером волчаре
Прискачет скорее, чем принц.

ТРАВА

Взяло солнце погоду за горло –
Потеплело среди января.
Обманулась трава и попёрла,
Снег собою сменить нороя.
Позабавилась этак природа,
Послунявила свой календарь
И вернулась по времени года
Из весенней теплыни в январь.
Снова стужа пришла, а за нею
Снегопад засучил рукава.
Но на белом ещё зеленее,
Чем на чёрном, гляделась трава.
Люди снова к морозу привыкли,
И не видел никто на бегу,
Как, всю зеленя, травинки
С головой утопали в снегу.
Но в метельном воинственном вое
Многим слышалось, как наяву:
Все вы будете или травую,
Или снегом, сгубившим траву.

... Поутру вернётся солнца пламенеющий янтарь

Игорь Рабштейн

ЛУНА

Безветрие. Мороз. Как раз посередине
Расколотый январь, заснеженный, седой.
И царственно луна плывёт на белой льдине,
И звёзды-градины за нею чередой.

Безветрие и тишь. Минуты до рассвета.
А может, целый век ещё рассвета ждать.
Надменная луна, царицей разодета,
На бархате небес желает возлежать.

Но время истекло, её наряд бледнеет,
И гаснет звёздный свет серебряной фаты,
Но всё же иногда завидую луне я,
Что царствует в ночи средь звёзд и темноты.

Пусть серебристый свет теплом не согревает,
Луна в себе несёт заклатья печать,
Но тайною своей, как прежде, привлекает,
Нам душу берedit «полночная свеча».

Она глядит с небес, мне навевая строки,
Я вижу из окна её размытый лик.
С луною мы близки. Мы оба одиноки.
Трепещет на стене её дрожащий блик.

Прощается со мной, рассвету уступая,
И, царственно горда, скрывается с небес...
Я буду ночи ждать, опять часы считая,
Чтоб окунуться в ночь как в сонмище чудес...

ПЕЙЗАЖ

Над рекою – солнце. Вечереет.
Левитано-чеховский пейзаж.
Над лугами терпких трав купаж.
От реки прохладой нежной веет.

Посреди разросшегося луга
Две берёзки свечками стоят,
И земля, не знающая плуга,
Примеряет вечера наряд.

Незаметно, тихо блекнут краски.
Сумерки подводят дню черту.
И неспешный, флегматичный, вязкий
Вечер разливает темноту.

Темнота вот-вот закат погасит,
Но его последние лучи
Ненадолго вызолотят ясли,
Где телёнок жалобно мычит.

И прохожий, торопясь к ночлегу,
Всё-таки успеет ощутить
Эту ускользящую негу,
Что закат способен подарить.

А лучи слабеющего солнца,
Миру обещают, как и встарь,
Веру в то, что поутру вернётся
Солнца пламенеющий янтарь!

Не передадут, увы, ни масло,
Ни пастель, ни, например, гуашь
Краски солнца, что почти погасло.
Левитано-чеховский пейзаж.

РИФМА

На цыпочках, стараясь не дышать,
За рифмою ступаю осторожно,
Спугнуть боюсь и, замерев тревожно,
Стараюсь по её следам ступать.

Как будто насмехаясь надо мной,
Она, и своенравна, и надменна,
В пространстве растворяется мгновенно
Или таится где-то за спиной!

Но я упрямо, словно царь Сизиф,
Не веря в тщетность собственных стараний,
Ищу её везде, и между нами,
Мне кажется, намечен позитив.

Пусть иногда, но всё же мне везёт.
И как бы рифма быстро ни бежала,
По строчкам остро, точно, вроде жала,
Нет-нет да и моё перо скользнёт!

Смелее становлюсь. И вот уже,
От рифмы я почти не отставая,
Иду след в след, уверенно ступаю,
И нам обоим это по душе.

ПАМЯТЬ

Блаженствуя в плену своих видений,
Я день сегодняшней не очень-то и чту.
А годы пролетают, словно тени,
Собою заслонив мою мечту.

Года летят, как будто в небе птицы.
Но птицы возвратятся. Годы – нет.
И всё же память может возвратиться
Из плена удаляющихся лет!

Она, она порою мимоходом,
В сознании как молния сверкнёт!
И прошлое цветистым хороводом
Воротится назад за годом год...

И мир вокруг мгновенно озарится
В лучах сверкнувшей памяти моей.
И годы возвратятся, словно птицы,
Чтоб разлететься пухом тополей;

Чтобы разлиться вешними ручьями;
Листвой позолочённой облететь;
Опять гореть задранными свечами,
Но в памяти до пепла не сгореть!

НОЧЬ

День суматошный и рутинный,
А в чём-то, может быть, напрасный
Как будто серую холстиной
Завесил вечер безучастный.

И, приглушив дневные краски,
На город сумерки спустились,
Шагает вечер без опаски,
Дневную дрёму пересилив.

Я ночи жду как избавленья
И в сумерках ищу покоя.
Заката медленное тленье
За горизонт течёт рекою.

Так сумерки перетекают
В глухую ночь, как в чёрный омут,
И город, словно в тушь макая,
Как будто погружают в кому.

Не дарит ночь успокоенья,
Под окнами разлившись мглою,
Пронзает месяц средостенье*
Своею острою иглою.

Увы, и тишина ночная
Совсем не дарит мне покоя.
Ночь в чёрный бархат облачает
Мой тихий город над рекою.

Но незаметно, постепенно
Боль затихает за грудиной.
Ночь воздвигает к небу стены
За незадёрнутой гардиной.

За незадёрнутой гардиной,
Среди густеющего мрака –
Ночного города картина
С отливами печного лака.

* Средостение – место в средней части грудной полости.

Меня заморозила песнь ручья

Юрий Степанец

ЧАСТИЧКА

Я частичка страны. И, как в капле воды,
Отражён во мне путь её славный.
Знали радость побед мы и горечь беды.
И в труде, и в бою нет нам равных!

Я – народа частичка – простой человек,
И особых заслуг не имею.
Но с Россией душой породнился навек.
И об этом ничуть не жалею.

СИМВОЛ РОССИИ

Я не постигну тайнства реки
И не открою всех её секретов.
Порой мои раздумья нележки,
Но благодарен Волге я за это.

Могу часами на неё смотреть
Вне времени почти и вне пространства.
Река дарует жизнь, порою – смерть,
Она, как храм, не терпит святотатства.

Она как символ Родины моей,
Где б ни был я, – к ней возвращаюсь снова.
Ей буду верен до последних дней
И кану в вечность, воплотившись в слово.

ВОЛГА

Прихожу я к тебе вновь и вновь
Пообщаться, умом пораскинуть.
Ты – отрада моя и любовь,
Не даёшь преждевременно согнуть.

Полной грудью вдыхаю я бриз,
Тело холодной водой обмываю.
Даже солнце спускается вниз,
Я же душу с тобой возвышаю.

Расставаться с тобой не хочу,
Ухожу, чтобы снова вернуться.
Я часами стою и молчу,
Чтоб душою к тебе прикоснуться.

Ну а ты словно вечность течёшь,
Покоряя пространство и время.
Жизнь щедра на проблемы. Так что ж?
Я тебе, словно матери, верю.

ТАЙГА

Уйдя с дороги в глушь лесную,
Бродил частенько я с ружьём
И видел красоту такую,
Что забывал порой о нём.

Не знал и впрямь такого вовсе,
Прожив на свете столько лет!
Здесь не враги зима и осень,
Весна и лето, тень и свет.

Вот пламя ягод на рябине
Ещё с той осени горит.
Здесь скуки нету и в помине:
Душа с природой говорит.

Какие тишь, покой, свобода!
Ни стрессов нет, ни суеты.
Спасибо, матушка природа,
За то, что счастье даришь ты!

РУЧЕЙ

Меня заморозила песнь ручья.
Он холодам и выюгам не сдаётся:
Вода как кровь от бега горяча.
В ней лето на зимовку остаётся.

Подолгу молча у ручья стою,
Душой его воспринимаю песню.
С ним, вспоминая молодость свою,
Как будто в сказку убегаю вместе.

Вокруг снега, но чудятся мне вновь
Луга, цветы, дурманящие травы...
И возрождается в душе любовь.
В ней – жизни суть. Кто верит в это – правы!

Воздух весенний пьянит ароматом.
Птички щебечут задорные песни.
Я же грушу. В этом ты виновата:
Мир без тебя неуютен и тесен.

Не с кем делиться мечтами своими
И любоваться весенней красою.
Словно молитву, твержу твоё имя.
Мне тяжело без тебя, я не скрою.

Ты далеко, но не ты виновата,
Что не росу, а слезу утираю.
Видно, такая судьба у солдата:
Я ни минуты покоя не знаю.

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Солнце греет сильнее: апрель.
На пригорках снега потемнели.
И звенит уже в полдень капель,
Обессилели злые метели.

И всё ярче небес синева,
И всё чаще улыбки на лицах:
Где-то рядышком бродит весна,
И влюблённым подолгу не спится.

Южный ветер пьянит, как вино.
Воробьи расчирикались дружно.
Счастье жить нам на свете дано.
Жаль, порой мы живём не как нужно.

СОСТРАДАНИЕ

Каждый шаг – как по минному полю.
Я не вижу дорогу почти.
И ведь вовсе не пьян, просто болен.
Ты в глазах моих это прочти.

Извини меня, встречный прохожий,
Коль задену тебя невзначай.
Сострадание денег дороже.
Ты меня не брани, выручай.

Помоги мне и словом, и делом.
В личном горе я так одинок!
Мне беспомощность так надоела!
Но креплюсь, как могу, видит Бог.

Не сдаюсь ни душою, ни телом.
Что судьба мне ещё принесёт?
Я свой выбор давно уже сделал.
Ради жизни прощаю ей всё!

СУД БОЖИЙ

Я на этой планете
Завершаю дела.
За деяния эти
Жизнь оценку дала.

Мне б, от хворей не мучась,
Сохранить вживе плоть,
А души грешной участь
Пусть рассудит Господь.

От Него лишь узнаю,
В чём был прав или нет.
Не творил вроде зла я
И не клял белый свет.

Жил, любя и страдая,
Не скулил, не юлил.
От Него лишь узнаю,
Кем по сути я был.

Нет, время раны не залечит...

Виктор Сурков

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Памяти

Петра Григорьевича Суркова

и Павла Фёдоровича Захарова

Ветра знамёна вновь полощут –
Видны они издалека!
Вновь собирается на площадь
Боец Бессмертного полка.

Бант из георгиевской ленты,
Награды, форма – всё к лицу.
Но не слышны аплодисменты
Бессмертного полка бойцу.

За облаками будут встречи
Однополчан весенним днём.
Нет, время раны не залечит.
И память не спалить огнём;

Не утопить в морской пучине
И не развеять на ветру!
Она священна и поныне:
Не зря волнует детвору.

Россия празднует Победу!
И будет праздновать, пока
В руках потомков – фото дедов,
Бойцов Бессмертного полка!

КОНИ

В жаркой, бешеной погоне
В разнотравье у реки
На заре резвятся кони,
Чудо кони – рысаки.

Их ухоженные гривы,
Расплескавшись на ветру,
Многоцветным переливом
Разукрасили игру.

Как прекрасны в этой скачке
Мускулистые тела!
Чистокровны, не иначе!
Да и прыть не подвела!

СЕЛО

Как вышел на пригорок над рекою –
Село своё не сразу я узнал.
Исчез завод с дымившею трубою,
И сельский стадион безлюдным стал.
Узнал село по дубу в три объёма,
Который за околицей стоял;
По мельнице разрушенной, где с братом
Я стадо сельское с кнутом встречал.

Знать, и моё село крутая доля
Не обошла с годами стороной.
Но слышу рокот трактора на поле,
Весёлый крик ребячий над рекой.
И сколько сёл таких под небом синим
Страны моей? Наверное, не счесть.
Покамест есть ещё они в России,
До той поры сама Россия есть!

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОСЕНЬ

Лазурь небесную сменила мгла,
Земля застыла в ожиданье стужи.
На серых тучах осень приплыла,
Окрест разбрасывая грязь и лужи.
Пришла она и в Царское село,
Но не с уныньем – с данью благодарной.
И – чудо! – это место расцвело
Мозаикой, как в комнате янтарной.
Вот злато-бело-голубой ларец
На сотканном ковре листвою опавшей:
Стоит екатерининский дворец,
Великого поэта поджидавший.
А Пушкин далеко не уходил,
И как же мог он с осенью проститься?!
Она ему давала столько сил,
Чтоб на словесном поприще трудиться!
О, осень царскосельская! К тебе
Приходят, чтоб тобою насладиться
И благодарность выразить судьбе,
За то, что русским повезло родиться!

ПРЕДЗИМЬЕ

Солнце всходит и заходит не спеша...
Жизнь на цыпочках крадётся, чуть дыша.
Воды волжские замедлили свой бег...
Поскорей бы заискрился первый снег!
Осень поздняя туманами полна,
И луна в них тёмной ночью не видна.
Мне приснилась на рябинке, меж ветвей,
Стайка пышных красногрудых снегирей.
Почернели ветви-пряди у берёз:
Позолоту их давно октябрь унёс.
Под запорами амбары, закрома...
Где же ты, меня бодрящая зима?!
Белым снегом мой порог припороши,
Сделай праздник для заждавшейся души!

... И станет снова радужною жизнь*Людмила Фёдорова*

Шумело как за окнами вчера!
Всю ночь мела на улице метель.
Но, наметавшись, в глубине двора
Спать улеглись усталые ветра,
Из снега взбив пушистую постель.

И день настал... Какая тишина!
На белый двор мы смотрим из окна:
Вот был буран – и нет, и был таков,
Лишь россыпи алмазных огоньков
Спят глаза. Покоем жизнь полна.

Вот так, на протяжении многих лет,
На белом свете мы с тобой вдвоём.
Мы любим разговоры ни о чём,
Мы любим солнце, любим лунный свет...
Но – зеброй жизнь. Чего в ней только нет!

Случается – в душе метели вой,
Так тошно, что хоть в омут с головой...
Но скажешь: «Ты же умница, держись»,
И станет снова радужною жизнь,
И в сердце вновь поселится покой.

ПОРТРЕТ

Напиши мой портрет, художник,
Дань отдай земной красоте.
Пусть за окнами хлещет дождик,
Буду солнцем я на холсте.

Кудри медные чуть небрежно
Ты рассыпь по моим плечам.
Нарисуй, как прекрасна нежность,
Как любовь моя горяча.

Нынче весело мне и жарко,
Я нисколечко не скромна,
И веснушки мои так ярки –
Дарит их, что ни год, весна.

Дождь стихает. Ещё немножко –
Вспыхнет небо вновь синевой.
Ночь настанет, с тобой в окошко
Звёзд серебряных впустим рой.

Как минуты чудесны эти!
Знаю, всё исчезнет, как дым...
Но останусь я на портрете
Навсегда с лицом молодым.

МОЛЬБА

Прошу я Бога: – Силы духа дай!
Мне больше в жизни ничего не надо.
Пусть будет в сердце лишь одна отрада.
Не обещай мне после смерти рай,
Прошу сегодня: «Силы духа дай!»

Я знаю точно (и на том стою):
Не упадёт с небес на землю манна.
Тружусь за хлеб насущный неустанно,
Мольбы своей я к Богу не таю
И повторять её не устаю.

Не нужно мне ни почестей, ни благ.
Лишь силы духа я прошу у Бога.
И пусть заставит стать сильнее враг,
А друг поможет одолеть дорогу.
Не нужно мне ни почестей, ни благ!

РЯБИНЫ

Рябины нарядились в ожерелья!
Горят на солнце сердолики ягод.
В безудержном восторге и веселье
Рябины в драгоценных ожерельях
Не ждут, когда снега на землю лягут.

Они нетерпеливы, как девчонки.
Им страны дальние ночами снятся,
Им хочется по тропке пробежаться...
Но каждая на месте ножкой тонкой
Застыла, замерла... Ввысь не подняться!

Резные листья светятся багрянцем.
Ещё стоят сухие дни на диво.
Но дунет ветерок – и в быстром танце
Рябинки машут ветками игриво...
Резные листья светятся багрянцем.

Две лыжни по снегу белому
К лесу зимнему ведут.
Там, где мы весною бегали,
Где у речки берег крут.

Две лыжни – прямые линии.
С неба льётся бирюза.
А твои ресницы в инее,
Нежность синяя в глазах.

Мы скользим неспешно рядышком,
Щёки пламенем горят.
Мы бросаем белкам ядрышки,
Крошим булку снегирям.

Нас связали нитью тонкою
Эти ровные лыжни.
И звучат слова негромкие,
Что друг другу мы нужны.

Стынут сосны корабельные,
И летят снежинки ввысь...
Наши тропки параллельные
Навсегда переплелись.

ОСЕНЬ

Куда же, осень, от тебя мне деться?..
Весна моя – за синими морями.
А в той весне моё осталось сердце...
Но нет его, ах, нет его упрямей!

И расставаться сердце ни в какую
С весною давней просто не желает.
Там любит, веселится и ликует,
Там юность его держит заревая.

Уж извини, так ненароком вышло:
Без сердца, осень, я тебя встречаю.
Осталось там оно, где буйно вишня
Цветёт в волшебном ненаглядном мае.

МОТЫЛЬКИ

Ловила жизнь за крылья мотыльковые,
Из солнечных лучей сплетая сеть.
Хоть это было чуточку рискованно,
Бежала я свободно и раскованно,
И не хватало времени присесть.

Мелькали дни, как бабочки беспечные,
За ними я спешила... Разгадать
Хотелось тайну – давнюю, извечную,
Такую невозможную, сердечную –
Как хрупкое мне счастье удержать

В руках. Казалось: вот, ещё мгновение –
Счастливые секунды так близки!
Охватывало жаркое волнение,
И было расчудесным настроение...
Но... улетали в небо мотыльки.

Мы все одной эпохи дети

Вячеслав Харитонов

**СТРАНА МЕДВЕДЕЙ
И ЦАРЬ-ПУШКИ**

*Там быстро
рушились церквушки
И долго строились ларьки.
Юрий Ряшенцев*

Страна медведей и царь-пушки,
И Волги-матушки-реки,
Где «быстро рушились церквушки
И долго строились ларьки».

Ты – чернозёма мать родная,
Просторов тундры и тайги.
Не для тебя судьба иная,
Как ни надеются враги

На путь коварного захвата
Твоих сокровищ и сырья.
Не для того ты, Русь, богата,
Чтоб слать их в чуждые края.

Самодостаточна, привольна,
Ни в чём не терпишь ты измен.
Твой каждый камешек невольно
Ложится в крепь кремлёвских стен.

ЕВРОПЕ

А не вы ль повсюду лезли,
А теперь в сомненьях: если,

А теперь в сомненьях: кабы
К вам не беженцы – арабы,

Африканцы ль в полном цвете –
Как легко б жилось на свете!

И заслуга это, честь ли,
Что в дела чужие лезли,

Гнали «Боинги» и танки,
Воплощая планы, янки?..

Вам теперь не до забавы:
Караульте переправы,

Коль в ответ на ваше рвенье –
Беженцев переселенье

К вам в Европу, а не в Штаты.
В том вся логика расплаты.

АХ, РОДИНА ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИЙ!..

Ах, родина Великих революций!
Твой горизонт, увы, не столь уж чист,
Да и свобода оказалась куцей,
Коль руки развязал здесь террорист.

Пусть кто-то скажет: мол, Господь – не Яшка,
А судия для каждого в судьбе.
Кому смешно, кому безмерно тяжко,
Прочувствовать пришлось вам на себе.

Вы расплатились кровью, а не франком,
Наивные французские друзья.
Смешок «Шарли» вернулся бумерангом:
Смеяться над святынями нельзя.

НЕ ПРИВЕДЁТ НАС В РАЙ РАЗДРАЙ

Мы все одной эпохи дети.
И в мире под её пятой
В пределах церкви и мечети
Нас вразумляет дух святой.

И всё же нас на рифы тянет
Пророков покарать чужих,
Непримиримости когтями
Порвать жестоко веру их.

Но даже на её обломках
Невинных слёз не искупить,
Ведь в том и мудрость слов негромких,
Что их нельзя переступить.

В густых туманах заблуждений,
Как взгляды наши ни прочны,
И простота сама, и гений
Искать свой путь обречены.

А кто уверен – путь проверен
И нет маршрутов обходных, –
Тот для истории потерян
Среди понятий прописных.

**СПАСЛИ ОТЦЫ
СТАРИННЫЙ КРАКОВ...**

Спасли отцы старинный Краков,
И всей Европе, видит Бог,
Мир принесли на пыльных траках
И стёртых каблуках сапог

Сквозь жуть и дым сражений жарких,
Окопных будней мерзкий ад,
Коптилок чад и горечь чарки
В помин загубленных солдат.

Не потому ль нам так обидно,
Коль под шумок затёртых дат
Друзьям-соперникам завидно:
Украсть победу норовят.

А глупости подобной пуще,
Как в прошлом орды азиат,
Сегодня нам войной грядущей
Во всеуслышанье грозят.

Послушать Меркелей, Бораков –
Народ российский слаб, наивн...
Как будто мы не брали Краков
И уж тем более – Берлин!

РУССКИЕ ХОХЛЫ

От мыса Дежнева до Бреста,
От Тикси до Махачкалы
Средь нас повсюду, как известно,
Живут российские хохлы.

Самим уж впору «на гиляку»,
Давно уж сами – «москали»,
Они в Руси не видят бяку:
Россию «нэньке» предпочли.

Судьба других, увы, сурова.
Жить в примаках, скажите, как,
Коль не забыты «ридна мова»
И вкус горилки, и гопак?

Родня же – перелицевалась:
Во всём виновен старший брат.
Лишь злость гремучая осталась
Да дурь, какой он сам не рад.

ДЫХАНЬЕ ТАЙНЫ

Густая тень твоих волос.
В неё вторгаться доводилось.
Но отчего, скажи на милость,
Дыханье тайны отдалилось,
Как будто в чём-то не сбылось?

Но продолжает в сердце тлеть...
Воспоминанье – та же пытка,
Неимоверная попытка
От чувств нахлынувших избытка
Преграду эту одолеть.

А что за ней? – ответ не нов.
Всё та же тайная морока –
Непостижимая до срока
Походка незнакомки Блока,
Мираж ли алых парусов.

СВЕЛА НАС НА ПЛАНЕТЕ НЕНАДОЛГО...

Свела нас на планете ненадолго
Слепая цепь случайностей земных.
И вот уже Кубань сроднилась с Волгой,
И о любви родился робкий стих.

Пульсирует весна, как сок в берёзе,
Не выставляя душу напоказ,
То звоном льдинок на речном откосе,
То перекличкою грачиных фраз.

Чему причиной пробуждение это,
Душою тая, толком не пойму.
Ловлю каскады солнечного света
У колокольни в солнечном дыму.

**АХ, КАК ЖЕ,
КАК МНЕ ДОРОГ!..**

Ах, как же, как мне дорог
В туманном далеке
Раскинувшийся город
На солнечной реке!

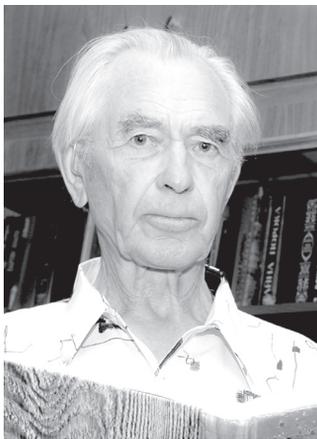
И ты, земляк, смотри-ка,
Как распирает грудь,
Как с волжской чайки криком
Мы постигаем суть

Российского размаха
И боли, и мольбы.
Ну что нам эта птаха
На уровне любви?!

В ней стать морского струга,
И явственно родство
С крылом её упругим
Полёта торжество,

Где в солнечных просторах,
На стыке ста дорог
Раскинулся мой город –
Судьбы моей исток.

И веет вечностью простор

Георгий Чаплыгин

ВСЁ ОТ БОГА

Какая радость: плещет Волга,
И веет вечностью простор.
Всё величаво, всё от Бога:
Леса, поля и блеск озёр.

И запах трав, и птичье пенье,
И свет небес в людской судьбе
Внушают нам: в труде спасенье,
В святом пути, Господь, к Тебе!

Чтоб плыть в суровой жизни море,
Не обрывая веры нить,
Соблазны побеждать и горе.
А честь в душе своей хранить!

БЛАГОДАТЬ

Спускалась ночь, благоухая,
Мерцали звезды над рекой.
И волны мерные, вздыхая,
Дарили негу и покой.

И тростники, качаясь, млели
В объятьях неба и волны.
И мироздания душу грели,
Касаясь зыбкой тишины.

Какое дивное виденье
Тайн сокровенных до утра!
Молитва, вера, пробужденье –
Источник света и добра.

ВЕЧНОЕ

Серебрится в лучах паутина
На дорогах, в кустах и траве.
И пылает на взгорке калина
В кумачовой своей красоте.

И струится божественный ветер
По садам, перелескам, полям.
Тишина задремала, и вечер
Распахнулся к далёким мирам.

А на Волге сиянье ночное,
Расплескались огни по волнам.
И вплетается вечность в земное,
Млечный Путь чтоб завидовал нам.

МАЛАЯ РОДИНА

Ах, где вы, горы снеговые?
Ваш неизменный вид таков –
Тропинки среди скал крутые
Внимают песням родников.

Поют потоки горных речек,
В теснине скал – еловый лес,
Как в православном храме свечи,
Стоит подпоркою небес!

А по предгорьям – рай цветущий
Садов и зреющих хлебов
Рождает гамму чувств, присущих
Полёту вольному орлов.

Над чередой горных пиков
Царит небесная лазурь.
И также манит чашей зыбкой
Любимый с детства Иссык-Куль!

СВЯЩЕННЫЕ ХРАМЫ

Ах ты, детство моё деревенское,
И утраты, щемящие грудь!
Купола и кресты поднебесные
На глазах моих рушились вдруг.

Не забыть, как крестились неистово
Прихожане с печалью, в слезах,
И смотрели на варваров пристально
Божьи лики сурово в церквах...

Отгремела гроза с ураганами.
Мир безбожников явных исчез.
Только храмы стоят православные
Воплощением мудрых небес.

МОНАСТЫРЬ

На холме островок белокаменный.
В нём обитель, источник святой.
Там веками молитвою праведной
Укреплялся духовный настрой.

Там трудились, молились и верили
В торжество благодатных молитв,
И внимали, разумное сеяли –
Так, как вера святая велит.

Монастырь – цитадель покаяния
И врата в поднебесье миров,
Где неведомы боль и страдания
И заблудший находит свой кров.

Познай себя, святую веру,
Любовь по жизни пронеси,
Достоин путь дальнейший в меру
Слезой смиренья ороси.

Звон колокольный призывает
В храм Божий с благостью войти,
Где Дух Святой нас омывает,
А в сердце – тихое: «Прости!»

НЕБЕСНЫЕ ЧАСОВЫЕ

Голубые петлицы и «птички»
На погонах небесных парней...
Виртуозно летают синички –
У людей всё стократно сложней.

На рассвете и в полночь глухую
Экипажи на чутком посту –
Охраняют Отчизну родную,
Православную веру, мечту.

От причалов Балтийского моря
До суровых далёких Курил
Пусть в российских небесных просторах
Эскадрильям сопутствует мир!

И вспоминается хорошее...

Надежда Чванова

СКАЗ О ВОЛГЕ

О Волге сколь ни сказывай,
Не завершится сказ.
Она такая разная,
Чудесная у нас.

Заворожит просторами
Воды, текущей вдаль,
И за семью затворами
Останется печаль.

Порой взбунтует волнами –
И буря на душе.
Но речку уговорами
Не усмирить уже.

В часы такие вспомнятся,
Наверно, ей века,
Когда гуляла вольница
Шального Ермака,

Да баржи многотонные
Тянули бурлаки
И оглашали стонами
Окрестности реки.

И всё-то Волга видела,
И всё перенесла,
И, как ни удивительно,
Все тайны сберегла...

И, утопивши горести
Былые в глубине,
Нам тихо шепчет повести
О дивной старине.

САМАРА

Ах, Самара, мой милый город!
Довелось тут родиться мне.
И не раз находился повод
Быть с тобой на одной волне.

Вольным ветром насквозь пронизан,
Вновь и вновь зазывал к себе.
Хоть и занят своею жизнью –
Ставил метки в моей судьбе

Перехлестом трамвайных линий,
Необъятностью площадей –
Всем, что помнится мне, наивной,
До сегодняшних лет и дней.

ХРАМ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ*

Этот храм, словно белый корабль, встаёт,
Отпечатавшись на небосводе.
Впереди мощный крест – православья оплот,
Подле – с книгой – Кирилл и Мефодий.

Я войду в светлый храм и поставлю свечу
Проповедникам Божьего слова.
В благодатной тиши и сама помолчу
В память о достижениях былого,

Без которых славянский язык стал бы нем –
Не узнали б творений великих...
Смотрят мудрые лики с икон и со стен,
И на них – света яркие блики.

То, быть может, сквозь толщу столетий лихих
Пробивается русское слово,
Что для душ в меру зрячих, не вовсе глухих,
Завсегда лучезарно и ново.

Этот храм словно белый корабль, встаёт,
Отпечатавшись на небосводе.
Впереди мощный крест – православья оплот,
Подле – с книгой – Кирилл и Мефодий.

ЖИГУЛИ. СЕЛО ШИРЯЕВО.

Я повстречалась нынче с вами,
Загадочные Жигули.
И, оказалось, к ликованью
Меня тропинки привели.

* Храм Кирилла и Мефодия, один из крупнейших в Поволжье, находится в Самаре.

Стою как раз посередине
Долин привольных близ вершин,
Что отразились в волжской сини
И гордо замерли в тиши.

Здесь радостно слова поэта
Ширяевца вновь повторю,
Свои – созвучные – при этом
Лишь про себя проговорю.

Душою слившись воедино
С могучей Волгою-рекой,
Представлю Репина картины,
Что здесь творил, забыв покой.

... И в памяти моей так дивно
Слились навеки даль и близь,
Стихи поэта и картины
Художника переплелись.

За пеленою предрассветною
Вновь очертанья узнаю
Всего хорошего, заветного
В родимом ласковом краю.
Там среди улицы доверчиво
Стою, дыханье затаив,
Чтоб не спугнуть такой застенчивый,
Меня настигнувший наив.
Льнёт к сердцу горьковато-сладостный
Печурок деревенских дым...
Теперь к моей привык он слабости
Его отыскивать следы
В хрустящем от мороза воздухе,
В его оттаявших клубках,
Что оседают мягко в роздыхе
На чуть обветренных губах.

И вспоминается хорошее
В родимом, ласковом краю,
Что и за пеленою прошлого
Люблю и сладко узнаю.

К ВЕСНЕ

Грозный ворон, зря не каркай
И угрюмо не кружись.
Знаю, вовсе не подарком
Предстаёт пред нами жизнь.

Но гляди: сквозь хмарь пробилась
Вешних дней голубизна.
Их живительная милость
Вновь природою дана.

И пернатые собратья
Развесёлые твои
Распевают песни счастья,
Коим доброе творить.

Так проникнись их весельем,
Опровергни злую хмарь.
Строк небесной акварелью
Вторгнусь я в весны словарь.

Закружится, заиграет
Жизнь в тебе, да и во мне.
Счастлив тот, кто распознает
Направление к весне.

Наталья Бондаренко

ИЗМАИЛ

Началось всё с одного утра. В дверном проёме детской появился папка и плутовато уставился на нас с сестрой.

– Как настроение, буквоеды? – спросил он и как-то уж больно загадочно улыбнулся, хитренько так, будто один из всех знал какую-то тайну-тайну. Потом посерьёзnel и добавил: – Не забыли, на носу – каникулы?

Забить? Про каникулы? Ну, папка даёт!..

– Уже дни считаю! – сказал я, повеселев.

– А я – часы! – подхватила Алинка и соорудила мне озорную рожицу.

Мстить я ей не стал, гримасу в ответ не изобразил, а сразу спросил папу:

– Чует моё сердце, ты что-то задумал?

– Проницательный у нас сын! – удивлённо поднял папка брови и вдруг торжественно провозгласил, обращаясь к нам: – О потомки доблестных казаков! Не отправиться ли нам в город боевой славы нашего прародителя Семёна?

– В Измаил? – осторожно спросил я, помня наизусть дедушкин рассказ о Семёне, который когда-то давным-давно бился в Измаиле за крепость.

– Про Измаил, оказывается, знаешь? – ещё больше удивился папа и посмотрел на меня с уважением.

Ответить ему я не успел, Алька, надув губы, фыркнула:

– А я не в курсе!

– Ещё успеешь просветиться, – успокоил папа её. – До отъезда есть время.

– До отъезда?! – не поверил я своим ушам и выпалил на одном дыхании: – Измаил ведь на Дунае, далеко!

Алька, выпучив в крайнем любопытстве глаза и открыв рот, хотела что-то сказать, но не успела. Папа, опередив её, сказал твёрдо:

– На каникулах именно туда и отправимся, но при условии, если хорошо подготовитесь. Ну, посудите сами, какой интерес отправляться в такую даль, не зная истории крепости?! Эх, осуществлю я всё-таки свою давнюю мечту... – в задумчивости закатил папка глаза.

От сногшибательного известия я стал сам не свой, потом прямо на глазах у всех превратился в казака.

– Ги! – рубанул воображаемой саблей несуществующую лозу. – Разрешите приступить к подготовке! – вытянулся я перед папкой.

– Приступай! И ты, казачка, тоже, – распорядился он.

– У меня свои планы! – передёрнула плечиками сестрица и снова надулась.

И вовсе незачем то и дело губы дуть! Удивляюсь ей... Впереди ТАКАЯ поездка!.. А она: «Свои планы». И что за манера дёргать плечами?!

– Па, вдвоём с тобой поедем! – сказал я как отрезал и стал быстро думать.

Русскими войсками под Измаилом, я знал, командовал Александр Суворов. Об этом тут же и доложил. Папа одобрительно кивнул, и в ту же секунду мне пришло в голову: «А не начать ли с изучения биографии великого полководца?» Я подхватил эту идею и – пять минут – «вышел» в инет.

– Знаете, сколько у Суворова было побед! Ого! И ни одного поражения!

А вечером...

– Ищешь Измаил? – поинтересовался папа, застав меня за атласом мира. – Похвально! Что уже «накопал» про древнюю крепость?

– Ты же, папочка, лучше меня её историю знаешь! – не удержался я от упрёка.

– Одна голова – хорошо, а две – лучше. Давай попробуем вместе...

– Суворов – супергерой! – сказал я с гордостью. – Ему в то время было уже шестьдесят, но как верили своему командиру солдаты, когда он прибыл к месту штурма!

– Да, Александра Васильевича воины любили и не сомневались в его полководческих способностях, – подтвердил папка и процитировал высказывание о нём: «Вы один, дорогой герой, стоите ста тысяч человек».

– А Потёмкин писал Суворову: «Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость». Он что, знал, что крепость была без слабых мест? – спросил я папу.

– Знал, конечно. Своим солдатам Суворов любил говорить: «На себя надёжность – основание храбрости».

– Это значит, храбрый тот, кто надеется на себя, да? – опять спросил я.

Папа ответил, но не быстро. Подумав, он сказал:

– Полагаться надо на себя и на Господа. На себя надеяться – это определённая смелость, в этом проявляется зрелость человека...

– А я, пап, надеюсь на тебя, на маму и немножечко на себя. Значит, я не очень зрелый?

– Вырастешь, станешь опираться на собственные силы, научишься доверять самому себе, будешь уважать своё мнение, проявлять твёрдость и терпение, – сказал папка мне и процитировал какого-то мудреца: «Не ищи ничего вне себя».

Это означает, я так понял, что во мне есть всё. Переспрашивать папу я не стал.

– А какова была численность русских под Измаилом? – переключился папа на крепость.

– Тридцать одна тысяча! – с готовностью отрапортовал я.

– А турок в гарнизоне крепости?

– Тридцать пять тысяч!

– Выигрышное положение было у противника... – сказал, погрузнев, папка.

– Взгляни на план крепости, – придвинул я ему лист бумаги (план в два счёта с инета скопировал) и стал пояснять: – По форме крепость –

треугольник. Южной стороной она примыкает к Дунаю. Её главный вал высотой десять метров, протяжённостью около семи километров, обнесён рвом глубиной восемь–десять метров, – назвал я без запинки цифры, а потом уточнил: – Местами ров был заполнен водой.

Папа рассмотрел план, потом стал забрасывать меня вопросами так, что я еле успевал отвечать:

– Руководил обороной крепости Айдос-Мехмет-паша. Русские солдаты в скрытом от турок месте соорудили городок с точной копией измаильских стен и рвов и там обучались приёмам штурма восемь суток. План Суворова был таков: штурмовать крепость одновременно со всех сторон.

Папа, ошарашенный моими знаниями, сел на диван, задумался о чём-то. Я примостился рядом с ним.

Люблю сидеть с папкой вот так – плечом к плечу. Люблю слушать его рассказы обо всём на свете... Просто люблю его!

Подумав сколько надо, папа вспомнил про меня и заговорил:

– Получив отказ турок сдать Измаил без боя, Суворов собрал военный совет и сказал, что крепость сильна и что либо он овладеет ею, либо погибнет под её стенами.

Потом папка поднялся с дивана и стал мерить комнату шагами. То есть ходить туда-сюда. Не сразу я заметил, как и сам начал мерить детскую вместе с ним.

– Хотелось бы узнать о самом сражении, – сказал папка, останавливаясь вдруг передо мной.

– А давай позовём Алину, – чуть не столкнувшись с ним, предложил я. – Пусть готовится к поездке, пусть просвещается.

– А у меня ушки уже давно на макушке! – нарисовалась перед нами вездесущая сестрица и плюхнулась в крутящееся кресло (всегда в него падает!).

Папа покачал укоризненно головой, но замечания Альке не сделал, первым заговорил:

– Если мне не изменяет память, двадцать первого декабря по новому стилю 1790 года с восходом солнца русская артиллерия приступила к подготовке атаки. Огонь продолжался весь день.

– Представляю, какой был гром пушек! – встряла сестрица, и папа замолчал.

– В ночь перед штурмом, – стал говорить за папу я, – Суворов обходил полки, сидел с солдатами у костров, вспоминал их подвиги в былых сражениях.

Папка глянул на меня одобрительно, улыбнулся и продолжил:

– В три часа ночи в небо взвилась сигнальная ракета: изготовиться к штурму! Ранним утром в темноте и густом тумане войска двинулись на крепость. Смело шли колонны! – рассказывал папа так вдохновенно, что мы с сестрой заслушались. – Спускались в ров, направляясь к валу, к его подножию приставляли тяжёлые шестиметровые лестницы, связанные по две вместе. И с саблями в руках – на стены! На головы падают снаряды, льются кипятки и смола... Турки рогатинами отталкивают лестницы в сторону. Люди ломают спины. Кто может, карабкается, подбадривает других. Кто-то снимает с лестниц раненых. Гарь, копоть, лужи крови, стон, пули в упор... Отчаянных янычар на стенах – тьма! Они в выгодном положении. Но русские солдаты упорно лезут на стены. Кругом сотни раненых. Многих из них ждут гангрена и ампутация, адские мучения и смерть. Антибиотиков и обезболивающих тогда не было. Но надо держаться. Этой победы ждала не только Екатерина Великая, но и вся Россия. Победа должна была решить: быть миру или войне.

– Войне с кем? – спросил я.

– Пытливый ум! – папка взъерошил мои волосы. – С европейской коалицией, стоявшей за спиной Турции. Была в то время угроза для нашей страны на трёх фронтах: на юге – с Турцией, на севере – со Швецией, на западе – с Пруссией и Польшей. Их Англия обещала поддержать своим флотом. Положение несколько улучшилось после того, как победа русского флота на Балтике привела к окончанию войны со Швецией. Императрица тогда констатировала: одну лапу из грязи вытащили.

– Теперь надо было вытащить вторую лапу, да? – затараторила Алина.

– Именно так.

– Русские воины сдюжили, и с ними выдержал бой наш Семён! – сказал я, переполняясь гордостью.

– Если бы Семён погиб, то не было бы нас, его потомков, – грустно сказал папа.

– Ой! – воскликнула Алька и прикрыла рот рукой.

Я передразнил её точь-в-точь и потом сказал:

– А ведь и Кутузов в том бою воевал!

– Генерал-майор Кутузов с шашкой в руках сражался в первом ряду атакующих, – подтвердил папа и стал рассказывать дальше: – Дважды генерал поднимался на вал, смело увлекая за собой войска, и дважды неприятель отчаянными контратаками отбивал их натиск. Кутузов нёс большие потери. И тогда, чтобы поднять боевой дух в его войсках, Суворов отдал приказ о назначении Кутузова комендантом ещё не взятого Измаила. Кутузов собрал егерей, взял свой последний резерв и, развернув простреленное пулями и картечью полковое знамя, выбежал вперёд. Воины с громкими криками «ура!» – за ним. Колонна в штыковой атаке разметала наседавших турок, сбросила их в ров и овладела двумя бастионами и Килийскими воротами. Кутузов впоследствии спросил Суворова, что означало назначение его комендантом Измаила в момент штурма. Тот ответил: «Ничего. Кутузов знает Суворова, а Суворов – Кутузова. Если бы не взяли Измаил, Суворов умер бы под его стенами, и Кутузов тоже». О Кутузове Суворов писал: «Он шёл на левом фланге, но был моей правой рукой».

– Без меня беседуете! – шутиливо возмутилась внезапно появившаяся мама – она зашла позвать нас на ужин. – А ведь и я кое-что знаю... Кутузов написал своей жене после штурма: «Волосы дыбом становятся. Страшный город в наших руках».

– Мам, ты тоже держишь экзамен перед поездкой? – по правде удивился я.

– Сдаю всего лишь зачёт, папа сделал мне снисхождение, – улыбнулась мама и, продолжая сдавать, процитировала Суворова: «На такой штурм, как измаильский, можно пускаться только один раз в жизни».

– Грандиозный был штурм! – сказал папка сразу после мамы. – В восемь часов утра внешний вал был взят, и сражение перекинулось в город. Русская артиллерия открыла огонь уже вдоль улиц. Рушились горящие крыши. Но турки яростно оборонялись, отчаянно дрались за каждый дом. В четыре часа пополудни Измаил был взят. Так впервые в истории был блистательно осуществлён разработанный Суворовым метод ускоренной атаки и овладения стенами крепости открытым штурмом.

Папа рассказывал таким голосом, будто он учитель.

– Паника, наверное, была в Стамбуле... – сказала горестно мама.

– Ещё какая! Но главное – путь на Балканы был открыт! – сказал папа с гордостью. – Падение Измаила произвело ошеломляющее впечатление в Европе. Победителям достались турецкие пушки, боеприпасы, много продовольствия, драгоценностей, были взяты 364 знамени, тысячи пленных...

Алина слушала, я заметил, открыв рот, потом неожиданно призналась:

– А я ничегошеньки не знала про Измаил.

– Или не хотела узнать? – строго глянул на неё папка.

– Зато я читала про битву на Неве! – не растерялась сестрица.

– Расскажешь нам про награды за взятие Измаила. Иди, готовься, – велел ей папка.

– Иначе не видать тебе поездки как своих красных ушей! – вдобавок пригрозил я.

– Не воображай! – притопнув каблучком, огрызнулась сестрица и хотела внезапно исчезнуть за дверью, как и явилась.

– Постой, – остановил её папа движением руки. – Мы должны знать победы дедов, гордиться должны. Подумай хорошенько.

– Подумала хорошенько. Я горжусь, – сказала Алинка и передумала уходить.

Папа стал дальше рассказывать:

– Наш Семён был красивым, галантным, достойным казаком – примером настоящего мужчины. Кстати, в этом сословии высоко ценилось только личное мужество. Казаки-кавалеристы были простые, бескорыстные, непритворные люди, для себя они никогда и ничего не ждали, очень любили Родину, храбро вставали на её защиту. А знаете ли вы, пытливые умы, что в Великую Отечественную сражались и конники? – переключился папа на другую войну.

Я присвистнул: конники рядом с танками?! Не очень-то поверил в это. Но наш папка всё знает, и я не решился ему возразить.

– Да, воевали тогда и конники, – развеял мои сомнения папа.

– Запишусь в конную школу, буду скакать, как Семён! – выпалил я на одном дыхании.

– Мой ты казачок! – обнял меня папка. – И ухаживать за лошадьми заодно научишься.

– И я с тобой, Тёмк! – взвизгнула ликующая Алинка и вихрем унеслась из комнаты.

Разве можно этой прилипале возражать?! С ней это не проходит.

А про конников, сражавшихся в Великую Отечественную, я узнал потом от одного участника войны. Вот что он рассказал:

– Нахожусь я в городе Пакш. Это в Венгрии, севернее Будапешта. В тех местах (городах Сельдемельке, Шопрон) дислоцировались немецкие танковые дивизии. И тут они неожиданно ударили от озера Балатон. Пустили свои танки к Дунаю, пошли в наступление! Нам приказали срочно оставить машины, бросили всех оборонять Пакш. Стояла ранняя весна сорок пятого. На Дунае был ледоход. Лёд с верховий добрался и до наших мест. Переправиться по реке возможности не было. К тому же и мосты были разбомблены. Отступить в случае чего – некуда. Только мы занялись строительством обороны – видим, мчатся конники в бурках. Оказалось, это – донские казаки генерала Горшкова. Они уничтожили все немецкие танки. Зашли им в тыл, с запада, догнали, на скаку попрыгали с коней на броню и побросали в люки гранаты. И снова – в седла! Лошади послушны, бегут рядом с танками, не оставляют всадников одних. Так казаки спасли наши жизни. Просто чудо, как конники прыгали на танки! Немцы, конечно, не ожидали такого, даже люки не успели закрыть.

...Папа сдержал своё слово: мы побывали в Измаиле. Ох и долго добирались! На поезде, на автобусе... Впечатления? Понравилась диорама штурма Измаила. В виде полотна. Ну, слов нет! Располагается эта огромная картина в старинной турецкой мечети. И сама мечеть – история. Построена она в шестнадцатом веке. Советую посетить.

В Измаиле пытался я найти в земле старинные предметы: оружие, монеты... Ко мне присоединилась Алина (вот прилипала!), но мы ничего не отыскали. Зато в музее имени Суворова, где побывали, я прочитал потрясающий наказ великого полководца, который запал мне в душу:

«Потомство моё, прошу брать мой пример: до издыхания быть верным Отечеству».

В поезде, когда возвращались домой, я сказал папе:

– Хочу быть похожим на Суворова и на тебя.

– Тогда закаляй характер, сын, – ответил папка.

Надежда Ермакова

СОЛДАТИК

Мальчишки приехали на каникулы к дедушке в деревню, которая находилась в очень красивом таёжном месте.

Стоял июль. Дедушка с внуками собирался в лес по ягоды. Братьев долго уговаривать не пришлось. Им всё было в диковинку. Интересно же побродить по нехоженным дорожкам и, конечно, увидеть диких зверей. Комары и мошки, стаями окружавшие людей, ребят не пугали.

Дед Матвей встал очень рано, с восходом солнца, а после разбудил и внуков. Хотелось спать, но желание походить по настоящей тайге заставило ребят быстро вскочить с кровати. Сборы заняли несколько минут, завтракать по плану должны были на первом привале.

Пение птиц в тишине среди величавых сосен окончательно разбудило юных путешественников. Все попали под очарование таёжного леса. Непроходимые тропинки, нетронутая природа казались чем-то волшебным, таинственным.

Вдруг, нарушив спокойствие, откуда-то появился олень. Дедушка остановился, Илья замер от неожиданности. Антон, не сообразив, что за животное стоит перед ним, испугался и отступил, спрятавшись в кусты.

Дед Матвей тихонько заговорил с оленем. Он развязал рюкзак и достал для лесного красавца гостинец.

– Не подходи близко, – предупредил дедушка Илью.

– А где Антошка-то? – вспомнив про второго внука, спросил дед.

Илья, обежав поляну, заметил в кустах Антона.

– Антон, ты что, испугался?

Брат опустил голову и покраснел.

– Как же ты оленя не узнал? Вот трус так трус!

– Подожди-ка, Илюха, брата трусом обзывать, – сказал дед Матвей.

В жизни всякое бывает. Вот послушайте-ка историю, которая на войне с одним товарищем приключилась.

Было это под Москвой. Немцы в бой рвались, больно уж им хотелось поскорее по Красной площади пройти, сапогами своими побряцать.

Прислали нам в полк пополнение – молодых солдат. Одного из них ко мне направили в помощь. Лет семнадцать ему было. Годик себе в военкомате прибавил, чтоб на фронт поскорее попасть. Я в то время лейтенантом служил, командовал артиллерийским орудием, ну, пушкой, значит. Солдатика-то Александром звали. Должен он был нам снаряды подносить.

Тут фрицы в атаку бросились. Я цель выбрал – «Огонь!» – кричу. Кругом дым, пули свистят, земля рвётся. Снаряды у нас кончились. Глядим, а Сашки-то нашего нет, след его простыл, и орудие зарядить нечем. Ну, бросился я за ящиком, бегу, тороплюсь, там ребята остались, немец-то ждать не будет.

После боя пошёл искать солдатика, а он в траншею забился, уши руками зажал и сидит: ни жив ни мёртв от страха.

– Ты что, Сашка, делаешь? Так нельзя. Ты же на войне. Мы из-за тебя погибнуть могли! – говорю ему сердито.

Стыдно стало парню. Сильно переживал. Никому я ничего не сказал. Поверил в солдатика. Подумал, со всяким такое случиться может. Первый бой всё-таки.

А немцы никак не успокоятся, опять в атаку пошли. Снова снаряды рвутся, земля в огне горит. А мы на передовой. Раненые появились, стонут. Я вновь «Огонь!» кричу. Сашку зову, его нет, некому нам помочь. Думал, убили парня. После боя пошёл искать, что от него

осталось. Смотрю, глазам не верю: сидит солдатик мой в окопе, и так же руками голову зажал, чтоб ничего не видеть да не слышать. Зло меня взяло. Схватил я его за гимнастёрку и трясти стал.

– Чёрт несчастный, что же ты делаешь?! Сашка, – кричу, – я, как командир, в условиях военного времени должен тебя за трусость расстрелять! Ты понимаешь, что на фронт прибыл Родину защищать, а ты её предаёшь! Умрёшь-то ты не от пули врага, а как трус!

– Стреляй в меня, командир, заслужил, – заплакал паренёк.

Жалко мне стало солдатика. Молодой. Всё в жизни бывает. Понял я, не трусость это, а слабость. Хлопнул его по плечу, обнял.

– Не подведи! – только и сказал.

Следующий бой был очень тяжёлым, сколько по времени длился – никто и не считал. Стояли все насмерть. Убитых было много, раненых. В дыму да копоти ничего разглядеть нельзя было. Здесь же и меня не миновала пуля фашистская. Упал я без сознания. Что было потом, не помню. Очнулся в госпитале. Пролежал там целый месяц. Уже на поправку пошёл. Иду как-то по коридору, а санитары навстречу носилки несут. Поравнялся я с ними. Глянул, а в них мой солдатик Сашка, да только без ноги. Узнал потом, что Сашка отважно воевал, ещё не в одном бою смелость свою да отвагу показал. Орден Красной звезды получил. Так вот на всю жизнь и запал мне в душу молодой боец.

Вздохнул дед Матвей и добавил:

– Не надо торопиться человека трусом обзывать да ярлыки вешать. Вы ещё научитесь преодолевать свои слабости и тогда станете сильные духом, как Сашка мой!

Мальчишки шли молча: они думали о чём-то очень важном.

ОРЛАН

Рассказ-быль

Может, слышали про такую птицу – белохвостого орлана? Говорят, близкий родственник орлана белоголового, что на гербе Америки изображён.

У нас в Поволжье белохвостый обитает. Встретиться и мне с ним довелось. Теперь, можно сказать, дружим.

Сильная птица, большая, красивая. Оперенье у белохвостого – бурое и волнистое. Взгляд острый, пронзительный. Когти на мощных лапах – огромные, светло-жёлтого цвета. Головка небольшая, а клюв как мощный крюк такого же светлого окраса. Приоткроет его, а там язык большущий: видно, поживиться вкусеньким любит. То-то над Волгой часто кружится в поисках рыбы. Может у чайки или скопы наживу отобрать.

Вот однажды один из таких орланов в беду и попал.

Шёл я как-то по своему маршруту на прогулочном теплоходе. Пассажиры наши из санатория, да и просто отдыхающие. Места здесь замечательные: леса живописные, берега встречаются скалистые. В тот день ветерок подул, волну гонять начал. Тут в мою каюту помощник забегаёт и зовёт на палубу. Там, по левому борту, на волнах птица качается. Видно, крылья подмочила и взлететь не может. Стали думать, как помочь брату меньшему. Жилет-то не бросишь. Пришлось шлюпку спустить. Ребята из команды поплыли к белохвостому, который уже здорово устал. Взяли тихонько его в руки и – в обратный путь. На палубе суетиться начали. Я полотенце притащил большое банное. Сначала обтёр осторожно, потом укутал птицу. Орлан почувствовал заботу, притих, безропотно разрешил за собой ухаживать, а когда накормили его, он совсем успокоился. Погостил немножко, обсох, а там и домой засобирался. Выпустили мы его. Он круг вокруг теплохода сделал и улетел. История-то этим не закончилась.

Орлан с тех пор начал каждый день прилетать на встречу с командой. Какое-то время сопровождал наше судно, а потом улетал. Чуть позже видим, белохвостый наш не один пожаловал, пару себе нашёл. Видно, и подруге своей рассказал о том, что с ним случилось, как ему люди жизнь спасли. Кружатся вокруг теплохода да крыльями машут. Спасибо нам говорят. Потом вдруг исчез орлан со спутницей своей. А когда вновь появился, их уже трое было. И птенцу, значит, показал спасителей. Так и прилетает к нам. Что дальше будет, неизвестно. Зима наступает, навигация заканчивается.

Вот такая история поучительная: оказывается, братья наши меньшие всё понимают. На добро добром отвечают. Благодарные птицы оказались. Человеку есть чему у них поучиться!

ПОДАРОК

Людмила проснулась рано. День рождения у неё был самым любимым праздником, потому что она всегда ждала от него чего-то неожиданного. Вот и сегодня, не успев до конца разомкнуть глаза, она ощутила радость. Вся комната была наполнена яркими разноцветными красками: всюду лежали, висели воздушные шары. В комнату зашли мама и папа, поздравили её и нежно поцеловали. От тёплого папиного свитера пахло рыбой: он только что вернулся с рыбалки и был доволен: улов получился неплохой.

– Ну-ка, малыш, сбегай в ванную: для тебя есть живой подарок.

Людмила, не раздумывая, побежала. Там в большом тазу плавал лещ.

– Ой, здорово! – восторженно крикнула Милочка. – Он у нас будет жить?

– Воды для него набрать, наверное, надо в ванну, – предложила мама.

Из кухни расплзались по всем комнатам приятные запахи разных закусок. Мама готовилась к встрече друзей.

– Людочка, а рыбу-то я хотела отправить на сковородку, накормить гостей.

– Как же так, – чуть не плача, возмутилась Мила, – папа сказал, что это мне подарок. Это же живая рыба! Этому не бывать!

– А я тебе кое-что приготовила. Вот.

Мама протянула дочери большую коробку, перевязанную атласной лентой. Девочка взяла коробку и открыла её. Рядом с красивым розовым платьем, пушистым, воздушным и длинным лежали сумочка и перчатки. Людмила стала примерять обновку.

– Совсем как принцесса, – любуясь дочерью, сказал папа и протянул ей ещё одну упаковку, только теперь маленькую.

Мила, торопясь, стала её открывать. На этот раз она увидела новый телефон.

– Вот это да!

Людмила схватила мобильник и стала его рассматривать.

– Завтра с ним в школу пойду.

Мила подбежала к папе и поблагодарила.

– Ну, вот и хорошо, а рыбу я всё-таки пожарю, – сказала мама.

– Как это пожаришь? – дочь резко развернулась. – Она же живая!

– Мы что-нибудь придумаем, – продолжала настаивать мама.

– Как это придумаем?! Мы даже трогать её не будем! Она останется у нас! Ты, мама, обещала набрать в ванну воды.

– Людочка, два дня рыбка у нас поживёт, а потом что с ней делать? Нам же нужна ванна!

– Когда станет нужна, леща переложим в таз, – заключила именинница.

– Ну, ладно, пусть поживёт, – согласился папа, – тем более, я действительно подарил его.

– Постойте, постойте, что значит подарил? – начала возмущаться мама. – Наш подарок – это телефон. Пусть выбирает: или телефон, или рыба.

Мила растерялась. Она представила, как придёт завтра в класс с новым мобильником, как подружки откроют рты от удивления... Девочка задумалась. Мама тем временем направилась в ванную.

Вдруг Людмила с воплями вскочила с дивана.

– Нет, нет, нет! Не трогайте леща! Он живой! Он мой!

Она подбежала к мобильнику, взяла его и протянула папе.

– Забери свою игрушку! Не отдам леща на сковородку!

Тут не вытерпел папа:

– Ну, хватит, пойду воду наливать в ванну, пусть рыба поплавает на просторе.

– Ура! – крикнула Мила и спросила у папы, чем можно покормить леща.

– Возьми хлебные крошки, – ответил он.

Мама торопилась накрывать на стол. Именинница в новом платье радостно встречала гостей. Потом по очереди сопровождала их смотреть леща. День рождения удался. Много было шуток и веселья. Когда гости разошлись, Людочка побежала в ванную.

– Ну что, скучно тебе, лещ? – спросила она. – Не грусти.

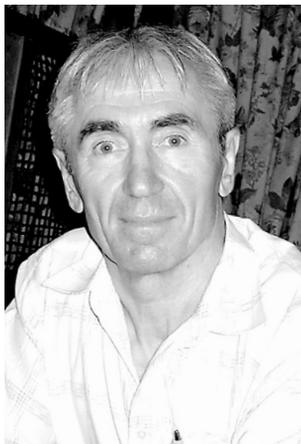
– А у меня есть идея, – неожиданно сказал папа, – давайте-ка мы отпустим нашего пленника в речку. Раз Людмила рыбу пожалела, так устроим лещу сегодня тоже день рождения. Поехали на Волгу!

Все тут же согласились и стали одеваться. Папа взял два больших пакета, вставил один в другой, набрал воды, переложил осторожно рыбу.

Машина ждала у подъезда.

Выдался тёплый тихий вечер. Волга была спокойна. Вся семья стояла у берега. Папа разулся, закатал брюки, развернул осторожно пакеты и выпустил речного жителя из неволи. Рыба долго лежала на боку неподвижно. Все молчали, боялись думать о плохом... Ждали. Но вот пленник зашевелился, приподнялся, задвигал хвостом и дёрнулся с места. Немного проплыл вдоль берега, сделал круг перед Людмилкой, папой и мамой, махнул хвостом и скрылся.

– До свидания, лещ! С днём рождения!

Олег Корниенко

САД НА ЗАРЕ

Рассказ

Тимка Гришанов ходил в огород и не закрыл как следует калитку. Корова открыла калитку рогом и успела истоптать не одну грядку, пока Тимка выгонял её. И мальчишке в который раз влетело от матери.

Когда он прибежал к деревенскому клубу, Володька уже был там.

– Что это у тебя глаза красные? – спросил он.

– Лук чистил, – соврал Тимка.

– Для коровы, что ли? – усмехнулся друг.

Клуб стоял почти напротив Тимкиного огорода, поэтому Володька видел всё. Тимке ничего не оставалось, как открыться.

– До смерти, говорит, добра от тебя не дождёшься, – повторил он слова матери и потёр ладошкой пониже поясицы. – Корова, оказывается, какой-то там саженец сломала.

– И за это бить человека? По-моему, несправедливо, – философски заметил Володька и хлестнул веткой по земле. – Ещё неизвестно, вырастет ли саженец. А вдруг он возьмёт завтра да засохнет? Тогда получается, что тебя наказали зря... Я бы на твоём месте вместо него сто этих саженцев посадил. Из принципа!

– Сто – это же целый сад, – осадил товарища Тимка.

– Подумаешь, сад!.. На один день и делов-то.

– Это сколько б варенья можно было наделать, – мечтательно произнёс Тимка и почесал затылок. – И все-таки сто – это много. Десять – куда ни шло...

– Давай на спор, что... утром у вас в огороде будет сад.

– Давай, – нерешительно протянул руку Тимка. – А если не будет?

– Тогда... Тогда я отдам тебе видеокассету со «Шрэком-2»!

– Ла-а-дно, – Тимка вяло разбил рукопожатие.

– Как только стемнеет, бери лопату и приходи сюда же. Понял? – приказал Володька.

Не в силах представить сад на месте своего огорода, Тимка хотел было отказаться от затеи, но вместо этого согласно кивнул головой.

...Первое дерево – молоденькую вишню – мальчишки выкопали в огороде деда Маркуша. Ох, и намучились же с ней! Копая, они старались не поранить корни, поэтому яма вышла большой.

– Я слышал, что во время цветения деревья нельзя пересаживать, – тяжело дыша проговорил Тимка.

– А мы быстро, – уверенным тоном сказал Володька, – оно и опомниться не успеет.

И они заработали лопатами ещё быстрее, чем разбудили собаку деда. Мальчишки притихли в ожидании, что на лай выйдет хозяин, и их операция сорвётся в самом начале. Но свет в окнах не загорался, и ребята, приставив саженец к плетню, спокойно засыпали яму.

– Ну их, эти вишни, – заявил Володька, когда деревце заняло место в огороде товарища, и вытер потный лоб. – Давай лучше смородину посадим. Варенье из неё ничуть не хуже вишнёвого, а даже полезнее.

– А где мы её возьмём?

– У бабки Федоры.

Тимка демонстративно воткнул лопату в землю:

– Ты как хочешь, а я воровать больше не пойду.

– Разве два каких-то несчастных куста – это воровство? – удивлённо произнёс Володька. – И потом, она сама как-то говорила, что смородина замучила её, и она не знает, как от неё избавиться.

– А ты не врешь? – Тимка зачем-то потрогал черенок лопаты.

– Больно нужно...

Это прозвучало убедительно, и друзья направились к огороду соседки.

...Небо на востоке ещё только начинало светлеть, а участок Тимкиного огорода за баней уже темнел от смородины.

– Шестнадцать! – сосчитав кусты, радостно воскликнул Володька.

– Может, хватит уже? Ты ведь и так выиграл.

– Ну, если сдаёшься...

– Да и сажать уже некуда, – добавил Тимка. – Дальше – вода.

Почти в самом конце огорода, в низине, начиная с весны, стояла большая лужа.

Мальчишки бросили лопаты в сарай, вымыли руки в бочке и, довольные сделанным, разошлись по домам.

...Разбудил Тимку грохот опрокинутого в сенцах ведра и голос матери:

– Смородины ему захотелось! – ругалась она. – Ну, я тебя сейчас накормлю. Долго ты у меня её помнить будешь!

Не дожидаясь, когда мать начнет «кормить» его ягодой, Тимка схватил брюки, рубашку и выпрыгнул в окно. Опомнился только на сеновале. Сердце билось часто-часто...

А всё открылось так. Помогая утром прогнать за околицу стадо, соседка тётя Ульяна, увидев на огороде Нюры Гришановой зелёное скопище кустов, удивилась: вроде бы вчера их не было. «Загадка природы» понесла тётку Ульяну по селу.

Слухи о том, что у Гришановых «за ночь вырос сад», дошли и до бабки Федоры, которая с утра ломала голову: куда девалась её смородина... И старуха решительно направилась к их двору. Через забор увидела пропавшие кусты.

Соседки тут же объяснились, и мать Тимки бросилась в избу. Ботинки сына были выпачканы землёй. Но самого его в спальне не оказалось.

– Отольются кошке мышкены слёзки, – сердито произнесла мать, выглянув в распахнутое окно.

Слухи об утренних событиях докатились и до Володьки. Поняв, что товарищ в опасности, он поспешил ему на помощь. Тимка сидел возле окна сеновала и, как разведчик, наблюдал за всем, что происходило во дворе и в огороде. А там, переговариваясь, выкапывали кусты мать и бабка Федора.

– Ну что? Посадил сад? – расстроено бросил Тимка, увидев товарища.

– Кто же знал, что так получится?

– Кто-кто – коза в кроссовках. Теперь хоть домой не ходи, – сказал Тимка, когда мать и соседка скрылись за калиткой с кустами в руках.

– Не хнычь, что-нибудь придумаем, – поспешил успокоить товарища Володька.

– Сейчас главное – убрать вишню. Если и её заметят, дед Маркуш на нас точно собаку натравит.

– А если в лужу её? – несмело подсказал Тимка.

– А что?... Идея!

За ночь деревце изменилось до неузнаваемости. Листья и цветы на ветках завяли и не были такими яркими и сочными, как на остальных деревьях.

– Ну, что я тебе говорил! – упрекнул Тимка товарища, кивнув на вишню, – «опомниться не успеет». Теперь уж точно – не опомнится...

Володька промолчал: не время было выяснять отношения. Они выдернули деревце из земли, и через несколько минут последняя улика ночной операции скрылась в глубокой луже.

Грозу, нависшую над Тимкиной головой, надо было переждать, и остаток дня ребята провели за селом, где два огромных бульдозера рыли пруд. Это было так интересно, что Тимка напрочь забыл о предстоящем наказании и опомнился лишь тогда, когда трактористы, заглушив моторы, начали собираться домой. Мальчишки неохотно поплелись к селу. Тимка решил возвращаться не улицей, а огородами. Он уже запер за собой садовую калитку, как на крыльцо вышла мать. Тимка юркнул в сарай и забрался на сеновал. Но было уже поздно: мать заметила его.

– Тимка, сейчас же иди домой! – крикнула она.

Он лежал, не шелохнувшись. Вскоре заскрипела лестница, и над сеном появилась голова матери в белом, повязанном назад платке.

– Не слезешь – хуже будет, – предупредила она.

– Я знаю, ты бить будешь, – заныл он, поняв, что дальше скрываться бессмысленно.

– А ты хотел, чтоб я тебя пряником одарила? Я жду...

– Не слезу, – упрямылся Тимка.

Мать посмотрела вниз, собралась спускаться:

– Тебе виднее, – устало вздохнула она, – но если через пять минут не будешь на земле, расскажу отцу. Мыслимо ли дело: весь день не емши!

Шурша сеном, Тимка на четвереньках пополз к лестнице.

Ужинали молча. Тимка жадно уплетал за обе щеки, не забывая, впрочем, из-под бровей следить за матерью. Ремня на добавку ему не хотелось.

– Скажи хоть сейчас честно: зачем тебе эта смородина понадобилась? – нарушила молчание мать. – Что у нас, своей мало?

Тимка положил ложку на стол, загундосил:

– Вчера утром ты сама сказала, что до смерти от меня добра не дождёшься. Вот я и решил сделать что-нибудь хорошее. А что – не знал... Володька помог.

– Ох, уж этот мне Володька, – мать легонько постучала кулаком по столу. – Если я вас ещё раз вдвоём увижу, не знаю, что тебе сделаю...

Тимка виновато шмыгнул носом. Но он не собирался менять товарища.

– Добро радовать должно, а не огорчать, – вздохнув, сказала мать и тяжело поднялась. – Ты так скоро меня со всеми соседями пересоришь.

...На улице послышался треск мотоцикла. Во дворе он устало смолк.

– Отец приехал!

Тимка, стрельнув взглядом на мать, выскочил на крыльцо.

– Вот как они меня ждут, – нарочито строго проговорил отец, заметив в руке сына кусок хлеба. Он отвязывал от багажника какой-то мешок. – Я им подарки везу, спешу, а они без меня ужинать сели ...

За спиной Тимки, скрипнув дверью веранды, появилась мать:

– Ужин-то давно на столе, а вот где подарки? – пошутила она.

Отец прислонил к забору мешок, из которого выглядывали какие-то мохнатые веточки.

– Ремонтировал сегодня электропроводку на складе плодопитомника, – сказал он, – так начальник выписал мне черенки чёрной смородины. Стройная, говорит, как бамбук.

Сын взглянул на мать, и они дружно засмеялись.

... Тимка лежал в постели и слушал, как мать гремит посудой, убирая со стола. Он всё ломал голову над её словами: «Добро радовать должно».

Отступить не хотелось, а фантазия не подсказывала ничего такого, что могло бы порадовать мать.

«Без Володьки не обойтись, – подумал Тимка. – Завтра же с ним посоветуюсь». И уже засыпая: «А вишню деду Маркушу надо вернуть. В воде ведь ночь пролежит. Может, не погибнет?..»

«ТАРЗАНКА»

Рассказ

Я с нетерпением ждал лета, и оно, наконец-то, наступило. Мы закончили работу на пришкольном участке и шагнули в пятый класс. В моём дневнике, как стулья в кинотеатре, стояли четвёрки. Среди них даже одна пятёрка красовалась – по физкультуре.

Мама с папой радовались окончанию учёбы не меньше, чем я. Они наперебой предлагали мне разные мероприятия и даже поездку в Турцию, но победило папино предложение навестить его друга по службе в армии и заодно покататься на «тарзанке».

Кино про Тарзана я смотрел у Валерика, моего закадычного друга. Мы смотрели его почти каждый день, пока не надоело, но никакой «тарзанки» там не видели.

И вот в воскресенье, после обеда, мы отправились на нашей новенькой машине в необычное путешествие...

Через час мы были на месте.

– Идите покупайтесь, – посоветовал папин товарищ, – а я пока шашлыком займусь.

Пруд был большой. Со всех сторон его окружали кусты, деревья и камыши.

– Ну что, на «тарзанку» идём? – спросил папа.

– Конечно, – согласились мы с Валериком и пошли с папой в ту сторону, где слышались весёлые детские голоса.

Никакого Тарзана мы, конечно, не увидели. Обыкновенные сельские мальчишки, чёрные от загара, топтались на плотине под высоким деревом.

– А вот и «тарзанка», – показал папа на длинную верёвку, которая была привязана к высокой толстой ветке.

– Кто из вас смелый? – улыбаясь, папа обратился к мальчишкам.

Они с ухмылкой переглянулись. Скорее всего смелыми здесь были все.

– Федька, покажи городским класс!

Ростом Федька оказался ниже всех – худенький, конопатый. Даже ниже нас с Валериком. Чтоб достать до верёвки, Федьке надо было встать кому-то на плечи. Но друзья без труда подбросили его к «тарзанке», затем резко потянули назад и – отпустили. Федька, как мятник, качнулся в сторону пруда и в самой высокой точке полёта, отпустив руки, красиво нырнул в воду.

– Кто следующий? – посмотрел на нас папа.

– Надо размяться перед прыжком, – сказал Валерик, размахивая руками в разные стороны. Мне показалось, что он специально тянет время. Первым прыгать ему, видимо, не хотелось. Но казаться трусами перед чужими ребятами тоже было зазорно.

– Папа, давай я, – охрипшим от страха и волнения голосом выдавил я и посмотрел на Валерика. Тот заметно повеселел. А папа, точно перед полётом в космос, принялся меня инструктировать:

– Долетаешь до воды и отпускаешь руки. И не бойся, я рядом.

Он подсадил меня на «тарзанку» и сильно толкнул. Ушёл из-под ног берег. Можно прыгать. Но пальцы не хотели разжиматься, и я, болтая ногами, полетел обратно.

– Ты чего?! – крикнул папа.

– Скорость маленькая! – объяснил я.

– Повторим?!

– Повторим!

Местные мальчишки собрались в кучку и с интересом наблюдали, чем закончится мой полёт. Валерик даже разминаться перестал.

Когда я перелетел плотину и понёсся опять к пруду, папа ещё раз толкнул меня. Прыгать было страшно, но не болтаться же на верёвке целый день! И я отпустил палку. В этот момент кто-то крикнул так страшно, что вода подо мной расступилась, и все звуки вокруг на мгновение стихли.

Когда я вынырнул, папа на берегу хлопал в ладоши, а Валерик от радости прыгал и что-то орал. И я, не торопясь, как олимпийский чемпион, поплыл к берегу.

– Это кто так кричал во время моего прыжка?– спросил я гордо папу.

– А нам показалось, что это кто-то орал от страха, – и папа посмотрел на Валерика.

– А ты плавать умеешь?

Валерка умел только по-собачьи, а потому выдавил:

– Умею.

– Ну что, прыгаем? – спросил его папа.

– Прыгаем, – ответил Валерик. В этот момент он больше походил на тушканчика, чем на Тарзана.

Начиналось всё хорошо. Валерик взмыл над прудом, и мы следили, когда он прыгнет. Но «тарзанка» с висющим точно сосиска Валериком вернулась обратно.

– Всё нормально? – спросил папа.

Сосиска почему-то молчала и болтала ногами.

– Если боишься, то не прыгай, – сказал я.

– Сейчас прыгну!.. – почему-то заорал Валерик и крепче уцепился за палку.

... Он шлёпнулся в воду почти возле самого берега и поднял такой фонтан брызг, точно в воду бросили глубинную бомбу. В этот момент лягушки пруда, наверное, от страха выскочили на берег, и я представил, как они повертели лапками у виска: ты, парень, случаем не квакнулся?

Валерик через мгновение показался из воды и, задрав голову, заработал руками точно винт моторной лодки.

– Вставай, там мелко! – крикнули ему местные ребята.

Валерик бросил мутить воду и встал на ноги. Воды было по пояс.

– Эх ты, Тарзан,– обнял я Валерика.

– Ничего. Не получилось сегодня, получится завтра, – подбодрил его папа.

Солнце склонилось над прудом. Мы сели в машину и оглянулись. Сельские мальчишки уже ушли, и только «тарзанка» одиноко раскачивалась на дереве.

Всюду было солнце, солнце!*Елена Миронова***АРБУЗ**

Что за ягода – арбуз,
Что за цвет и что за вкус?
Ждал я долго и напрасно,
Чтобы стал арбуз мой красным.
Он всё лето пролежал,
Зеленее только стал.
Чтоб не выкинуть совсем,
Я решил: – Зелёным съем!
И разрезал пополам.
Что же я увидел там?
Весь арбуз внутри был... красным!
Видно, ждал я не напрасно.
И на вкус он был хорош,
Хоть и с ягодой не схож!

БЕГЛЕЦ

Поросёнок Пятачок,
Хвостик – маленький крючок,
Вырыл ямку у ворот
И умчался в огород.
Съел редиску и моркошку,
Напугал кота и кошку.
И несётся вдоль плетня:
– Не догоните меня!

В ДЕТСКИЙ САД

Время только семь утра,
Но уже вставать пора.
Ох, как трудно подниматься,
В детский садик собираться!
Жизнь моя там нелегка:
Выпей с пенкой молока;
Днём попробуй час лежать,
Хоть совсем не хочешь спать...
Если б только не друзья, –
Не ходил бы в садик я.
Я работал бы, учился,
Я уж лучше бы женился,
Стал бы в море рыбаком –
Нет там каши с молоком!

В ПАРКЕ ОТДЫХА

Я сегодня отдыхаю,
В детском парке я гуляю.
Быстро мчатся карусели,
И качаются качели.
Горки весело блестят,
И машинки резво мчат.
Я качался и крутился,
С горки десять раз скатился,
Пять мороженных я съел,
В караоке долго пел.

У фонтана поплескался,
На лошадке покатался.
Хорошо так отдохнул,
...Что в автобусе уснул.

В ПРАЗДНИК МАМ

Должен был я выступать –
В праздник мам стихи читать.
Я неделю их учил,
А на сцене всё забыл.
Вот пустая голова –
Улетели все слова.
Правда, плакать я не стал
И со сцены не сбежал.
Быстро выход я нашёл:
Мам поздравил и ушёл.

ЗАГАР

Лето, солнышко, жара:
Загорать уже пора.
Хорошо чтоб загореть,
Надо выдержку иметь.
Я у речки час лежал –
Не купался, загорал.
Солнце печь меня устало
И за тучку забежало.
Попекло б ещё полдня –
Не узнали бы меня.
Говорили б: – Вот ребёнок –
Настоящий негритёнок!
Время я провёл напрасно:
Не коричневым стал – красным.
Час на солнце – это мало,
Рано солнышко сбежало.
Нет, загар не получился –
Нос весь только облупился.

КАШКА-ЗАМАРАШКА

«Кап-кап...» – капает водичка.
Кто испачкал так мне личико?
Это кашка-замарашка,
А не девочка Наташка.
Есть я вовсе не хотела –
Я за маму с папой ела.
Вы, друзья, теперь не стойте –
Сами мне лицо и мойте!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Солнце спряталось за тучку,
Дед качает Дашу – внучку.
Песню внученьке поёт
О дожде, что с неба льёт.
– Дождик, дождик, поливай,
Чтобы вырос урожай,
Чтоб в саду цветы цвели.
Люли, люлиньки, люли.
Чтобы внученька моя,
Пела лучше соловья,
Чтоб красавицей была,
Как лебёдушка бела.
Белая лебёдушка,
Милая соловушка,
Хорошей и подрастай.
Баю, баю, баю, бай!

МАМА СТРОГО НАКАЗАЛА

Мама строго наказала,
Мне сегодня приказала:
Мяч футбольный не гонять,
Всю неделю не гулять.
И не трогать самокат.
В чём же я так виноват?

Ну, разбил окно соседки,
Съел сестрёнкины конфетки,
Не помыл тарелку, ложку,
Обменял на марку кошку,
Двойку в школе получил –
Вот и всё, что натворил.
Мама строго наказала,
А за что... мне не сказала.

ПЕВУНЬЯ

У лягушки нету слуха,
Но она весь день поёт.
Всем соседям на болоте,
Жить спокойно не даёт.
Все у песенки слова –
Целый день: Ква-ква! Ква-ква!
Злятся цапля и кулик:
– Надоел нам этот крик!
А лягушке – всё равно,
Очень уж ей петь охота,
Оттого, что хорошо,
Что прекрасней нет болота!

ПОДУШКА-ПОДРУЖКА

Мягкая подушка –
Лучшая подружка.
Шепчет прямо в ушко:
– Очень рано не вставай,
Спи подольше, отдыхай.
В школу ты не торопись,
С боку на бок повернись...
Я совсем не тороплюсь.
Раз пятнадцать потянусь.
Потягушки-потягушки,
Не поднять меня с подушки.

Я подружку обнимаю,
От себя не отпускаю.
Понимает лишь она:
Спать люблю я допоздна.
Если б только можно было,
Я бы с ней везде ходила.

ПРИМЕТА

Васька лапой нос свой трёт,
Значит – скоро гость придёт.
– Подожди, кот, умываться,
Дай с постели мне подняться.
Раздаётся в дверь звонок!
– Ты подвел меня, дружок!
И зачем так торопиться,
Мог бы вечером умыться!

ЦВЕТЫ

Столик, ваза и цветы
Небывалой красоты.
В день рождения Наташки –
Розы, маки и ромашки.
Красовались всю неделю,
А в субботу погрустнели.
Низко головы склонили
И грустили всё, грустили.
Вспоминали сад и поле,
Где ласкал их ветер вольный,
Облака по небу плыли,
Лепестки дождевки мыли.
И не луч один в оконце –
Всюду было солнце, солнце!

Александр Мишенков

НОВЕНЬКАЯ

В шестой «Б» класс Аня Королёва пришла из другой школы. Особенного внимания она как-то сразу к себе не привлекла: худенькая, длинноногая, с большим бантом на голове, но всегда аккуратная, с белоснежным ажурным воротничком и маленькими горошинками золотых серёжек в ушах. Посадили её на вторую парту возле окна с Гришей Левко, и все сделали вид, будто забыли, что в классе появилась новая ученица.

На уроках Аня вела себя тихо, не проявляя никакой инициативы, а её грустные глаза говорили, что думает она о чём угодно – только не об учёбе.

На первый урок она нередко опаздывала, а то и вовсе прогуливала занятия, но учителя никогда не требовали с неё объяснений и даже ставили тройки, если Аня не выполняла домашних заданий.

Ребят, особенно отстающих учеников, это раздражало, и в очередной раз, когда Аня не пришла в школу, староста класса Света Никитина с двумя самыми активными отличницами Таней Чвановой и Ниной Белкиной решили после уроков её навестить.

Аня встретила их с радушием и вежливо пригласила в комнату.

– Сейчас будем пить чай, – улыбнулась она, – я только что напекла пирогов с яблоками. В этом году мы с двух маленьких яблонь собрали хороший урожай – я уже наварила варенья и закрутила немало банок компота: мой младший братик Костик и бабушка любят компот, а варенья за зиму съедают столько, что лопнуть можно. Садик у нас хоть и маленький, но есть вишня, смородина, малина и даже куст черешни.

Она говорила и ловко накрывала на стол – чувствовалось, что для неё это привычное дело.

– Варенье варить несложно, – охотно рассказывала Аня, – а вот на овощи много времени уходит! А вы какой чай любите – крепкий или не очень?

Девочки сидели, слушали оказавшийся неожиданно приятным и тёплым голос одноклассницы, и было как-то неловко начинать разговор о школе.

А Аня, не ожидая ответа, продолжала:

– Брату было три года, когда погибли наши родители, и с тех пор он совсем не разговаривает. Вдвоём с Костиком органы опеки не решили нам жить, и мы переехали к бабушке. Сейчас она повела его к логопеду, а я вот хозяйством занимаюсь: нужно на завтра ещё борщ приготовить! Раньше я хорошо училась, – неожиданно переменяла она тему разговора, словно прочитав мысли своих гостей, – вы ведь об учёбе пришли поговорить?

После услышанного у девочек перехватило горло – они опустили глаза и не знали, что сказать. Первой справилась с волнением самая бойкая в классе – Нина Белкина:

– Просто мы шли мимо и подумали: может, у тебя что-то случилось и нужна помощь?

– Спасибо, девочки, у меня всё хорошо! Да что это я всё о своём? – вдруг спохватилась она. – Давайте лучше пить чай!

...С этого дня отношение ребят к новенькой ученице изменилось словно по волшебству: все старались окружить её вниманием, рассказать смешные истории из жизни класса, отвлечь от грустных мыслей – и это им удалось. Аня стала озорной и весёлой, на её лице появилась очаровательная улыбка. И что удивительно – после этой истории дисциплина и успеваемость в шестом «Б» повысились, класс сплотился и стал одним из лучших в школе...

Вот что значит настоящая дружба!

ПОДАРОК

Приближался праздник День Советской Армии и Военно-Морского Флота, а Серёжа Портнов всё никак не мог придумать: что можно подарить папе, который целых четыре года прослужил на флоте?

За окном был морозный воскресный день.

Родители с утра уехали к маминому брату помогать строить новый дом, а Серёжа сидел один в пустой квартире и от скуки слушал по радио концерт Тамары Миансаровой. Когда прозвучала последняя песня «Бабушка, научи танцевать чарльстон», мальчик вдруг подумал: «Вот бы своими руками сделать такой подарок, чтобы он напомнил папе его молодые годы!»

Пытаясь сосредоточиться, Серёжа прошёлся по дому, увидел в маминной комнате бабушкину швейную машинку, и ему в голову пришла заманчивая идея.

Он вспомнил, как папа рассказывал, что после службы на флоте, подражая стилигам, он долго ещё носил свои форменные брюки-клёш и даже ходил в них на свидание к маме. Но потом мода изменилась, молодёжь стала носить брюки-дудочки, а папа женился на маме и потерял интерес к новому направлению в жизни стилига.

Швейной машинкой Серёжа умел немного пользоваться. Два года назад в четвёртом классе на общем уроке труда учительница Наталья Владимировна учила их вышивать крестиком, ставить на одежду заплату, подгибать и прострачивать на машинке носовые платочки; кроме того, он не раз наблюдал, как мама укорачивала папе брюки и шила себе из бабушкиных старинных сарафанов платья.

«Вот что значит напрячь память и проявить смекалку!» – похвалил себя Серёжа и принялся за дело.

Он достал из сундука папины флотские брюки, вывернул их наизнанку, расстелил на столе и мелом прочертил по краям брючин ровные линии. Потом с трудом поставил швейную машинку на стол и, не обратив внимания, что в неё вставлены белые нитки, прострочил по намеченным линиям обе штанины.

«Ну вот, брюки-дудочки почти готовы, – подумал Серёжа, любуясь своей работой, – папа непременно обрадуется и, пожалуй, даже признает меня настоящим портным, надо только убрать лишнюю ткань».

Он взял ножницы и, отступив от швов на один сантиметр, обрезал края брючин.

Наконец работа была полностью закончена. Серёжа вывернул брюки, погладил и, завернув в газету, положил свёрток в самый низ сундука.

Когда родители вернулись домой, комната сверкала чистотой, и не было даже намёка на то, что час назад она служила для их сына портняжной мастерской.

А через два дня наступило двадцать третье февраля.

Серёжа встал пораньше, привёл себя в порядок, достал из сундука заветный свёрток и с волнением постучался в комнату родителей. Дверь открыл папа.

Серёжа шагнул к нему и торжественно произнёс:

– Папа, поздравляю тебя с праздником и желаю всегда быть таким же добрым, сильным и любить нас с мамой! А это мой подарок.

И он протянул свёрток.

– Спасибо, сынок! – улыбнулся папа, разворачивая газету. – Так это же мои флотские брюки! – удивлённо воскликнул он и посмотрел на маму.

– Да! – с гордостью произнёс Серёжа. – Только раньше они были широченные, а теперь это брюки-дудочки. Ты же не успел в молодости такие поносить? Примерь, пожалуйста, – попросил Серёжа и хвастливо добавил, – это я сам сделал!

Папа, ни слова не говоря, развернул брюки и попытался их надеть, но его нога застряла посередине штанины и дальше не лезла. К тому же ткань растянулась, и стали видны белые нитки...

Поняв свою оплошность, Серёжа изменился в лице и готов был вот-вот заплакать, но мама, увидев, что надо немедленно спасать сына, с мягкой доброжелательностью сказала:

– Молодец, Серёжа! Я очень рада, что ты сам, своими руками проделал такую работу, которая не каждому взрослому под силу – это дорогого стоит. А брюки пусть по-прежнему хранятся в нашем доме и напоминают нам с папой не только об ушедшей молодости, но и о твоей доброте, искренности и способности дарить радость людям!

С тех пор Серёжа дал себе зарок: прежде чем совершить какой-то поступок – сто раз подумать и только потом принимать решение...

РЕВОЛЬВЕР

Бабье лето распогодилось и оживило солнечными лучами унылый пейзаж размокших от дождей сызранских улиц. Сквозь тонкие оконные рамы старенькой средней школы было слышно, как трещали сойки, тенькали синицы и весело чирикали, радуясь теплу, воробьи.

Первоклассник Вовка Грачёв сидел на уроке, но его мысли были далеки от букваря, который лежал перед ним на парте и, по словам учительницы Веры Ильиничны, был лучшей книгой для изучения русского языка.

Свой родной язык Вовка, конечно, знал и мог часами говорить с друзьями о чём угодно, поэтому никак не мог понять: зачем его снова нужно учить да ещё по буквам?

Всем своим видом изображая прилежного ученика, он время от времени посматривал в окно и думал о том, что прошло уже две недели, как начался учебный год, а он так и не нашёл подходящего случая похвастаться перед одноклассниками револьвером, который лежал у него в портфеле.

Летом Вовка с мальчишками играл в войну – улица на улице. Вовкин отряд базировался на улице Дачной, а «противники» – на улице Макаренко. Оружие у ребят было совсем не боевое – загнутые, как хоккейные клюшки, палки; рогатки; выструганные из тонких дощечек ружья. И только у Валерки Синицина был новенький пистолет с пистонами – подарок на день рождения от старшего брата. Друзья, конечно, завидовали Валерке и мечтали накопить за лето денег, чтобы купить в магазине игрушек кортики, автоматы и даже маленькую подзорную трубу для командира, которого сами назначали на десятидневный срок, чтобы каждый из ребят мог попробовать себя в этой роли.

Когда подошла Вовкина очередь занять этот пост, он долго не мог уснуть, ворочался в постели и наконец придумал, как придать себе облик настоящего военного.

С этой целью он без утайки поделился своей проблемой с отцом, который работал модельщиком на комбайновом заводе и был в городе признанным мастером-краснодеревщиком, и попросил помощи. Отца – бывшего фронтовика – долго уговаривать не пришлось. За

один вечер он смастерил две небольшие деревянные гранаты, вырезал фигурными стамесками из липовой чурки револьвер с крутящимся барабаном и покрасил весь арсенал в чёрный цвет.

Увидев эти произведения столярного искусства, Вовка потерял дар речи: и гранаты, и револьвер трудно было отличить от настоящего боевого оружия!

Кроме того, отец достал из сундука полинявшую от времени свою фронтовую пилотку с красной звёздочкой, старый солдатский ремень, привязал к нему вместо кобуры две петли из сыромятных шнурков и помог сыну экипироваться.

Вечером, когда Вовка появился перед своим отрядом, ребята раскрыли рты от удивления: пилотка, ремень, слева на котором висел револьвер, а справа – гранаты, произвели на них неизгладимое впечатление, и гордость за своего командира ярким блеском вспыхнула в восхищённых детских глазах...

Тем временем прошла половина урока.

Мягкий голос учительницы нарушил тишину класса:

– Дети! А теперь давайте закрепим свои знания и вместе прочитаем по слогам слово, которое я сейчас напишу на доске.

И она крупными буквами написала: МА-МА. Класс зашумел и отвлёк Вовку от воспоминаний. Он взглянул на соседку по парте Таньку Чернову, и ему вдруг пришла в голову неожиданная идея: прямо сейчас, на уроке, показать ей револьвер, а уж она обязательно расскажет на перемене о Вовкиной тайне всему классу. С этой мыслью он осторожно открыл портфель, вытащил револьвер и направил дуло на Таньку:

– Посмотри, – толкнув её локтем в бок, прошептал он, – как настоящий!

Танька опустила глаза, увидела револьвер и, с диким криком выскочив из-за парты, побежала к учительскому столу.

Что тут началось!

Девчонки, сидящие за соседними партами, тоже завизжали, сорвались с места и со всех ног помчались к двери.

Класс замер от неожиданности. Ребята с задних рядов, не понимая, что произошло, шёпотом спрашивали друг у друга о причине столь странного поведения девочек, но ответа не находили.

Вера Ильинична, испуганно оборвав на полуслове свою речь, нахмурила брови и строгим вопросительным взглядом оглядела класс, пытаясь осмыслить происходящее и найти хоть какое-то объяснение внезапному срыву урока. В это мгновение дверь распахнулась, и в неё буквально влетел чем-то расстроенный директор школы Евстафий Яковлевич. Ничего не объясняя, он схватил Вовку за шиворот, вырвал у него из рук револьвер и потащил к себе в кабинет, за ними последовала Вера Ильинична...

Так начался первый в жизни Вовки Грачёва учебный год.

ГОЛУБЬ

В первых числах октября, взяв по семейным обстоятельствам краткосрочный отпуск, я решил навестить сына. Он учился в Самаре и снимал небольшую комнатку на шестом этаже.

На следующее по приезду утро, проводив студента в институт, сел завтракать и вдруг слышу: кто-то стучит в окно...

Это был голубь. Он настойчиво барабанил клювом по стеклу, будто хотел сообщить мне очень важную новость.

Признаться, я не сразу разгадал причину такого поведения, но через минуту меня осенило: собрав со стола хлебные крошки, открыл створку окна и насыпал их на отлив.

Подождав, когда птица расправится с первой порцией, я накрошил ещё немного хлеба, но уже на подоконник. Моя маленькая хитрость показала голубю подозрительной: он долго думал, с любопытством заглядывал в комнату, наконец, поборов страх, перепрыгнул через раму окна и продолжил свой завтрак.

А я смотрел на него и удивлялся: как природе удаётся создавать такую красоту! Он был весь белый, с коричневым пятнышком на грудке, похожим на маленькое сердечко, а голову, словно короной, венчал трогательный хохолок из перьев.

И мне вспомнились далёкие юные годы, мой друг Женька Храмов, у которого отец держал голубей и позволял нам иногда заходить в голубятню, общаться с этими чудесными птицами. А среди них заметно выделялась пара невероятно подвижных в воздухе голубей породы турман, очень похожих на моего незваного гостя.

Это неожиданное открытие вызвало во мне желание продолжить начатую игру: я взял из мешочка с крупой небольшую горсточку овсяных хлопьев и, раскрыв ладонь, осторожно приблизился к голубю. Он резко отпрыгнул, тревожно посмотрел на меня, но, не заметив в моих действиях никакой опасности, медленно подошёл к руке и стал клевать новое лакомство.

Вскоре корм опять закончился. Тогда я насыпал горстку хлопьев на стол и стал ждать: что же будет дальше.

Было видно, что голубь не ожидал такого развития событий: он долго ходил по подоконнику, как-то по-особенному гулко ворковал, но никак не мог решиться принять моё приглашение.

Так прошло несколько минут. Я уже перестал надеяться завоевать полное доверие моего гостя, как вдруг он взмахнул крыльями, перелетел на стол и принялся торопливо уничтожать пищу. Было заметно, что поведение голубя резко изменилось – появились беспокойство и опасение в правильности последнего шага. А покончив с едой, он ещё больше заволновался, отскочил на край стола и стремительно вылетел в раскрытое окно...

Долгие зимние месяцы я с лёгкой грустью вспоминал своего друга, и во мне теплилась надежда, что когда-нибудь мы снова встретимся.

Людия Невская

ШВЕЙЦАРИЯ

Запотело и покрылось влажным туманом кухонное окно: на плите горели две конфорки. Хозяйка готовила ужин и смотрела в маленький телевизор, по которому шла передача: «Клуб кинопутешественников». Показывали великолепные виды Швейцарии. Растерзав капусту на щи, женщина грустно улыбнулась.

В её детстве словом «Швейцария» дворовая ребятня называла землю между бараками – огромный внутренний двор. Одноэтажные длинные бараки окружали «швейцарский мир». Туалеты, сараи, котельная, столики с ободранными скамейками, где собирался послевоенный «бомонд» – пьяные мужики, жужжащие бабы, молодёжь с гитарами и детвора в синяках.

Повседневная жизнь начиналась с пивного ларька, который открывался раньше зари. Выступая из торца склада, он притягивал к себе всё мужское население «Швейцарии». Изрядно заправившись, мужики облепляли стол, натёртый локтями до сопливого блеска:

– Дуплись, Митяй, да штаны не теряй!

Душа просила поэзии.

– Рыба! – вдруг раздавался радостный крик, затем – сильный стук по фанере, которой обшивали центр стола, и она вибрировала, словно крыло самолёта.

– Чтоб вас, окаянных, лихорадка скрючила! – кричала через форточку какая-нибудь старушка.

В луже после вчерашнего дождя уже лежал слабак, не избежавший потери штанов. Всё содержимое его сползших армейских брюк слишком откровенно и омерзительно купалось в этой грязной луже. Мальчишки с хохотом толкали мужика длинными палками.

Но прошли годы. Заусиновский Овраг застроили многоэтажными домами, которые затоптали «Швейцарию».

А по телевизору показывают сверкающую уличную моечную машину со множеством шлангов и щёточек. Выпуская порцию шампуня на покрытие городской дороги, она, медленно передвигаясь, натирает, полощет его водой.

Всюду цветы и улыбающиеся лица прохожих.

– Вот она какая – заграница! – подумала хозяйка.

Подбежала внучка, переключила канал. На экране появился снег. Голос за кадром сказал:

– Эта лыжная база приглашает вас покататься по горным склонам Швейцарии.

– Баб, – вдруг произнесла внучка, – хочу в Швейцарию...

– Что? В Швейцарию? – спросила женщина и склонилась над плитой, сгорбившись вместе с кухней, такой маленькой и вспотевшей, будто безнадежно больной человек.

МЯТОЕ ПЛАТЬЕ

Девочка в коротком ситцевом платье стояла у решётчатого железного забора с острыми наконечниками и смотрела на противоположную сторону улицы. Там начиналась другая жизнь. Улица Людиновская разделялась на две половинки. С одной стороны стояли бараки, по другую – красивые «финские» дома. В этих домах жили обеспеченные люди. Лида давно заприметила девочку-ровесницу, лет семи, которая жила в «финском» доме напротив её окна.

И сейчас Лида стояла у забора и смотрела, как девочка помогает маме и папе переносить сумки с покупками из машины. Папа нёс на

руках огромный арбуз. Рядом с ним вертелась ещё одна, совсем маленькая девочка. Лиду заворожил эта семейная сцена: у неё не было семьи. Была только мама, которая всегда находилась на работе. Лида жила сама по себе.

– Как тебя зовут? – Лида вздрогнула от вопроса, потому что девочка неожиданно подбежала к ней с другой стороны улицы.

– Лида.

– А меня – Ира. Давай дружить.

Этого Лида не ожидала. Девочка из большой семьи, у которой такой красивый дом, предложила дружбу. Ответ был очевидным.

– Давай.

– Пойдём к нам. Папа арбуз купил.

Девочка потянула Лиду за руку. Но между ними стоял железный забор.

– Сейчас, – сказала Лида и обежала барак.

Робкими шагами подошла к девочке. Ира взяла её за руку и подвела к папе с мамой.

– Мама, папа, это моя новая подружка. Её зовут Лида. Можно я угощу её арбузом?

– Ну, конечно, – сказал папа, – проходите во двор.

Во дворе была каменная дорожка, ведущая к веранде дома. На больших окнах веранды висели гипюровые занавески. Вдоль дорожки росли цветы. Лида замерла на месте от такого великолепия.

– Проходи, – щебетала Ира. – Это моя сестрёнка Наташа, – показала она на маленькую девчужку, которая вертелась у всех под ногами. – Но мы её зовём Натулька. Правда, хорошенькая? Ей три годика.

Натулька действительно была как куколка: пухлые щёчки с родинкой на одной из них, кудрявые волосы, длинные реснички. Папа подхватил её на руки и высоко подкинул. Натулька рассмеялась. Он поймал дочку, поцеловав, поставил на дорожку и сказал:

– Девчонки, идите в беседку. Я туда принесу арбуз. Мама уже нарезала его.

И девочки, взявшись за руки, пошли в беседку. Они расселись на лавочках вокруг круглого стола. Вся беседка была обвита вьющимися цветами. Подошёл отец и поставил поднос с кусочками арбуза на стол. Девочки стали есть. Лида плюнула косточку на землю.

– Это для косточек, – сказал Ирин папа и поставил перед каждой девочкой по маленькой плошке.

Арбуз был сочный и сладкий. Лида увидела, что его липкие струйки капали на платье.

– Идите мыть руки, – послышался мамин голос из кухни.

Девочки побежали к ней. Лида никогда не видела кухни. В их маленькой комнатке в бараке такого места не было. Был только стол. Керосинка, на которой Лидина мама готовила, стояла в общем коридоре. Но не это поразило девочку в доме новой подружки.

Дверь из кухни в большую комнату была открыта. Напротив стояло большое чёрное пианино.

Лида думала, что пианино стоят только в магазинах. Она спросила:

– Можно посмотреть?

– Да, подойди, если хочешь, – сказала Ирина мама.

Лида шла к пианино и смотрела на себя в его отражении. Худенькая, нескладная девочка с растрёпанными волосами приоткрыла крышку, увидела клавиши и тут же закрыла инструмент, потому что посмотрела на верхнюю крышку пианино. Там сидела большая кукла в пышном белом капроновом платье. Платье волнами лежало вокруг неё. Золотистые локоны падали на плечи.

– Это мне папа подарил, – прервала Лидино восхищение Ира. – Но мы сейчас уезжаем в магазин. Мне платье новое покупать. Поедешь с нами?

Лида не сразу поняла, о чём говорила Ира. «Поехать с ними на машине? – промелькнуло в мыслях. – Я же никогда не ездила на легковых машинах, только на автобусах».

– Мама, папа, ну пусть поедет с нами моя новая подружка.

– Подожди, Ира, – остановила её мама. – Может, ей мама не разрешит ехать с нами.

– Разрешит, – вмешалась Лида, – её дома нет. Она на работе.

– А папа? – спросил Ирин папа.

– А папы у меня нет, и не было.

– Как это не было? – улыбнулась Ирина мама.

– Когда я спрашиваю маму, где мой отец, она говорит: «Не знаю». Когда я спрашиваю, кто мой отец, она говорит: «Отстань». Значит, его не было, – лепетала Лида, и глаза её наполнялись слезами.

– Подожди, подожди плакать, – сказала Ирина мама. – Но, видишь, у тебя грязное платье.

– Я сейчас! – воодушевилась девочка.

Она вытерла слёзы и побежала домой.

– Ох, Ира, Ира! – вздохнула Ирина мама. – Не нравится мне твоя новая подружка. Безотцовщина из бараков. Ты видел? – обратилась она к мужу. – Замарашка.

Тот только руками развёл.

– По-моему, хорошая девочка, трогательная.

Лида вбежала в барак. Трясущимися руками взяла из-под корыта ключ от двери, открыла её и бросилась к бельевому шкафу. Вывалила все вещи на пол и стала искать чистое платье.

– Это – старое, – отбросила она полинявшее платье, – это некрасивое. Вот это мне нравится, белое в синий горошек.

Лида быстро сняла грязное платье и надела сарафан в горошек.

– Теперь я красивая, – думала девочка, не замечая, что платье не поглажено.

Она посмотрелась в маленькое зеркальце на столе, поправила волосы и выбежала в коридор. Долго не могла закрыть дверь на замок. Повесила ключ обратно на гвоздь под корытом и выбежала на улицу. Она бежала так быстро, что запыхалась. Машина ещё стояла у ворот дома.

Лида перевела дух и вошла в калитку.

– А вот и я! – весело сказала она.

Все замерли в растерянности. Папа с мамой отошли в сторону.

– Ничего, – сказал папа как можно мягче, – она посидит в машине, пока мы будем в магазине. Пусть девочка прокатится. Ты же слышала, папы у неё нет, и не было.

– Она и пианино никогда не видела, – прошептала Ирина мама, – ладно, пусть едет.

Муж погладил жену по волосам и поцеловал в щёку.

– Девчонки, идите в машину, – крикнул он весело, и девочки побежали к машине.

Ира ловко открыла заднюю дверь, пропустила вперёд Лиду, потом усадила Натуйку и наконец сама взобралась на сиденье.

– Как на диване, – сказала Лида, прижавшись к спинке сиденья.

Всю дорогу она смотрела в окно. Вот они спустились в овраг и поднялись из него. За оврагом были пятиэтажные дома. Потом они поехали в центр города на главную улицу. Лида знала, что она называется Советской. На этой улице были все магазины. У одного из них остановились.

– Ты посиди в машине, – попросил Ирин папа.

– Хорошо, – сказала Лида.

И они ушли. А Лида смотрела из окна машины на прохожих и мечтала.

– Наверное, они думают, что это моя машина. И что это мой папа пошёл в магазин. Сейчас он выйдет, и мы поедem в наш большой дом.

Так, мечтая, Лида улыбалась прохожим из окна машины «Победа».

ОТЕЦ

Смеркалось. Под окном одноэтажного барака копошились три девочки. Лида стояла на четвереньках, а на её спине балансировала Аля, стараясь удержаться и заглянуть в окно комнаты, где уже зажгли свет. Тоня прижалась к побелённой стене между двумя окнами, чтобы другие жильцы не заметили её.

– Видишь? – с трудом выдавливая слова под тяжестью подружки, спросила Лида.

– Да, вижу. Он рисует. Прямо у окна! На столе лампа.

– Дайте мне, дайте мне! – задёрнула их Тонька и потянула за рукав Алю, отчего обе девочки пошатнулись и упали. Лида потёрла колени.

– Тише вы! – приложила она к губам пальчик.

Ловкими движениями девочки поменялись местами.

Теперь Лида была наверху. Тоня – самая маленькая, и ей приходилось уступать первенство в подглядывании за чужим отцом.

– А мой папа скоро приедет, – мечтательно пролепетала она.

– Врёшь! – прошипела Аля. – Тебя мать в тюрьме родила. Все знают. Значит, твой папочка там, или уже умер.

Тонька захныкала.

– Вижу! – вдруг раздался восторженный голос Лиды. – Он чертит. У него карандаш и линейка. Он инженер, – со знанием дела заявила она.

Лида была старше других и знала больше. Глаза у подруг расширились от такого открытия. Отец – это редкость среди барачной детворы, а учёный отец – верх совершенства и объект детской зависти.

Аля на миг расслабилась, ноги её обмякли, и она распласталась на земле. Лида съехала вниз, прогремев жестяным подоконником-карнизом. Все три девочки быстро зажали рты, чтобы не рассмеяться, и перекатились за угол барака. (Комната, за которой они вели наблюдение, принадлежала новенькой девочке и её семье и была крайней в бараке.) Тут они сели прямо на землю и рассмеялись.

Совсем стемнело. Девочек никто не искал. А кому до них дело? У Тоньки мама пьющая и сейчас, наверняка, где-нибудь у соседки в компании мужиков, пришедших с работы уже под хмельком и теперь закрепляющих это состояние. Алькина мама качает грудного ребёнка – Алькиного братика. Где только она взяла его, ведь отца-то у них не было? А Лидина мама – «в ночную».

Три мечтательницы, обнявшись, пытались согреть друг друга.

– У моего папы, – начала Аля, – красивая фамилия – Виноградов!

– Знаем, – вздохнули подружки. Они и не догадывались, что Аля придумала для себя эту сказку, и завидовали ей, хотя знали, что она никогда не будет Алевтиной Виноградовой, а будет просто Алькой Табаковой.

– Пойдёмте ко мне ночевать, – предложила Лида, и девочки, измазанные побелкой, пошли в соседний барак.

Лида нащупала ключ под висевшим в коридоре корытом, сняла его с гвоздя, специально прибитого низко, и открыла дверь.

Они ещё долго придумывали истории о своих отцах, откусывая куски хлеба с вареньем и запивая водой. Затем все вместе легли на единственную кровать. Лишь через некоторое время подёргала дверь Алькина мама, чтобы убедиться, что её дочь, как всегда, спит у подружки-соседки и что девочки не забыли накинуть крючок на петлю. Дверь закрыта.

Галина Цыплёнок

ВИЛЬКА

Вилькин дом в улице был самым большим. Потемневшие от времени брёвна и разросшиеся деревья делали его мрачным и загадочным. Большую часть дома занимал хозяин – Вилькин дедушка. Жил он бобылём. Никто к нему никогда не приходил. И сам он ни с кем не общался, даже со своей дочерью – Вилькиной матерью. Дедушка занимался извозом. Доставлял на тележке багаж пассажиров от вокзала до пристани. Вилька помогал дедушке, зарабатывая на обед.

Семья занимала крохотную комнатку под самой крышей. Когда Вильку вызывали свистом на улицу, из окон выглядывали, как птенцы из скворечника, сразу все: мать Вильки, сестра, старший брат и сам он. Из мебели, кроме двух железных кроватей, стола и спрятавшихся под него двух облупившихся табуреток, ничего не было. Окна вместо занавесок украшали аккуратные стопки книг на подоконнике. Их в семье любили и читали.

Несмотря на свой не по годам огромный рост, Вилька был беззащитным, поэтому ему часто попадало от мальчишек с соседней улицы. Отец погиб, работала одна мать – билетным кассиром на вокзале.

Дедушка с матерью не ладили. И Вилька часто уезжал в деревню к бабушке Насте. Вот там и произошёл случай, после которого

Вилька стал заикаться. Он любил спать на печке. От тепла нагретых кирпичей, овчинного тулупа, под довольное мурлыканье растянувшегося рядом кота Тихона Вилька засыпал мгновенно. Бабушка Настя решила угостить любимого внука блинами. Замесила тесто в квашне и поставила её на печку. Утром Вилька проснулся. И увидел, как рядом с ним медленно поднималось, вытягиваясь, нечто в белом. Оно огромными зелёными глазами смотрело на Вильку и шипело.

– Нечистый, нечистый, – заорал Вилька и кубарем скатился с печки.

А кот Тихон ещё долго слизывал убежавшее на него из квашни тесто.

СТРИЖЕННЫЕ

К очередному концерту Галка и Римма отнеслись серьёзно. Готовили костюмы, составили программу, нарезали из бумаги билеты и карандашом написали на них цену – десять копеек. Соседи, как обычно, приходили на концерт со своими стульями. Открытая веранда была отличной сценой.

Первым, согласно программе, выступал Юрка. В сотый раз он читал «У лукоморья дуб зелёный»... На память Юрка не жаловался. Но всегда забывал, зачем коту идти направо и зачем налево. Выручала Юрку подсказка деда Тимофея.

Но самым главным номером программы считался украинский танец. У Галки и Риммы на голове были венки из бумажных цветов. Украшение довершали выцветшие разноцветные ленты.

У Ниночки, приехавшей недавно к соседям на летние каникулы из Москвы, не было ни цветов, ни лент. Но танцевала она очень хорошо. Быстро приняли решение. У забора оборвали репы и на Ниночкиной голове слепили из них огромную шляпу с большими полями.

Концерт прошёл успешно. Галка и Римма веночки сняли. А вот с Ниночкиной головы... Шляпа отдельно сниматься не хотела. Как ни старались Галка с Риммой, не отцеплялись репы. Они смешались с волосами так, что вскоре голова превратилась в общую неразделимую массу. Ниночка заревела. Прибежала её мать. Ниночку не ругала, повязала на голову косынку и повела участников танца в парикмахерскую. С волосами прощались со слезами. Концерты по уважительным причинам были временно отменены.

МОДУЛЕНЦИЯ

Ниночка была красавицей. Так казалось Галке. Густой «ёжик», появившийся после стрижки, закрывала красная в крупный белый горошек панамка. Пышное розовое платье украшали оборки и огромный бант. Но Галке очень нравились Ниночкины туфельки. Красные, блестящие, с множеством дырочек и шёлковыми красными же шнурочками. При ходьбе они так скрипели, что на Ниночку все обращали внимание. Таких туфелек у Галки никогда не было, и ей так хотелось хотя бы один раз померить их. Ниночка жадной не была. Галка без труда быстро надела туфельки. Вот он, долгожданный первый шаг! Туфельки заскрипели так, что мальчишки, играющие на поляне в футбол, остановились, и мяч, не встречая преград, полетел прямо на Галку. Такого она стерпеть не смогла. И изо всех сил ударила по мячу. Туфелька от удара жалобно скрипнула, подошва не выдержала и отвалилась. Ниночка, как всегда, заревела, а Галка с туфелькой помчалась к деду Тимофею. Тот повертел туфельку в руках и вздохнул:

– М-да, починить можно, да туфелька скрипеть уже не будет: сломались деревянные гвоздики. Вот такая вышла модуленция.

Туфельку дед Тимофей починил, и когда Ниночку спрашивали почему скрипит только одна из двух, она отвечала, что у другой с деревянными гвоздиками вышла модуленция. Что такое эта самая модуленция, дед Тимофей никому и никогда не рассказывал.

... И с хорошим настроением к малышам пришли сейчас

Валентина Юдина

УРОК МУЗЫКИ

В нашем классе есть, ребята, необычный ученик.
Знаем мы его с детсада. Он к порядку не привык.
На уроке нам хотелось песню новую пропеть –
Димка же залез под парту и медведем стал реветь.

Объяснял урок учитель и ответы ожидал.
Димка – громкоговоритель – рот совсем не закрывал.
Педагог промолвит слово – сразу слышит два в ответ.
Димка встанет, сядет снова, слушаться желанья нет.

Но учитель вызвал Димку и вручил ему мелок:
– Ты под музыку картинку мне нарисовать бы смог?
«Утро» Грига зазвучало. По доске мелок стучал.
Чуть под музыку качаясь, Димка утро рисовал.

...На доске взметнулись ели. Сыпал снег из низких туч,
Разыгравшейся метелью закрывал он солнца луч.
Дом с окном в сторонке где-то... Ну а Димка присмирел:
– Вы сыграйте снова это, я немного не успел!

Все ребята пожелали оказаться у доски,
Под негромкий звук рояля свой нарисовать эскиз.
А учитель наш смеётся: – Кто же будет возражать?
Видно, музыку придётся с рисованьем совмещать.

ОБМЕН

За окном темным-темно.
Спать пора уже давно.
Но нельзя мне засыпать –
Завтра алгебра опять.
Что скажу я утром маме?
Что глаза закрылись сами?
А условия задач
Так запутаны, хоть плачь?

Мой сосед по парте Вовка
Всё решает очень ловко,
А списать мне не даёт.
У него другой подход.
А чему тут удивляться? –
Любит он всегда меняться.
Если даст списать ответ,
Предложу ему планшет.

Пусть играет. Мне не жалко.
Лишь бы вовремя шпаргалку
Не забыл он мне опять
На контрольной передать.

Хорошо ему меняться!
Вот бы мне так заниматься...
Не могу. Как ни смотри, –
В дневнике всё «два» да «три».

Если б я решать был мастер,
Не менялся б на фломастер,
Пирожок, конфету, жвачку,
На значок, наклеек пачку,
На билет в кино, бейсболку,
Мяч, ракетку и футболку.
Я б ему, хоть не просил,
Всё бесплатно объяснил!

АДМИРАЛ

В подъезде бабочка кружилась,
На стены, на окно садилась,
То замирала в тишине,
То трепетала так пугливо,
Раскинув крылышки красиво,
Что разглядеть хотелось мне!

Вот если б лето – всё понятно.
Но ведь на улице прохладно,
И снег весь день идёт с утра.
Подумать только: и откуда
В подъезде объявилось чудо?
Такого не было вчера!

И вспомнил я соседа Мишку –
Про насекомых разных книжку
Читать однажды мне давал.
И эта бабочка большая,
Хотя нет звёзд на ней, я знаю,
Зовётся гордо: АДМИРАЛ!

СТРАННЫЙ ПАССАЖИР

*Посвящается
Галине Цыплёнковой*

На автовокзале старом
Папа, мама, брат и я –
Ожидаем. Из Самары
Едет дальняя родня.

Еле тянутся минутки.
Тут меня толкает брат
(Отправляется маршрутка
Рейсом на Димитровград.

Мы завидуем немножко.
Вот объехать бы весь мир!) –
Из последнего окошка
Смотрит важный пассажир.

Головища... Ух, какая!
Щёки складками висят.
И глазищи, не моргая,
Снисходительно глядят.

Странный дяденька какой-то.
Кто – понять бы я не смог,
Если бы братишка Колька
Вдруг не завопил: – Бульдог!

Не хватало только шляпы –
Важный вид ему придать.
Он бы мог, конечно, лапой
На прощанье помахать.

Знали б, как мы хохотали:
Веселился весь вокзал.
Чуть гостей не прозевали,
Ладно, диктор подсказал.

В ДЕТСАД

Наконец-то после школы
Мы торопимся в детсад
С постановкою весёлой
Про собачек и котят.

Эту пьесу с нетерпеньем
Повторяли много раз
И с хорошим настроеньем
К малышам пришли сейчас.

Для начала наши лица
Ожидал серьёзный грим.
Как же не развеселиться:
Угадайте, кто под ним?

Но зато понятно стало
Кот – Сергей, Никитка – пёс.
Грима извели немало
И на щёки, и на нос.

Пели громко и задорно,
Веселили детский сад
И смывали грим проворно,
Брызгаясь на всех подряд.

Не хотелось почему-то
Детский садик покидать.
Малышами стали будто:
Расшалились – не унять.

Кто-то бросился к качелям,
Кто-то оседлал коня.
Пятиклашки загалдели,
Словно сами – малышня.

Не хотелось расставаться,
Расходиться по домам.
Надо всё-таки признаться:
Детский сад по нраву нам!

КОНФЕТА

С большой конфетой в кармане,
Что припасла бабуля впрок,
Максимку, будто на аркане,
Звонок приводит на урок.

Конфета – в фантике блестящем.
Такой чудесный аромат!
Быть может, с вафлею хрустящей
В ней настоящий шоколад?

Забыв про школьную науку,
Максимка думал у окна:
Куда бы спрятать эту штуку,
Чтоб не растаяла она?

Ах, как она вкусна, наверно!
Терпеть уже немоготу!
Максим не стал ждать перемены.
Конфету спрятал он во рту!

... И в сердце звёздочка зажглась

Константин Казачкин

ЗАКОН ЛЮБВИ

Да, как ни странно, это было,
И не забыть про это мне.
И в жар бросало, и знобило,
И сладко было, как во сне.

Судьбою отпускались скупю
Минуты радости земной.
Хоть сетовать на то и глупо,
Но что поделаешь со мной?

Что не Онегин я, ты знала.
И пусть другому отдана,
Но вряд ли клятву ты давала,
Что будешь век ему верна.

Зачем пишу? Спроси об этом.
Что хочет старый ловелас?
– Ты озарила вечер светом,
И в сердце звёздочка зажглась, –

Вот мой ответ. Мы оба знаем:
Возрата к молодости нет.
Хоть я иллюзий не питаю,
Но полюбил на склоне лет.

Опять в душе звучат валторны,
И ни при чём мои года.
– Любви все возрасты покорны, –
Нам шепчет Пушкин иногда.

Мы ж в эмпиреях не витаем.
Не перейти нам Рубикон.
Но ты и я отлично знаем:
Непостижим любви закон!

Восторг любви и пыл желаний
Погасят старости года.
Из тёплых снов моих посланий
Встаёт былое иногда.

И снова пламя встрепенётся,
Заполнит сердце счастья миг.
И громким эхом отзовется
Крик радости, восторга крик!

Мы снова стали христиане.
Или желаем ими стать.
Послушайте, Наташи, Вани,
Что вам хотел бы втолковать.

Нет Бога, знаю, в ясном небе,
Коль в вашем сердце нет его,
Когда все мысли лишь о хлебе,
Вокруг желудка своего.

Голодные рабы – что звери.
Им тот, кто кормит, господин.
Без чести, совести, без веры
Какой же ты христианин?

А мода – снег. Она растает,
И солнце высушит пятно.
Об этом вроде б каждый знает.
Да вот не всем понять дано.

Не верится, что в Лету канем

Михаил Макаров

ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ

Уходят эсминцы под гром канонады,
Спешат затеряться в ночи поскорей.
Горит Севастополь, где бьются отряды
Защитников береговых батарей.

Над ними снуют «мессершмитты», как осы.
Дерётся братва, отходить ей куда?
И отступать не привыкли матросы,
И за спиной – лишь морская вода.

Гранат больше нет, на исходе патроны,
Но поднимаются снова в штыки
Участники береговой обороны,
Как их называют – береговики.

И враг опрокинут, смят в яростной схватке.
Редеют парней крутоплечих ряды.
Умолкли орудия грозной «Тридцатки»,
И бьются матросы у самой воды.

Они в грозный час на колени не встали,
В неравном бою полегли, как один.
Скорбя, батареи свои повзрывали
И Константиновский равелин.

...А песня плывёт, словно крик журавлиный,
Над гладью лазурной, над кронами лип:
«Последний матрос Севастополь покинул...»
Нет! Он на причале, на Графской погиб.

У КАРТИНЫ «ОНИ НЕ ПРОЙДУТ»

Опостылело всё. Надо в отпуске скорее,
Побывать, где служил, снова жаждет душа.
На мысу Херсонес, на родной батарее,
И Матросским бульваром пройтись не спеша.

Постоять в Балаклаве у старого дота.
Там погиб мой братан в сорок первом году.
И, конечно, в музей Черноморского флота,
Где картина «Они не пройдут», я приду.

Холст совсем не велик. Масло. Автор из местных.
И представлен одной лишь картиной он здесь.
Значит, не из маститых, не очень известных,
Но в творенье его искра Божия есть.

Это эхо войны, лето сорок второго,
У посёлка Любимовка яростный бой.
Здесь они не прошли. Вон лежит их как много!
Вот тела их качает солёный прибой.

Говорят, что тот бой упомянут был в сводках,
Что художнику снится тот бой до сих пор.
Как стреляла по танкам прямою наводкой
Батарея бойцов с Мекензиевых гор.

И нельзя было им в том бою ошибиться.
Точно в цель посылался за снарядом снаряд.
Чёрный дым над долиною в небе клубится –
Это врага танки кострами горят.

Но упрямо, на эти костры невзирая
(Не даёт им покоя побед мелких зуд),
Вереницею танки от Бахчисарая
По степи раскалённой ползут и ползут.

Кто же их остановит, сведёт с ними счёты,
Не позволит взобраться на склон высоты?
Как один, полегли у лафетов расчёты.
И казённые пушек молчащих пусты.

Тёплый дождь тихо падает павшим на лица,
Словно горькие слёзы невест или жён.
Жив пока лейтенант с кубарями в петлицах,
И ещё держит связь полевой телефон.

Он кричит в телефон: «Мы позиций не бросим!»
Он хрипит, умирая от раны сквозной:
– Срочно дайте огонь по квадрату «три-восемь»,
А потом ликвидируйте наш позывной!

И лавиной снаряды накроют долину,
Словно молотом, танки фашистов дробя.
И они не пройдут: лейтенант Сухомлинов
Вызывает огонь батарей на себя.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАВЕЛИН

По-над бухтой плывёт журавлей узкий клин.
За моря в край далёкий торопятся птицы.
И внимает их крику седой равелин,
И глядят им вослед бастионов бойницы.

Птиц за морем места благодатные ждут.
Но седой равелин на судьбу не пеняет.
Рядом с Северной бухтой, ветрами продут,
Он в дозоре стоит, в бухту вход охраняет.

В тишине слышен плеск бирюзовой волны.
Мирный день. И тепла, и покоя так много!
А ему ещё помнятся годы войны,
Тот далёкий июль лета сорок второго.

Помнишь ты, равелин, подле бухты бои.
Как крошили твой камень фашистские пули,
Как геройски сражались матросы твои
И, взорвав казематы, в бессмертье шагнули.

Вместо павших мы ныне в дозоры встаём,
И на мачтах сигнальных огни зажигаем.
О героях-отцах наши песни поём
И стихи о шагнувших в бессмертье слагаем.

Над водою стоит первозданная тишь.
Журавли пролетают высоко-высоко.
В новый камень одет, равелин, ты стоишь,
Как в дозоре матрос в форме первого срока.

НА АМБРАЗУРУ

За Одером кромсали землю мины,
И от пожаров даль была красна.
Свинцовый дождь роняла на руины
Победная военная весна.

Роняли в травы белый цвет черешни.
Обидно умереть в конце войны
Вдали от дома, тёплым утром вешним,
За несколько минут до тишины.

Обидно. Но кому-то всё же надо
Заставить замолчать последний дот.
И по брусчатке под свинцовым градом
К нему солдат с гранатою ползёт.

Ему детишек повидать бы надо,
Поднять с друзьями за Победу тост,
Но хлещет пулемёт свинцовым градом,
А надо подниматься в полный рост.

В немой цепи, свинцом к земле прижатой,
Встаёт боец, суров и напряжён,
Встаёт солдат с тяжёлою гранатой,
И доту в пасть её швыряет он.

Рокочет взрыв. Вот пламя шлейфом бурым
Рванулось в голубую высоту.
И падает солдат на амбразуру,
Переступив бессмертия черту.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Нас по утрам чуть свет будильник будит,
Настойчиво нас в новый день зовёт.
И мы спешим. Нам ветер лица студит,
А мы спешим, ведь дел невпроворот.

Нам надо сделать в этот день так много!
И потому в пургу и в летний зной
Знакомою нам издавна дорогой
Спешим мы спозаранку к проходной.

Спешим мы к крекингам и к эстакадам,
Где лес колонн – насколько хватит глаз.
Мы с ветеранами по праву рядом
Шагаем в новый день наш каждый раз.

Я тоже за грядущий день в ответе.
Да будет прожит мной достойно он.
Колышет пурпур флагов зябкий ветер.
Плывёт над Родиной курантов звон.

СЛЕД

Пока неведома усталость,
Нам кажется, что вечны мы.
И редко думаем про старость –
Не этим заняты умы.

Пока ещё на плечи камнем
Не давит груз прожитых лет,
Не верится, что в Лету канем
И не оставим в жизни след.

Не верится, а всё же, всё же
Однажды наступает срок.
И мы дела свои итожим,
Прикидывая: что ты смог?

Всегда ли в суতোлке буден
Отзывчивым, правдивым был?
Что сделал доброго ты людям?
Какую радость подарил?

Нам всем как высшая награда –
Остаться в памяти людской
Тем домом, что построил, садом,
Что посадил. Или строкой.

Чтоб потомки о светлом мечтали...

Вячеслав Ромасевич

САМАРСКИЙ КРАЙ

На карте ты виден как символ
Горячей любви молодой,
Самарский край – сердце России,
Пронзённое Волги стрелой.

Чтоб нас миновали ненастья
И были светлее деньки,
Господь подарил нам на счастье
Подкову Самарской Луки.

Поднялись могучие силы
В лихую годину войны –
Самарские грозные «Илы»
Схватились с врагами страны.

И, не уставая трудиться,
Признание быстро нашла
Страны запасная столица –
Самара, мудра и светла.

И что нам фантастов прогнозы? –
В дела воплотились мечты:
К нам ныне приблизили звёзды
Гагаринцев славных ряды.

А пахари нашего края,
Земных и небесных полей,
Железных коней запрягая,
Поют о красе Жигулей.

Мы любим земли нашей символ,
Деля грусть и радость с тобой,
Самарский край – сердце России,
Пронзённое Волги стрелой.

У ОГНЯ ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

У кремля вырос храм величавый,
Тихо к небу молитвы летят.
И пылает огонь вечной Славы
Там, где в бронзе солдаты молчат.

О друзьях, свои жизни отдавших
В беспощадном горниле войны
За Победу, а нам завещавших
Честь и славу великой страны.

Им на смену приходят иные
Продолжать труд и подвиг отцов.
И звучать будет Сызрани имя
Среди лучших в стране городов!

ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО*Матерям солдат**Великой Отечественной*

Вот письмо-треугольник солдата.
От затишья переднего края
Драгоценным подарком когда-то
Его почта несла полевая.

Как всегда, поначалу – поклоны
Маме, папе и младшей сестрёнке,
Детства добрым друзьям – поимённо,
И смущённо – любимой девчонке.

А затем сообщал юный воин:
«Бью фашистов под дых, как учили,
Сам вот ордена удостоен,
Жаль, что многих ребят схоронили»...

Дальше – сплошь затушёваны строки.
Видно, цензор лихой им достался.
Чтобы не было лишней мороки,
Зачеркнул и... подстраховался.

Что ж прочёл кабинетный чиновник?
Да читал ли письмо-то он толком?..
Может быть, в том боец стал виновен,
Что военный секрет им разболтан?

Нет, присягу блюдя непреложно,
Лишь в одном совершил упущенье:
Сомневался, что всё-таки можно
Сталинград отстоять в том сраженье;

Что под яростный стук автомата
На земле, где ничем не согреться,
Злые мысли терзали солдата:
«Как до Волги дошли всё же немцы?»

Но в сомнениях не виноват он –
Смертный бой, а душа его юна.
Только слов от неё адресатам
Не узнать никому, даже умным.

По пути до родимой сторонки
На просторах Отечества вскоре
Обошла то письмо похоронка.
Знать, шаги побыстрее у горя!

И слилась сотня мутных рассветов
С чернотой материнской печали,
Как прощальный привет с того света –
Крики чаек на скорбном причале.

Но хранит мать листочек помятый
И не зря его строки целует,
И гордится сыновьей наградой,
И с девчонкою вместе горюет.

НЕЗАБУДКИ

Словно счастья билетик
Вдруг блеснул впереди:
Незабудок букетик
У тебя на груди.

Их невинная свежесть
Мне напомнила вновь
Мимолётную нежность,
Фронттовую любовь.

Среди дыма, развалин
В те суровые дни
Нам надежду давали
Незабудки одни.

По тревоге прощаясь,
Чуть позвал ратный путь,
Им молились, ручаюсь:
– Не забудь! Не забудь!

Ты ж в ответ опускаешь
Свой загадочный взгляд,
Молчаливо вдыхаешь
Голубой аромат.

С ним не может сравниться
Никакая «Шанель»!
Жаль, что коротко длится
Незабудок метель.

ВЕРТОЛЁТЧИКИ

Прорастая сквозь столетья гордо
Над святой артерией Руси,
Сызрань хорошеет с каждым годом,
У кого об этом ни спроси.

Как лучи – стальные магистрали.
Волги ширь – пути во все концы!
Соколиной стайкой вылетают
Наши винтокрылые птенцы.

Им потом повсюду будет сниться
Первый вылет в неба синеву,
Сызрань – вертолётчиков столица,
В этом превзошедшая Москву!

УХОДИМ...

Мы уходим. Не надо печали.
Мы гордимся, что юность свою
Нашей Родине отдавали
И её защитили в бою!

Мы в атаку не раз поднимались,
Оставляя в окопах свой страх.
Тем, кто выжил, Победа досталась,
Павшим – холмик, скрывающий прах.

Мы уходим – кто раньше, кто позже, –
Грозным пламенем опалены,
Сохранив на медалях отблеск
Ледящих пожаров войны.

На заре двадцать первого века
Поредел ветеранский наш круг.
Тает братьев живых картотека,
И друзей фронтовых, и подруг.

Мы уходим. Не надо печали.
Раздаются пусть песни вослед,
Чтоб потомки о светлом мечтали,
Честь храня героических лет.

Геннадий Строев

КВАДРАТ ТУМАНА

Рассказ

Боюсь я этих дней: тихих, пасмурных, когда с утра туман, такой густой, что кажется, взяв нож, можно легко вырезать большой белый квадрат. Унести и поставить в комнате на столик в углу, где сейчас телевизор.

Как было бы здорово!

Знакомые и незнакомые, зайдя, удивлялись бы, спрашивали:

– А что это у вас? Телевизор? Новой марки?

Они подходили бы и осматривали квадрат тумана со всех сторон.

– Интересно... Странно... И ни одной ручки, и ни одной клавиши...

Они дотрагивались бы и отдёргивали руки:

– Холодный! Сырой! Что это?

– Туман, – отвечал бы я. – Туман.

Мне бы не верили.

– Шутник! Покажи лучше, как он работает.

– Смотрите, – отвечал бы. – Я же вижу.

И в самом деле, хорошо вижу тихий и пасмурный день, когда с ночи возникший туман так густ, плотен и тяжёл. Лишь к полудню туман рассеется ненадолго, и тогда выглянет солнце и станет прозрачен и ярко мир. Кусты и деревья, ещё не забывшие о листве и пытающиеся низкими ветками поднять её, пожухлую, с остыллой земли, заблестят, заискрятся капельками воды. Вспыхнет огненно-рыжая на прибрежном мелководье осока, подчеркнув лишний раз неизменную в любое время года серую неброскость полынных кустов.

Запах, запах полынный – жив он ещё? Когда умирает? Зимой? В пору выюжную?

Память моя, та, которой боюсь. Почему не заслонят тебя новые впечатления? Почему из года в год, изо дня в день ты со мной, во мне?

Вот дорога, раскисшая от грязи. Чувствую – мне не надо идти по ней. Но я пойду. Медленно, готовый назад повернуть, хотя знаю – не поверну.

Сад совхозный мне будет по левую руку, а воды речные – по правую..

Стар и тёмен даже в осеннюю пору этот сад, и обширны пустынные воды реки. Только там, далеко, у противоположного берега, зеленеют нарядно, по-летнему, сvezённые на зиму пристани местных линий. Но не радуют и они. Смотреть на них грустно, как на игрушки заболевшего ребёнка.

Дорога выведет к дачному посёлку.

Он пуст. Забиты окна и двери всех дач, кроме одной. И я в неё войду.

Открою дверь – дымом сосновых дров повеет на меня и теплом от раскалённой добела «буржуйки».

Меня здесь ждут.

– А вот и ты! Чай будешь?

– Буду.

– Не снимай ботинки, не люблю, когда мужчина ходит кошкою по комнате.

– Они грязные.

– А ничего. Вымою полы ещё раз. Нетрудно...

Я сяду за стол. Здесь самовар. Электро. Блестит никелировкой, словно тоже рад, что я пришёл.

Волнуясь, она нальёт чай в белые с чёрным кантом чашки и сама положит в обе варенье. Малиновое. Сладкое. Пахучее.

– Почему ты здесь? – скажу я. – Сегодня рабочий день, а в отпуске ты была летом.

– Я отпросилась, взяла за свой счёт на эту неделю...

– Так ты?..

– Да, третий день я здесь.

– Зачем?

– Туман. И я знала, что ты не выдержишь – придёшь. Первый год это, что ли? Скажи, и не устал ты, и не надоело тебе?

– Ты каждый год спрашиваешь это.

– И буду, буду спрашивать, пока не скажешь, наконец: да, устал. Да! Да!

Я отведу глаза, опущу взгляд к полу, на грязные свои полуботинки, которые она не позволила снять, потому что ей нравится звук моих шагов. И чужим голосом спрошу:

– А он?..

И тогда отойдёт и заплачет она.

И я не смогу её утешить. Я очень хорошо помню двух счастливых людей: её и его.

– Ну хочешь, я хоть завтра с ним разведусь? Ты простишь? Скажи!

– Он любит тебя.

– Но я-то, я-то – нет!

И опять я не найду, что сказать.

Зачем снится мне эта женщина с белыми волосами, что подобны туману? И снится туманно: то ли есть, то ли нет. Может быть, оттого, что я не хочу, чтобы она снилась. Не хочу, но она то и дело приходит, говорит: «Будешь чай пить?» И разливает его по чашкам.

Зачем снится мне этот дом, где пахнет сосновыми дровами, где хожу обутый, чтобы громче звучали шаги, потому что это ей нравится?

С дальнего берега к нашему я привёл бы эти, почти игрушечные пристани, чтоб в в свободное время она могла играть с ними. Солнце бы светило, и ярким, прозрачным был мир, и снегом искрились

деревья. Из сугроба я вырезал бы белый большой квадрат, и вдвоём мы внесли бы его в наш дом и поставили бы в углу, на столике, где сейчас – телевизор.

Да, растает.

А тумана квадрат? Если б можно было вырезать его?

Какой бы покой был тогда!

А то ведь вот: я уже оделся и вышел. Туман рассеялся, и солнце засияло. И – дорога. Сад – направо, а налево – просторная вода. Я готов повернуть назад, но знаю – не поверну. А вот и дом. Здесь ждут меня...

Но что это?.. Ужели снег летит?!

Александр Коноплёв

КАК «СЫЗРАНЬ» ГРОМИЛА «РОСТОВ»

Воспоминания футбольного болельщика

В жизни нет ничего невозможного. Кто бы мог подумать, что небольшой провинциальный городок так мощно заявит о себе в Кубке России по футболу?! Мегалополисы, глядя откуда-то свысока, нехотя, но все же уважительно кивают головой и аплодируют...

24 сентября 2014 года. Город, томимый ожиданием этой даты и пестрящий баннерной рекламой, людским потоком стекается в пойму реки Крымзы. Там, на зелёном поле спортивного комплекса «Кристалл», футбольный клуб «Сызрань-2003» принимает действующего обладателя Кубка России ФК «Ростов».

Выступления черлидеров, спортивные танцы, специально приглашённая рок-группа «Jizz» задают тон и настроение зрителю. Идёт разминка игроков перед матчем. Более получаса до начала встречи, а стадион заполнен до отказа!

Погода тоже подготовилась: никакого намёка на осадки и ветер! Полный комфорт для игры!

– Ну, парни – красавцы! Это ж надо, в нашу глухомань притащить Премьер-Лигу! – восклицал мужчина средних лет, располагаясь в кресле и устраивая рядом сына-подростка.

– Да! Хоть на старости лет воочию посмотреть поистине большой футбол! – подхватили седовласые соседи на трибуне.

– Интересно, Божович приехал?

– Ты чего, Степаныч? Конечно, приехал! Он же главный тренер команды.

– Мало ли, – многозначительно покачал головой пожилой болельщик.

– Надо же, какие-то минуты остались, и перед нами – настоящие легенды футбола, – размышлял худощавый блондин лет тридцати.

– Легенды – это Яшин, Стрельцов, Понедельник, Блохин, Дасаев, Протасов...

– Стой! Стой!.. Я имел в виду Божовича. Этот черногорец – поистине тренер – чемпион! Кубок завоевать, знаете ли, – результат! Посмотрите, у него в команде что ни игрок, то звезда!

– Со звёздами-то оно, конечно, играть легче. А я вот пришёл на наших парней посмотреть, тех, что здесь выросли и своим трудом добились такой высоты, что к нам высшая лига приехала. Здесь же наши ребята, местные: Березун, Хрущёв...

– Какие ребята? О чём вы говорите? Что сможет сделать Березун против Бухарова?

– Не трогай Васю! – грозно посмотрев на блондина, резко возразил, молчавший до этого широкоплечий мужчина, которого соседи по трибуне уважительно называли Егором Андреевичем. – Мы здесь, на этом стадионе, Канчельскиса спустили с небес на грешную землю. И Божовича приземлим...

– Мужики! Давайте всё-таки реально смотреть на вещи, – успокаивающе вступил в разговор завсегдатай матчей Олег Витальевич, которого тоже все знали. – Наши ребята уже совершили чудо, привезя в Сызрань команду такого уровня. На мой взгляд, неважно, с каким счётом мы проиграем, надо всё-таки сопоставлять ранг «Ростова» и нашей второй лиги. Но если мы хотя бы один мяч забьём – это уже будет подвиг!

– Забьём? – влез в разговор Петрович, заведённый страстями соседей по сектору. – Сам же сказал: надо быть реалистами. У них в воротах Плетикоса.

– А у нас – Астахов! И нечего тут... – вновь поднялся Егор Андреевич.

– Чего мы обсуждаем? Наша линия обороны не выдержит их нападения.

– Вот только не надо пессимизма. У нас тоже парни не промах. Готов поспорить, что Ренат Баратов и сегодня забьёт свой мяч!

Неизвестно до чего бы дошёл накал страстей, но в опустившихся сумерках включилось местное освещение. И весело взметнулись ввысь искры фейерверка!

Звучит футбольный марш, футболисты выходят на поле. Трибуны взрываются аплодисментами и приветственным ликованием. Фанаты растягивают огромный баннер с изображением любимого города, покрыв им весь свой сектор и часть соседнего. Команды выстраиваются для приветствия. Звучит гимн Российской Федерации. Трибуны встают, воцаряется тишина.

Замолкают динамики. Спортсмены приветствуют друг друга рукопожатием и разбегаются на разные половины поля.

Свисток судьи! Началось!

Комментатор читает составы заявленных игроков и, к удивлению или радости зрителей, оглашает: «Ворота команды «Ростов» защищает Сослан Джанаев».

«Сызрань-2003» дерзко начинает игру. Хрущёв, Березун, Баратов устремляются к воротам противника. Трошечкин ломает атаку, выбив мяч на угловой. Инициатива быстро переходит на сторону более именитой команды. Горо с мячом, и «Ростов» начинает атаку. Трошечкин бьёт головой в ноги Канга. С ним борется наш Антонио Морейес. Мяч отскакивает, и находящийся рядом нападающий гостей Бухаров с силой лупит по воротам Астахова. Виталий выбивает мяч за пределы поля.

Наш голкипер трудится без устали, гася атаки Бухарова, Полоза, отражая прострелы Григорьева, Канги. Прилагая невероятные усилия, сызранская команда переводит игру в центр поля, пытаясь удержать её там, не пуская к своим воротам... И вот Терёхин играет на

Симонова, тот делает передачу по левому флангу, Березун несётся в штрафную противника.

– Давай, Вася! Давай! – режут трибуны.

Удар! Защита не дремлет, и сразу – контратака. Снова Астахов в игре... Нервничают наши ребята, допускают нарушение правил. Березун и Хрущёв строят стенку, остальные – в защите. Канга пробивает стандарт и навешивает в штрафную площадку. Высоко выпрыгивает Бухаров, но не дотягивается до мяча, зато за его спиной Дьяков набегаёт и красиво играет головой... Астахов всё видит, всё контролирует и забирает мяч в руки! Рукоплещут болельщики, нервно ёрзая в креслах...

Арбитр извещает свистком о перерыве. Устало выдыхает стадион. Болельщики растекаются по спортивному комплексу, бурно обсуждая игру.

– Как в той песне: «Первый тайм мы уже отыграли», – воодушевлённо заявляет Петрович.

– Самое главное, ни одного не пропустили, – вдохновенно подытожил Олег Витальевич.

– Какой прессинг держат ребята! – восхищается блондин.

– Такое впечатление, что мы со сборной мира играем, а не с российским клубом, – возмущается Егор Андреевич, отхлёбывая чай.

– Это ты про темнокожих парней, да, Андреич?

В ответ тот лишь кивнул головой.

– Это ж Премьер-Лига, как ты хотел! Ладно, пошли на трибуну. Конец перерыву.

Судья свистит, и «Сызрань-2003» сразу же бросается в атаку по правому флангу, словно говоря о том, что не намерена отсиживаться в обороне. Надёжно играет Ксулу, и гости снова расстреливают наши ворота.

Какое столкновение! Фатуллаев и Лавлинский лежат на газоне. Тяжело, но всё же поднимаются без помощи медиков. Дьяков исполняет штрафной. Мяч, элегантно огибая стенку, устремляется в ворота. Астахов забирает его в руки и сразу вводит в игру.

– Дмитрий Воец-кий! Дмитрий Воец-кий! – скандирует фан-сектор имя и фамилию главного тренера команды.

– Сыз-рань! Сыз-рань! Сыз-рань! – подхватывает весь стадион.

Малочисленные болельщики из Ростова совсем не слышны в дружном хоре волжан. Удивительно, но игра стала настолько равной, что обороняться стали и ростовчане. Теперь уже Джанаев касается мяча чаще, чем вратарь Сызрани.

Зрители посматривают на табло, сохраняющее нулевой счёт. Около десяти минут остаётся до конца встречи. Крепнет уверенность в дополнительном времени. Штурм у ворот Сызрани, навес во вратарскую с левого фланга. Затаив дыхание, утихают трибуны. Астахов забирает мяч и, не давая расслабиться командам, сразу посылает его в игру. Идёт вперёд левый фланг. Навес на вратарскую площадку. Стремглав несётся вышедший на замену Алексей Чуравцев. Растолкав защиту противника, с ходу бьёт головой, и мяч оказывается в сетке ворот.

– Го-о-о-ол!!! – взрывается стадион.

Трибуны прыгают от радости! Обнимаются игроки.

– Го-о-о-ол! – кричит Сергей Лейбград, ведущий трансляцию в эфире, и чуть не вываливается в окно второго этажа, где вместе со стулом он расположился на подоконнике.

Остолбнев, ростовчане смотрят на соперника. Разводя руками, что-то кричат болельщики южного города.

– Верим в команду! – подбадривают они сами себя.

Команда второй лиги забивает мяч действующему обладателю Кубка России, а ростовчане верят в свою команду?! Патриоты, молодцы!

Знали бы они, что будет дальше! Спустя три минуты Марат Баратов, вырвавшись вперёд на контратаке, оказался один на один с Сосланом Джанаевым. Играючи, он легко перекинул мяч через набегавшего на него голкипера «Ростова».

– Го-о-о-ол!!! – вновь сотрясается округа. Невозможно передать обстановку ликующего стадиона.

– Го-о-о-ол! – подпрыгивает на стуле Лейбград и охрипшим голосом кричит о втором мяче в ворота команды Премьер-Лиги!

Приехавшие гости молча сидят на трибуне, понуро опустив глаза. Тоскливо поглядывают они на зелёный газон и своих игроков.

– Всё, разозлили мы их конкретно, – кричит восторженно Олег Витальевич. – Этим ребятам отыгаться раз плюнуть. Сейчас Божович всех в атаку бросит...

– Семь минут остаётся...

– Правильно Воецкий делает, укрепляя оборону заменами игроков. Счёт держать надо!

Ростовчане несутся вперёд. Всё меньше у них остаётся времени отыгаться! Крепнет уверенность в победе недавнего новичка в профессиональном футболе. Считанные минуты остаются до финального свистка.

Индикатор табло застыл на цифре 90, пошло компенсированное время. Три минуты добавил судья встречи. Целых три минуты!..

– Держать ребята!!! Держать счёт!!! Собрались! Чуть-чуть осталось! – несётся с трибун.

Давит «Ростов», вся команда – у ворот Сызрани... Великолепно играет Астахов, и мяч вновь летит на половину поля грозного соперника. Проваливается защита гостей, увлечённая нападением. Стрелой влетает Почивалин в штрафную площадку ростовчан, мощно бьёт и пробивает голкипера Премьер-Лиги ещё раз. 3:0!

Кончилось красноречие! Нет больше слов описывать обезумевший восторг трибун! «Го-о-о-ол!» – неслось отовсюду. Это – не просто гол. Это – жирная точка в поединке с командой высшего ранга. Жест высокого достоинства демонстрируют болельщики из Ростова: стоя, они молча аплодируют победителю...

Весь стадион скандирует: «Сыз-рань! Сыз-рань! Сыз-рань!»

Финальный свисток! Скандирование переходит в ликующий крик такой силы, что уши закладывает. Невозможно ничего разобрать, понятно одно: это – крик ПОБЕДЫ!!!

Да! Да! Крупными буквами впишется эта легендарная победа в историю клуба и нашего города!

Опустив головы, покидают поле игроки «Ростова». Тёмной тучей скользит сквозь строй репортёров главный тренер. А ведь в его команде девять игроков входят в состав сборных своих далёких государств...

Поблагодарив общим поклоном болельщиков, размахивая руками, неспешно покидают поле победители. Собирает поздравления и тренерский штаб. Пресса обступила президента клуба «Сызрань-2003». Словом, всеобщая эйфория!

Довольные болельщики в невероятно приподнятом настроении покидают стадион. Никто и предположить не мог, что в эти самые минуты на послематчевой пресс-конференции прославленный Миодраг Божович скорбно сетовал на неудачную игру своей команды. Поздравил «Сызрань-2003» с заслуженной победой и объявил о том, что больше не будет тренировать «Ростов», заявив о собственной отставке с поста главного тренера...

Феерически преодолев 1/16 Кубка России, ФК «Сызрань-2003» перешёл в следующий этап – 1/8, где встретился с менее именитым соперником из НФЛ – оренбургским «Газовиком». Он также сумел обыграть клуб высшего дивизиона – грозненский «Терек». К сожалению, во встрече с нашей командой, фортуна встала на сторону оренбуржцев, прервав восхождение сызранцев к Кубку России. Переживём! И дождёмся новых побед!

Елена Мочалова

И ЭТО ВСЁ – О СЫЗРАНИ

Краеведческий обзор

Юбилейные даты располагают к анализу, размышлениям, обобщениям. Вот и в связи со 165-летием Самарской губернии я решила провести небольшое исследование краеведческой литературы о Сызрани.

Какие стороны жизни нашего города на протяжении более чем трёхвековой истории нашли отражение в научных трудах, документально-публицистических очерках, эссе, мемуарах? Насколько полно сегодняшнее поколение школяров, да и более взрослых сызранцев, могут узнать из печатных изданий о том, как жили их далёкие и близкие предшественники, чем зарабатывали на хлеб насущный, на какие ценности ориентировались? Какое место занимала Сызрань в тех или иных эпохальных событиях всего государства? Куда ещё следует направить свой взор историкам, географам, обществоведам, культурологам? Вот на такие вопросы мне и хотелось бы ответить в этой статье.

Итак, за основу периодизации изданий возьмём хронологию выхода в свет тех или иных трудов. При таком подходе выявляются три неравнозначные группы.

Первая. Это – книги дореволюционного периода (до 1917 г.).

Вторая. Литература советского времени.

Третья. Издания последнего 25-летия, вышедшие уже в обновлённой России.

И ещё вначале сделаю оговорку. За рамками моего обзора остаётся художественная литература местных авторов. Это – тема для отдельной разработки.

Что ж, начнём по порядку. Печатные работы, изданные в царский период, немногочисленны. И практически все современные авторы прибегают к их цитированию. Назовём наиболее известные.

Пятистраничные «Сведения о построении города Сызрани» (автор статьи К. Невоструев) мы черпаем из журнала Министерства Внутренних Дел, ч. XXVIII; кн. 12 за 1849 год.

Затем появляется четвёртый выпуск «Материалов для истории и статистики Симбирской губернии» за 1867 год (издание Симбирского Губернского Статистического Комитета), в котором «дер. Батраки и г. Сызрань» посвящено 9 страниц.

Хорошо известна также небольшая – 11-страничная – брошюра А. Н. Зерцалова «Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века», опубликованный Симбирской Губернской Учёной Архивной Комиссией в 1896 году. В нём фактически воспроизводится «В Правительствующий Сенат нижайший рапорт» подполковника Александра Свечина, командированного в 60-х годах XVIII века для ревизии здешних мест и выполнившего их «гисторическое описание».

Небольшой очерк «Город Сызрань и его достопримечательности (историко-церковно-археологическое описание)» имеется в № 13 Симбирских епархиальных ведомостей за 1901 год. В этом же вестнике, но за 1906 год (№ 19) опубликовано выразительное описание известного сызранского пожара.

Первый иллюстрированный рассказ о Сызрани появляется в восьмом томе энциклопедии «Живописная Россия: Отечество наше в его

земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», посвящённом Среднему Поволжью и Приуральскому краю (1901 г.). Сызрани здесь уделено 7 страниц и помещено 6 фотографий. К слову, этот уникальный справочник и по сей день является наиболее полным описанием России и населяющих её народов.

Все вышеперечисленные материалы в отсканированном виде представлены в Приложениях первого тома энциклопедического издания «Город Сызрань: очерки географии, истории, культуры, экономики» (Сызрань: «Ваш Взгляд», 2008). Причём по сегодняшним временам тираж в две тысячи экземпляров – вполне приличный. Этот двухтомник в достаточном количестве имеется во всех городских библиотеках, включая школьные.

Есть ещё некоторые сведения о городе в ряде дореволюционных изданий. К примеру: у Масленицкого Т. Г. в «Топографическом описании Симбирского наместничества» (1785), Красовского В. Э. в «Хронологическом перечне событий Симбирской губернии (1372–1901 гг.)» (1901), Яхонтова А. К. в работе «Город Сызрань и его достопримечательности» (1901), Баженова Н. И. в «Статистическом описании соборов, монастырей, церквей Симбирской епархии по данным 1900 года» (1903).

Добрую службу несут до сих пор изданные в 10-е годы XX века Библиографические листки и Каталог книг Сызранской городской публичной библиотеки, подготовленные известным на всю Россию библиофилом – на тот период нашим земляком – Елпидифором Ивановичем Аркадьевым. Благодарные сызранцы присвоили его имя Центральной городской библиотеке.

Вот, пожалуй, и всё...

Второй период – советский. К сожалению, это время не баловало нас книгами о родном крае. В 1926 году появилась первая ласточка – «Географический очерк Сызранского уезда», написанный преподавателем педагогического техникума Н. О. Рыжковым. Примечательно, что в предисловии он выражает надежду на то, что «... в ближайшие годы должны будут появиться в печати с одной стороны полные и обстоятельные труды по изучению нашего края, а с другой – краеведческие издания, рассчитанные специально и на школьника, изложенные доступным детским языком, снабжённые иллюстрациями, отрывками

описательного и художественного характера и построенные по иному плану. Этого требуют интересы советского строительства и интересы школьного дела, пока же, на первых порах, и настоящая работа может оказать учительству некоторую пользу». Увы, надежды географа тогда не оправдались!..

Следующая краеведческая книга появилась лишь... в 1964 году, то есть спустя почти 40 лет! Ею стал первый более-менее подробный (на 199 страницах) историко-экономический очерк «Город Сызрань», написанный в соавторстве Б. П. Дедковым, А. М. Варешиним, А. С. Пономарёвым. Уже в 1968-м эта книга претерпела второе издание.

И, наконец, к 300-летию города (1983 г.) выходит 15-тысячным тиражом ещё один историко-экономический очерк – «Сызрань: годы и люди». Его составителями стали В. С. Морозенко – главный редактор газеты «Красный Октябрь» – и О. А. Портнягин – заведующий промышленным отделом этого издания.

Конечно же, эти работы не лишены идеологической догматики. Но таковы были реалии советского времени, когда «единственно верным учением» признавался лишь марксизм-ленинизм, все же остальные теории подвергались обструкции.

Более четверти века три вышеперечисленные книги («Географический очерк» Рыжкова в счёт не берем, так как в мгновение ока он превратился в библиографическую редкость) и газетные публикации являлись источником краеведческих знаний. Тем временем информация о тех или иных сторонах жизни города входила составной частью в другие издания. Например: «Очерки истории Куйбышевской области» К. Няякшина (1962), «Сызранские эпизоды» в книге К. А. Фадеева «Писатель, искусство, время» (1957), «Красота народного зодчества» Е. Чепиковой (Нева, 1957, № 4) и др. Но отдельных книг о Сызрани больше не издавалось. (Отмечу также в скобках, что за рамками нашего рассмотрения остаётся тема революционной борьбы, связях Ленина и членов его семьи с Сызранью).

В 1971 году группой авторов в составе Н. Н. Акимова, П. С. Дедкова, В. С. Кулагина в Куйбышевском книжном издательстве выходят очерки о «Тяжмаше» к 30-летию предприятия под названием «Завод наш родной».

Да, ещё! Недавно в государственном архиве по г. Сызрани я познакомилась с одной любопытной брошюрой, выпущенной в московском издательстве «Известия» в 1951 году, – «Совет города Сызрани». Её авторы Л. Кудреватых и А. Степанов описывают опыт работы этого органа местной власти, как оказалось, называвшегося в числе лучших по Куйбышевской области. Поскольку я работаю в Думе, то мне было весьма интересно познакомиться с тогдашней деятельностью депутатов. И, думаю, не мне одной. А ещё после приобщения к этому лаконичному изданию я убедилась в правильности наших действий по выпуску ежегодных отчётов, начиная с 2009-го, о работе местных парламентариев, выполнении ими наказов избирателей. Такая информация полезна не только сегодняшним горожанам, но, надо полагать, и нашим потомкам.

Вот теперь о советском периоде всё!

Почему же так мало? Здесь видятся две причины. Во-первых, после революции старый мир был сдан на слом, а новое государство начали строить с нуля, без фундамента. Весь предыдущий исторический опыт списали в архив (в лучшем случае!), а многое так и вообще уничтожили. Преемственность поколений прервалась.

Во-вторых, при жёсткой централизации государства с монополией на любую печатную продукцию, тотальном контроле всех сфер жизнедеятельности людей не поощрялась ориентация на местные специфику и традиции. Всё должно быть однообразно и унифицировано! О своих корнях люди намеренно забывали, тщательно их скрывали, чтобы не навлечь на себя беду. Так и прожили более 70 лет!

Заканчивается советский этап книгоиздательства в Сызрани в 1991 году, когда в июле подписывается в печать ещё одна документальная повесть о заводе «Тяжмаш» – «Твоя слава и гордость», теперь уже к его 50-летию. Её авторами стали журналисты В. И. Казанцева и В. С. Морозенко.

90-е годы, хотя их и принято называть не иначе, как «лихими», имеют не только сугубо негативную окраску. Ликвидация жёсткого идеологического давления позволила людям свободно вздохнуть полной грудью и задаться вопросом: «Откуда мы родом?» Народ потянулся к изучению старины. В семьях стали восстанавливать генеалогию фамилии, в трудовых коллективах обратились к архивам

предприятий и воспоминаниям ветеранов, отдельные исследователи наконец-то занялись разработкой давно интересующих их тем.

Несмотря на то что из обзора я исключила художественную литературу местных авторов, тем не менее не могу не упомянуть о самой первой книге, вышедшей в Сызрани в обновлённом государстве. В 1994 году увидела свет «Сызранская бывальщина» нашего патриарха-литератора Николая Михайловича Овчинникова. В неё вошли сказы, легенды, были о Сызрани. Оборудование для печати книг было тогда только в Сызранском полиграфическом объединении. Это предприятие возглавляла энергичный инициативный руководитель Людмила Ивановна Гнедёнкова. Все первые книги сызранских авторов были отпечатаны в этом объединении. В середине нулевых Л. И. Гнедёнкова открыла ООО «Полиграфия» и продолжила выпускать продукцию теперь уже в рамках частного предприятия.

В следующем, 1995 году мы увидели две новые книжки. Одна из них – мемуары нашего современника Евгения Александровича Гусарова, говорящие сами за себя: «В Москву за законами: Эпизоды биографии, впечатления и размышления депутата Государственной Думы». Они и сегодня представляют огромный интерес (а со временем он будет расти), так как написаны по горячим следам и показывают непростой период смены политической системы, сумбурный отрезок времени формирования новой российской государственности. А ведь позднее многие нюансы улетучиваются из памяти, забываются, нередко появляется соблазн что-то приукрасить, о чём-то умолчать. Потому-то и бесценны те первые заметки. Эту книжку наш земляк издал в Москве. После Гусарова к жанру воспоминаний обратились уже более десятка сызранцев.

А вот вторая – сугубо местная. «Золотыми звёздами Сызрани» Василий Семёнович Морозенко вместе со своим коллегой-публицистом Владимиром Александровичем Малюгановым открыл большую военную серию. Работа над ней продолжалась около 10 лет. В эту серию в последующем вошли такие фундаментальные труды, как: двухтомник «По законам военного времени (Сызрань – фронту)» (1999, 2000), «До и после Победы» (2002), «Славные дочери Сызрани» (2004), «Чести достойны!» (часть 1, 2010).

Таким образом, в Сызрани, начиная с 1995-го и по нынешний, ежегодно издаётся от двух до 5-8 книг краеведческой направленности. Их появилось уже более ста. А если мы прибавим сюда и художественную литературу, то общее число местных изданий – около трёхсот!

С 2007 года выпуском книг в Сызрани стало заниматься местное издательство «Ваш Взгляд», учредителем и руководителем которого является Александр Николаевич Фирсов. Это весьма грамотный профессионал, находящийся в постоянном поиске и совершенствовании, к тому же – большой патриот города. Им издано уже несколько десятков книг.

Кратко остановлюсь на тематике.

Больше всего книг (порядка 25) посвящено истории предприятий, организаций, учреждений. О некоторых коллективах вышло их уже несколько – о «Тяжмаше», «Сызраньсельмаше», СНПЗ, филиале технического университета, ТЭЦ, пожарной охране. В числе первых появились очерки (авторство обоих принадлежит И. К. Кретову) о почтовой связи и сберегательном деле. Серьёзные исследования опубликованы о вертолётном училище (к его 70-летию), «Нефтемаше» (к 60-летию), транспортной милиции (к 85-летию) и др.

Нашли отражение в печати и труды, связанные с историей отдельных отраслей или сфер жизнедеятельности нашего города. Выделим такие: «Становление и развитие сызранской полиции в 1802-1917 гг.» (В. В. Романов, 2002), «Благотворительность в Сызрани: прошлое и настоящее» (общественная организация инвалидов «Колос», 2006), «Спортивная Сызрань» (2007), «Архитектура Сызрани конца XVII – начала XX веков» (И. В. Бурая, 2008), «Сызрань и космос» (2011), «Исторические очерки о медицине» (2012) и др. В настоящее время развернута работа по составлению истории Сызранского комсомола к его 100-летию (2019). В текущем году увидела свет первая книга очерков из этой серии – о первом десятилетии молодёжного союза.

Значительный массив представляют издания о сызранцах, которые каждодневным добросовестным трудом и безупречной («беспорочной» – в старорежимной терминологии) службой вписали своё имя в историю своей малой родины. Это прежде всего коллективные

сборники «Чести достойны!» в двух томах (2010, 2015), «Славные дочери Сызрани» (2004), «Слава героев – слава училища» (2005). В этом же ряду документальные повести Н. Бондаренко «Россия в судьбах» (2012), Г. Чаплыгина «Полёты над Волгой» (2015) и проч. Проектом по подготовке к изданию книги о сызранских художниках с биографическими сведениями и репродукциями работ занимаются сегодня Владимир Петряшин и Александр Макаров.

Особый интерес заслуживают мемуары и эпистолярный жанр. Отмечу лишь некоторые из них: «Жизнь астронома» А. М. Черепашука (2014), письма О. А. Толстой-Воейковой в двух томах (2009, 2012), воспоминания Н. В. Буторова (2009) и С. Н. Буторовой (Давыдовой) (1999), Н. К. Певзнер «Сызранские фамилии: Ионовы, Ревякины, Певзнер» (2009) и др.

Усердная, вдумчивая, многоплановая работа таких краеведов, как Владимир Миронович Толкачёв, Галина Валентиновна Романова, Таисия Герасимовна Никонорова, Сергей Александрович Хлебодаров, а также богатое творческое наследие, оставленное Борисом Петровичем Дедковым, позволили осуществить значительный издательский проект к 325-летию г. Сызрани (2008) – двухтомник «Город Сызрань: очерки географии, истории, культуры, экономики». Для его реализации были привлечены и иногородние авторы, а научным руководителем коллектива стал доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета Пётр Серафимович Кабытов.

К справочно-энциклопедическим изданиям можно отнести также «Кто есть кто в Сызрани» (здесь представлены не только современники, но и исторические личности, начиная от основателя города воеводы Г. А. Козловского) (2001), а также антологию прозы и поэзии «Сызрань литературная» (2008).

Особенностью нашего времени стало обращение к микроистории. Не глобальные эпохи и события, а локальные – на той земле, где живёт человек и ценит то, что имеет. А потому стали появляться работы, связанные с историей сёл и районов города. Г. Г. Журлова пишет о Старой Рачейке, Н. П. Сокольская – о Панышине, авторский коллектив в составе Н. А. Синельниковой, В. Н. Поляковой, Е. А. Петровой выпустил «Летопись малых деревень Сызранского района».

Уже два издания претерпела книга Владимира Васильевича Петряшина «Засыран – Преображенская слобода» (2011, 2012), в которой с любовью описаны выдающиеся личности этого уголка Сызрани, бытовые традиции и характерные занятия его жителей, передающиеся из уст в уста мифы и легенды. Организатором проекта стал известный меценат Александр Михайлович Макаров.

Заложенную коллегами традицию освещения жизни микрорайонов продолжил В. П. Куницын, выпустив в соавторстве с Толкачёвым книгу «Военный городок: от Усть-Двинского пехотного полка до вертолётного училища» (2013). Хотелось бы отметить особенную добросовестность Виктора Петровича в работе над историческим материалом (и это неслучайно: ведь он возглавляет музей СВВАУЛа) и его активные краеведческие изыскания.

Подведём краткие итоги.

Современный период развития краеведения и, как следствие, книгоиздательства наиболее плодотворный за всё время существования города. Об этом говорит количество опубликованных работ, их тематическое разнообразие, жанровая многоплановость. При желании можно найти ответы на многие вопросы из жизни нашего Сызранского края, и лишь некоторые могут завести в тупик. Ну а в таком случае любознательным читателям хочется порекомендовать превратиться в исследователей, чтобы поработать самим над заполнением белых пятен в истории родного края. Поверьте, этот процесс увлекательный и даёт прекрасную возможность в буквальном смысле добывать новые знания.

Далее. Любое явление имеет, как известно, две стороны – положительную и негативную. Ликвидация государственной монополии на книгоиздательство способствовала значительному упрощению данного процесса. Но в то же время снизилось и качество рукописей, нередко в тексты закрадываются фактические (не говорю уже о стилистических, грамматических) ошибки, вплетаются ничем не подтверждённые домыслы, таким образом искажаются те или иные события.

Как весьма позитивный факт следует признать функционирование при муниципалитете с 2012 года общественного органа – редакционно-издательского совета (РИС). Ныне его возглавляет заместитель

главы администрации города Алексей Александрович Романенко. С рекомендацией этого совета и при бюджетном финансировании увидели свет 14 изданий общим тиражом более 5 тысяч экземпляров. Работает эта совещательная структура по такому принципу: «Авторы предлагают – РИС решает». Но, может быть, настала пора изменить алгоритм действий на другой? Например, «РИС определяет потребность города в определённой литературе и даёт, сообразуясь с ней, заказ авторам»? Тогда и обиженных будет меньше: мол, почему одних печатают за бюджетный счёт, а других нет. Определённая политика в данной сфере будет служить регулятором книгоиздания.

И ещё два предложения хотелось бы высказать. Давно назрела необходимость в создании местного творческого объединения краеведов. Это нужно для обмена информацией, опытом работы с источниками, приобщения к полезному занятию нового поколения сызранцев. А ещё – для определения тематики исследований с целью более полного охвата их направлений.

Думается также, что следует подготовить и выпустить учебное пособие по краеведению для наших школьников, о котором мечтал ещё в 20-е годы прошлого века упомянутый нами Н. Рыжков. Ведь сегодня эти занятия (увы, ставшие необязательными) строятся исключительно на рефератах, подготовленных учениками. Таким образом они получают лишь отрывочные знания о Сызранском крае. Вот только, к сожалению, заказ от сферы образования на такую книжку пока не поступал...

Автор выражает искреннюю благодарность за предоставленный список литературы о Сызрани заведующей отделом информационно-библиографического обслуживания Центральной городской библиотеки им. Е. И. Аркадьева Наталье Петровне Алабердиной.

Сергей Ульянов

РАССКАЗАЛА МАМА О ВОЙНЕ В ТЫЛУ

– ...Сынок, я многое пережила. Только бы войны не было! – эти мамины слова я запомнил на всю жизнь.

Моя мама, Анастасия Клементьевна, родилась 4 ноября 1924 года в селе Коптевка Новоспасского района Ульяновской области. С 14 лет начала работать в колхозе. Во время войны с 27 октября 1941 года была мобилизована на строительство оборонительных укреплений в район села Пановка Николаевского района Ульяновской области. Там она трудилась почти три месяца. Затем была переведена на лесозаготовку в село Старая Рачейка Ульяновской области. Так прошло ещё несколько месяцев. По окончании работ на лесоповале с апреля по июнь 1942 года вновь трудилась в колхозе. В июне 1942 года была мобилизована на строительство «Волжской рокады» – железной дороги Свияжск – Казань – Ульяновск – Сызрань – Саратов – Сталинград в Хвалынский район Саратовской области. Штаб работ размещался в селе Сосновая Маза. На строительстве дороги трудилась до августа того же года. Потом по апрель 1943 года опять работала в колхозе, а затем поступила на работу на Самайкинскую бумажную фабрику

им. Дзержинского, располагавшуюся в Новоспасском районе Ульяновской области. Здесь трудилась до конца войны.

Такова сухая хроника. Мама не любила вспоминать те годы. Но всё же кое-что она рассказала...

В основном, на работу и обратно добирались пешком. В любое время года, в любую погоду и в любое время суток.

Мобилизованным из колхозов предписывалось иметь в исправном виде свои одежду и обувь. Отсутствие их в зимнее время было равносильно смертному приговору. Особенно быстро приходила в негодность обувь. Поэтому многие крестьянки надевали лапти.

Никакой механизации не было. Все машины были наперечёт. В лучшем случае использовались немногочисленные телеги, которые вместе с возчиками также мобилизовывались по разнарядке из колхозов. А в это время лошадей там почти не оставалось. Руки, спины и ноги – вот и вся «механизация»! Да, да: и ноги тоже. Перед укладкой рельсов, чтобы уплотнить насыпь из песка, работницы проходили по нему несколькими шеренгами. А следом шли девушки, которые ударами трамбовок – кусков бревен, к которым были приделаны ручки, завершали процесс. Орудия труда на строительстве укреплений и железной дороги: лопаты, кирки, ломы, кувалды, клинья, тачки с одним колесом, носилки. На лесозаготовках применялись ручные пилы, топоры, верёвки, а также деревянные рычаги, шесты, слегги, которые изготавливались из подручных материалов. Кстати, и орудиями труда колхозы обеспечивали работниц по разнарядке...

Жили где придётся и как придётся. В сараях, амбарах и других непригодных помещениях. Часто рыли землянки, оборудовали их нарами и там спасались от холода и непогоды. Иногда мобилизованных ставили на постой в избы к местным жителям. Это считалось удачей. В страшной тесноте, но в тепле. Мобилизованным по приказу полагалось минимальное пищевое довольствие. Но фактически колхозницы часто были вынуждены обходиться подножным кормом: собирали грибы, ягоды, траву, коренья. Правда, ещё ловили в ручьях и озёрах рыбу. За счастье было получить от «снабжения» обыкновенные хлебные сухари. В общем, и голодали и холодали. Но знали, ради чего.

Условия труда были невероятно тяжёлыми. Каждый день требовалось выполнять норму. Ума не приложу: как молодые девчонки

могли выдерживать такие огромные физические нагрузки? А они не только выдерживали, но и сохраняли оптимизм, веру в победу.

Наиболее трудным для мамы был период строительства оборонительных укреплений зимой 1941–1942 годов. Тот невыносимый холод она запомнила на всю жизнь. Не с того ли времени у неё вошло в привычку зимой топить печь так, что домоладцы задыхались от жары? Мама рассказала и такой эпизод. В стужу земля была мёрзлой и твёрдой, как камень. Чтобы в неё углубиться, приходилось самый верхний слой раскалывать с помощью клиньев и кувалд. Две девочки устанавливали и удерживали на проволочной растяжке клин. А третья била по нему кувалдой. Как-то, на беду, её металлическая часть соскочила с черенка и ударила одну из девушек по ноге. Нестерпимая боль!

– Ничего, пгавильно. Война без жегтв не бывает, – ухмылялся стоявший рядом офицер сапёрных войск, один из немногих мужчин, которые командовали строительством. Его картавая речь маме врезалась в память навсегда...

К сожалению, немногие сейчас знают, какую роль сыграла в войне железная дорога Свияжск – Казань – Ульяновск – Сызрань – Саратов – Сталинград. Решение о её строительстве Государственным Комитетом Обороны было принято 23 января 1942 года. В качестве мобилизованной колхозницы там пришлось работать и моей маме. На строительстве широко использовались тысячи заключённых ГУЛага, а также репрессированные немцы Поволжья. Вот уж кому пришлось хлебнуть горя полной мерой! Многие тысячи заключённых погибли от голода, холода, болезней, пробивая эту «дорогу жизни». Мало того, доблестный НКВД и тогда вскрывал в рядах строителей «заговоры», «шпионов» и «пораженческие настроения» со всеми вытекающими отсюда последствиями – расстрелами.

Дорога на костях людей была построена вовремя. Благодаря «Волжской рокаде» Красной Армии удалось одержать победу в Сталинградской битве.

Мама, мама... Она всё вынесла. После войны смогла родить и воспитать нас, троих детей. Бескорыстная труженица... Хватило бы у нынешнего поколения сил и мужества, чтобы пройти подобные испытания? Не знаю...

Мама ушла из жизни 31 мая 2002 года. Только на склоне лет государство вспомнило о ней. В 1995 году мама была награждена медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне». Прошло ещё шесть лет. В 2001 году маме выдали удостоверение «Ветеран Великой Отечественной войны».

Вечная память!

«ЮНОСТЬ»: СПОРТСМЕНЫ И ШПАНА

*Памяти заслуженного тренера России
по боксу А. П. Бакуменко*

– Шейку танцевать только парами, – прервав игру вокально-инструментального ансамбля, через микрофон предупредил толпу пожилой директор турбазы. Он чем-то напоминал закоренелого бюрократа Огурцова из фильма «Карнавальная ночь».

Разгорячённая танцплощадка замерла в недоумении: быстрый шейк – парами?

Вновь тишину взорвали электрогитары и ударные инструменты. Однако танцующие перестраиваться в пары и не подумали.

Энергичнее всех на круглом пяточке отплясывали гости из соседнего спортивного лагеря: легкоатлеты, волейболисты, гимнасты и боксёры.

...Вовка упивался движениями под музыку рядом с друзьями по боксёрской секции. Хороший танец шейк. Можно прыгать, как на тренировке при упражнении «бой с тенью»!

Тогда, в 1972 году, юные спортсмены из Сызрани приехали тренироваться и отдыхать в спортлагерь «Юность». Он расположился на живописном побережье Усинского залива. Здесь находились десятки турбаз и пионерских лагерей.

Стараниями старшего тренера А. П. Бакуменко боксёры попали в лагерь впервые. Александр Петрович совсем недавно приехал из Краснодарского края. В спортивной школе он возглавил секцию бокса. Под его опекой тренировались мальчишки в возрасте от десяти до семнадцати лет. В секции занималось много ребят из неблагополучных и малообеспеченных семей. У некоторых мальчишек были проблемы с милицией.

Здесь, на берегу залива, среди сосен и берёз, в деревянных домиках жили спортсмены и тренеры. Режим дня в лагере был строгий. Утром – большой кросс по лесным дорожкам и длительная зарядка. Перед обедом – первая тренировка, за три часа до ужина – вторая. Для закрепления навыков проводились соревнования.

Кроме того, ребята ещё и трудились: лагерь расширялся, и они помогали подносить стройматериалы, таскали кровати и матрасы, крашили новые домики, приводили в порядок территорию.

Была организована и культурно-воспитательная программа. Спортсменам давали концерты и показывали кинофильмы, проводились встречи с фронтовиками и писателями. Бесцельно по лагерю никто не слонялся – у ребят не было ни одной свободной минуты.

...В разгар танца Толю, Вовкиного друга и одноклассника, «случайно» толкнули в спину. Виновник не извинился. Нагло ухмыляясь, он явно провоцировал друзей. И конфликт не замедлил вспыхнуть.

– Давайте отойдём! – сверкая золотой фиксой, с вызовом ощерился провокатор. Под соснами Толю и Вовку уже поджидали его дружки. Анатолий был не по возрасту развитым парнем и в боксе подавал большие надежды. Юноша со сложившимся характером – так говорили о нём школьные учителя. Поэтому, пока Вовка собирался с духом, Толя уже сделал задуманное. Он стоял под сосной и дул на свои ушибленные при ударе пальцы. Фиксатый лежал на мягкой хвойной подстилке, а его дружки, выпучив глаза, застыли от удивления.

На помощь к враждующим сторонам спешили подкрепления. Массовую драку остановили тренеры во главе с Бакуменко и несколько крепких мужчин из числа отдохавших на турбазе. В адрес спортсменов от фиксатого и его дружков сыпались угрозы:

– Погодите. Мы вас ещё отметелим!

После стычки боксёрам было запрещено появляться на танцах. А Толя за удар, нанесённый первым, получил от тренеров взбучку, которую запомнил надолго.

...Этот конфликт назревал уже давно. На побережье каждое лето кучковалась прилпатнённая шпана. Она считала себя «самой козырной», и ей не терпелось поскорей проверить боксёров на прочность. Всё началось с мелких подлостей. То кого-то из боксёров-малолеток посадят в глубокую яму, то отберут у них деньги. И здесь Бакуменко

приходилось улаживать последствия случившегося и принимать меры на будущее. Он ласково успокаивал плачущих малышей, пытался разобрататься с хулиганами при помощи руководителей спортшколы.

...Отсутствие боксёров на танцах шпана расценила как признак слабости. Но о своём обещании «отметелить» не забыла.

В один из вечеров Вовка с ребятами умывался и купался на реке после вечерней тренировки. Неожиданно на полупустой пляж вышла кодла, вооружённая колыями и палками. Её возглавлял «пахан», голый по пояс и весь покрытый синими татуировками.

И опять, словно из-под земли, перед пришельцами появился Бакуменко. Массивная фигура Александра Петровича в красной майке и тренировочных штанах, со свистком, висящим на шее, ярким пятном выделялась на фоне песчаного берега. Лицо Бакуменко с вислыми казацкими усами было невозмутимым. Его спокойная уверенность укрепляла дух в учениках и обескураживала нападающих.

Вовка вдруг обнаружил, что их учитель поразительно похож на Тараса Бульбу! В гоголевской повести казацкий полковник первый вставал на пути ляхов, чтобы вступить с ними в бой.

Главарь взмахнул дубиной и пошёл на тренера.

– Ах ты, подонок... – выплеснул свое презрение Бондаренко.

И через секунду тяжёлый кол, вырванный из рук блатного, полетел в воду, взметнув брызги. Прозвучала звонкая затрещина. От удара ладонью по шее «козырной» отлетел в сторону и, потеряв равновесие, упал на четвереньки.

Лицо наставника стало грозovým. Он сделал последнее предупреждение и, защищая мальчишек, был готов ко всему. Александр Бакуменко, мастер спорта СССР и тренер, который готовил боксёров международного класса, мог покалечить любого из нападавших одним ударом кулака...

– Товарищ тренер, товарищ тренер, – со всех сторон послышались извинительные возгласы шпаны.

Вовка и его друзья плотно окружили Бакуменко. Они молчали.

Нельзя было узнать, о чём думал каждый из них. Но по лицам ребят можно было догадаться, что произошедшее они запомнят крепко. Уже тогда многие из них определились, с кем идти во взрослую жизнь, чтобы победить. Такой выбор сделал и Вовка.

«СЫЗРАНСКАЯ ИЗЛУЧИНА» НАЗВАЛА ЛАУРЕАТОВ

В апреле этого года городская писательская организация, Централизованная библиотечная система, редакция газеты «Волжские вести» и Общественный молодёжный парламент при местной Думе объявили литературный конкурс «Сызранская излучина», посвящённый 165-летию Самарской губернии. И вот подведены его итоги.

Но для начала напомним некоторые пункты положения о конкурсе. Цель творческого состязания:

- формирование у молодёжи устойчивого интереса к художественной литературе;
- привлечение как можно большего числа юных граждан к активной интеллектуальной деятельности, содержательному досугу;
- ознакомление детей и юношества с произведениями сызранских авторов в прозе, поэзии и публицистике;
- развитие творческих способностей у юных сызранцев;
- воспитание чувства патриотизма, гордости за свою малую родину.

К участию в конкурсе приглашались жители Сызрани в возрасте от 12 до 28 лет. И наши юные земляки оправдали ожидания оргкомитета и жюри творческого состязания. Кто же они, лауреаты?

Победителем конкурса единогласно признан 16-летний Андрей Степовой из школы № 26 (руководитель – учитель русского языка и литературы Вера Петлина). В его эссе «Часть моего духовного мира...» проанализированы прозаические произведения из нескольких номеров «Сызранской излучины». Их авторы – местные писатели Вячеслав Железняков, Николай Овчинников, Лидия Невская, Фёдор Трифонов, Валентина Юдина. Впрочем, юный исследователь не забыл упомянуть в своей работе и сызранских поэтов.

Не обошли их, поэтов, своим вниманием и другие участники конкурса. В том числе – 12-летняя Алиса Фахрутдинова (руководитель – библиотекарь филиала № 18 ЦБС И. А. Смолькова), занявшая в творческом состязании второе место, и ставшая третьей 14-летняя Карина Панина (С. В. Старочкина).

Решено также отметить за участие в конкурсе Анастасию Вольникову, Ирину Малкину, Владу Блинкову, Кабрию Салихову (все – Сызрань) и Зилю Файзулину (Казань).

Жюри конкурса

Андрей Степовой

ЧАСТЬ МОЕГО ДУХОВНОГО МИРА...

Память... Она сильна, как ни одно из человеческих чувств. Память будит совесть, которая, в свою очередь, лишает человека покоя, заставляет заново осмысливать то, что кажется незыблемым. Поддерживать это ценное свойство человека – одна из главных функций литературы. И в частности – альманаха «Сызранская излучина». В основе его содержания лежат традиции русской литературы. Это состоявшийся журнал, ибо обладает духовным стержнем. С 2012 года он выходит в моём родном городе, обретая благодарных читателей. Я – один из них. Уверен, литературный сборник имеет светлое будущее.

Нельзя сказать, что всё, прочитанное в альманахе, ложится на сердце и память, но отдельные писатели и их творчество стали частью моего духовного мира. С нетерпением жду выхода каждого номера, спешу уединиться и, не торопясь, переживая радость общения с героями, страницу за страницей прочитываю драгоценные словесные жемчужины.

Понять внутренний мир человека, донести его до читателя удавалось не каждому писателю. Тем более – мир подростка, душу которого раздирают противоречия. На мой взгляд, это наиболее удалось писателям Сызрани. Внутренний мир их героев – это мир семьи, друзей и мир благодарной памяти о тех, кто окрасил детство теплом домашнего очага, счастья, беззаботной радости и безудержного полёта фантазии. Там нет места предательству, есть преданность и верность другу, милосердие к слабому, снисходительность к бывшему врагу. Этот мир близок каждому, кто прошёл ступень взросления. «Круча» Вячеслава Железнякова – ступень преодоления страха, злобы. Напутствие автора «Никогда не давай отчаянию овладеть тобой. Ищи опору, она в вере в жизнь!» может стать формулой поведения любого из нас в самых сложных ситуациях.

Оглянись, присмотрись, пойми, проживи не только свою жизнь, но и чужую... Именно это хочет посоветовать читателю Николай Овчинников рассказом «Бородино». А читатель сопротивляется, как и герои произведения, «ощетинившиеся» против Мишки. Почему? Так

ведь Мишка не такой, как все, «закрытый, снисходительный, взрослый». В свой мир он никого не впускал, никому не доверял. Просто раньше всех испытал горечь потерь – «у Мишки отец в госпитале умер...». Не так ли и в наших детских коллективах некоторые ребята чувствуют себя чужими! Почему?

Война и дети... Эта тема – главенствующая на страницах произведений Лидии Невской. Невозможно забыть её «Колокольчики», которые «тихо звенели в память об Оле, Соне, Тане и Ване». О силе материнской любви, жертвенности во имя спасения детей читаем мы здесь. Память не даёт нам покоя. И долго ещё снятся мне дети, лишённые детства.

«Картошка» Лидии Невской... Такое обыденное название, а какой глубокий смысл несёт содержание! Хильма, чудом уцелевшая под «целенаправленным обстрелом мирных жителей, ползающих по картофельному полю», становится для нас символом всех человеческих страданий. Ненависть к войне и тем, кто несёт это зло, настолько велика, что хочется выплеснуть её сиюминутно, когда читаешь строки: «Хильма упала прямо у порога. Витя и Катя потащили её на кухню, где трещала буржуйка. По всему коридору из карманов Хильмы сыпалась мёрзлая картошка».

Где граница, отделяющая смелость от трусости? Почему человек может предать даже друга? Что такое страх? Смерть – это страшно, но гораздо страшнее духовная гибель человека. Именно об этом рассказывает Николай Овчинников. «Час сиесты» – это предупреждение человека от ошибок, лишаящих жизненной крепости. «Звал Петька на помощь, наверняка раненный. Стыдно и больно за свою трусость становилось Кириллу... Потом боль душевная, тайная, стала слабеть, а потом и совсем пропала», – пишет автор. И тем горше становится на душе, когда читатель вместе с Петром Юсовым испытывает торжество справедливости. Судьба покарала того, по чьей вине Пётр перенёс годы страданий, плена, издевательств боевиков. «Достиг человек богатства, власти, счастлив ли? Спит ли он спокойно? Ради чего же прожита жизнь?» Эти вопросы сверлят и мой мозг, заставляя ещё раз детально проанализировать каждый шаг героев: почему один, жертвуя жизнью, спас роту, а другой потерял опору? Приходит понимание: война убивает и на расстоянии. Поэтому главное поучение рассказа

прочитывается не только как предупреждение предательства: человек живёт не один; совершая ложный шаг, он губит не только себя, но и тех, с кем связан.

«Давняя история» – не просто рассказ о войне. Это итог размышлений о жизни, о боевом братстве, о смерти, о таком состоянии человека, как депрессия, о карьеризме и подлости. «Первый бой... Из него разные люди выходят по-разному. Одни ожесточаются, другие ломаются. Страх живёт в них постоянно и диктует им правила поведения, определяет их поступки в жизни... Смерть не разбирала, молодой ты или старый, талантливый или глупый. Всех утюжила своим неумолимым катком, вгоняя в землю...» Эти мысли определили поведение Чадюка на войне, который решил любым способом спастись от смерти. Таким способом стало лжесвидетельство против Картушина – честного, храброго и прямолинейного капитана. Как спасти в себе Человека? Ответ на вопрос я нашёл в этом рассказе Н. Овчинникова.

Что особенно ценно для меня в сборнике «Сызранская излучина» – это материал, дающий пищу для размышлений по извечной проблеме отцов и детей. Почему дети становятся эгоистами, потребителями? Почему в одной семье у детей разные взгляды на одни и те же стороны быта? Фёдор Трифонов в рассказе «Отчим» старается затронуть человеческое в человеке, призывает не к наказанию, а к пониманию, к милосердию. Как близок мне нигилизм Натальи, отрицающей всё, что кажется чужим, что не во благо себе. Эгоизм? Да! Когда читаешь это произведение, начинаешь принимать то, что ранее отвергал: родители тоже имеют право на кусочек личного счастья.

«Не утратить связь времён» – эту фразу всё чаще мы слышим в последнее время. А что это значит? Погрузившись в чтение рассказа Валентины Юдиной «Старая пилотка», начинаешь понимать суть высказывания. Сам не раз испытывал чувства, подобные Валькиным и Мишкиным: примерял пилотку своего прадеда. Что чувствовал? «...Ощутил себя солдатом того военного сурового сорок второго года здесь, на зенитной батарее».

Не растерять самое ценное, что есть в человеке, – доброту, милосердие – этой цели подчиняются сюжеты произведений многих авторов: Владимира Рыбалко («Немцы»), Виктора Трошина («Мой друг матрос Степан»)...

Анатолий Ульянов, Олег Портнягин, Вячеслав Харитонов – поэты, чьи стихи я читаю с удовольствием и заучиваю, получив задание к урокам внеклассного чтения по литературе. Лирика обращена напрямую к чувствам читателей. Поэзия очищает, окрыляет, вдохновляет, помогает увидеть прекрасное. Тем не менее прозе отдаю предпочтение. Именно в ней проблема возрождения духовности ставится очень остро.

Талантливые писатели нашего города внесли свою лепту в утверждение совестливости, порядочности, сострадания в обществе, которое утеряло (уверен – на время) эти нравственные ценности. Литературно-художественный альманах «Сызранская излучина» – подтверждение этому факту. Читая сборник, начинаешь понимать, к чему должен стремиться, что обязан пытаться развить в себе, чтобы жизнь не прошла бесцельно.

Вячеслав Харитонов

ДЕТСКИЕ СТУПЕНЬКИ РОСТА

Сборник рассказов Лидии Невской «Шанхайчик» посвящён её воспоминаниям о детстве, проведённом в пятидесятые – шестидесятые годы прошлого века в тогда ещё провинциальном, а ныне довольно заметном промышленном и культурном центре Среднего Поволжья – городе Сызрани. По признанию автора, это завершающая книга трилогии, которой предшествовали сборники автобиографических рассказов «Лидочка» и «Дети бараков».

Кто только из русских и советских писателей от Аксакова и Толстого до Горького и Гайдара, не говоря уж о целой плеяде наших современных авторов, не воздал дань благородной теме детства! Но это в массе своей – классики литературы. Они в меру сил и таланта сумели отразить свою эпоху и собственное участие в ней. А что может сказать наша сравнительно молодая писательница, имя которой ещё не подёрнуто бронзой популярности?

Любопытным достаточно перевернуть обложку третьей книжки со столь интригующим названием и постараться поглубже вникнуть в её содержание. Я уверен, что на читателя повеет неповторимым запахом послевоенной эпохи со всеми тяготами и испытаниями, которые выпали на долю маленькой финской девочки Лиды Ямси, дочки репрессированной по национальному признаку и отбывшей десятилетнюю ссылку в Сибирь мамы Екатерины Ивановны. А ещё лучше – перечитать и предшествующие «Шанхайчику» упомянутые уже книги: «Лидочка» и «Дети бараков». Самым же дотошным читателям рекомендую прочесть книгу «Колокольчики», посвящённую детям блокадного Ленинграда и написанную Лидией Невской по воспоминаниям её матери. Тогда особенно рельефно проступит вся трагическая история этой семьи, откроется во всех нюансах эпоха советского послевоенного периода, усиленная неким финским акцентом.

И тем удивительнее осознавать, что эти репрессированные люди не только не держали обид на страну, доставившую им столько бед и переживаний, но ещё и сохранили при всём этом чистоту своих душ, трудолюбие и любовь к России. Все эти качества они щедро передали своим любознательным и талантливым детям, несмотря на скудные

возможности, бедность и безотцовщину. Растущие в затхлой атмосфере серых бараков, мальчики и девочки тянутся к знаниям, ко всему новому для них и прекрасному. Для Лидочки это не только игры с самодельными игрушками, но и велосипед, пианино, рисование, стихи, балет и, наконец, самодеятельный театр.

Повествование идёт от третьего лица, но автор, пристально всматриваясь в своё прошлое, с удивительной достоверностью вспоминает забавные случаи не только из собственной жизни, но и происшедшие с её подругами и другими окружающими, будь то взрослые или дети. Описываемые события толкают героев книги к рассуждениям, чаще всего по-детски наивным, но по-своему мудрым и оригинальным. Во все времена взрослым трудно было понять детей, встать на уровень их мышления и предугадать их поступки. С той же проблемой сталкиваются дети по отношению к взрослым. Тем-то и интересны рассказы Невской. Например, о том, как Лида с подружкой Валеи мыли земляничным мылом речку Крымзу, узнав о загрязняющих её заводских стоках. Или как с двоюродной сестрой Светой она хоронит в спичечном коробке убитую тётушкой муху и осыпает её могилку лепестками цветущих яблонь, чтобы красиво было. Все вещи интересны для ребёнка. Поэтому с ними запросто можно поговорить. Да и сами предметы, скажем, цинковая ванна, не говоря уж о любимой большой кукле, могут порассуждать о детских поступках, а важный, вечно занятый взрослыми доминошниками или молодёжью с гитарами стол – ощутить себя центром шанхайско-барачной вселенной. Но как бы то ни было, а круг вещей, интересов и привязанностей маленьких героев Невской постоянно расширяется. И жаль, если взрослые, а порой даже и педагоги, не всегда понимают их. Например, учительница русского языка, на уроке которой ученики Лида и Миша изобрели молчаливую игру, заключающуюся в том, как бесформенный рисунок превратить во что-то полезное (рассказ «Закорючки»).

Последовательность рассказов трилогии Невской строится по мере взросления главной героини, т.е. её самой, от момента рождения в «Лидочке» («Синяя птица»), посещения детсада до школы и т. д., что даёт ей возможность показать, как в душе ребёнка формируется творческое начало. Это особенно ярко выразилось в «Шанхайчике»,

где описывается, как и почему рождались её первые стихи, а позднее, когда девочка пыталась выступить в роли режиссёра пьесы-сказки «Принц и нищий» и это у неё не получилось, она сама сочиняет сказку «Два принца», которая приносит долгожданный успех. И вполне логично, что завершается «Шанхайчик» рассказом о доморощенном концерте, в котором активно участвуют под руководством Лиды все её сверстники, а взрослые показывают свою неподдельную заинтересованность в детской самодеятельности. Так что воспитательное воздействие этой книги, как и трилогии в целом, несомненно, с чем и хочется от всей души поздравить автора и пожелать ей новых творческих успехов.

... Лишь мгновенья нам для любви и радости даны

Надежда Алексеева

СТОРОНКА

Забубённая наша сторонка:
Ивы, рощи, поля, тополя.
Ты не яркая вовсе, не звонкая,
Наша тихая чудо земля.

По полям твоим ветры рыщут,
И метели сбивают с ног.
И кого-то всё ищут, ищут
Сотни непроходимых дорог.

Словно пьяная, улица вьётся,
И дома, скособоچась, стоят.
Вдаль застольная песня несётся,
Провожая в солдаты ребят.

Здесь тоска, словно брага, крепчала,
Долю эту – её не продать.
Эх, в тумане не видно начала,
И конца этих дней не видать!

Снова в сумерках улица вьётся,
Снова мокнет в дожди палисад...
Снова бабы стоят у колодца
И тоскливо на небо глядят...

РУССКАЯ ДУША

Холодный ветер – хуже не бывает –
Природа стонет, мир вокруг круша...
Кого-то до сих пор ещё смущает
Загадочная русская душа...

Мы отдаём себя своим любимым,
Оберегая их. На первый взгляд,
Мы кажемся порою нелюдимы,
Но в этом резкий климат виноват.

Когда б мы проживали в кущах райских
И на песочке грели животы,
Тогда б в избытке все дарили ласки,
В венки свивая яркие цветы.

Нас обвиняют в немощи и лени,
Но на огромной площади страны
Зима стоит полгода, лишь мгновенья
Нам для любви и радости даны.

Но тем прочней, ценнее наши чувства,
Их не сотрут ни годы, ни беда.
Ведь жизнь сама дарует нам искусство
Хранить любовь в любые холода.

ТИМЬЯН

Э. Анашкину

Холмы, поросшие тимьяном.
В туманной дымке города.
Там, над Елшанкой, мостик пьяный,
Под ним – прозрачная вода.

Напой мне, родина, как прежде,
Простую песню про любовь.
Страну весны, страну надежды
В тебе хочу я видеть вновь.

Напой мне, родина, о доме
Хотя б во сне, во мгле ночей.
Пусть дом давно уже под сломом
И сад теперь уже ничей.

На пустыре обид вчерашних,
Забытых истин и тревог
Живу я, ветром затерявшись
В плену просёлочных дорог,

Где, как за пазухой Господней, –
Моей надежды талисман –
В полях звездою путеводной
Цветёт обветренный тимьян...

Цветёт тимьян, бесстрашный житель,
Подставив Солнцу нежный лик...
Благодаря тебя, Спаситель,
За каждый день, за каждый миг.

Над Усольем огни, огни...
Вся в сугробах ночная Русь.
Я и небо— одни, одни,
Только нежность и только грусть...
Всюду— словно заснеженный рай,
Облака— золотые следы...
Словно вышел святой Николай
К парку возле замёрзшей воды.
И такой в небесах покой,
И такая в них благодать!
Мне бы в небе сиять звездой,
Мне бы снегом в полях лежать...
Мне б постигнуть святую суть
Той Божественной тишины...
Дым из труб, словно Млечный Путь.
От зимы тот путь до весны...

И снова манит теплая Уса,
Где ивы распустили паруса,
Где сосны головами в вышине
Качают, будто радуются мне.

И будто снова мы с тобой вдвоём,
И впереди у нас такой простор!
Между деревьев тропкою идём,
И обнимает нас Муранский бор.

Всё это было много лет назад,
Но только было словно не со мной...
Всё те же сосны надо мной шумят,
Всё то же солнце светит над Усой.

Меняются даты в мерцании лет

Александр Воронцов

ЧЕМОДАН

Я на третьей, на багажной, полке
Столько вёрст проехал, что не счесть!
На меня косилась тётка волком –
Это я тогда считал за честь.

Опасайся юного жигана.
Хорошо, что мы – не визави.
И под нижней полкой чемоданы
Поплотнее телом придави!

Что твои узлы и что в них шмотки?
Мы с тобой – гад буду! – не враги,
Лучше ты, увесистая тётка,
Дочку от меня побереги!

Вижу, что моя шальная чёлка
Сводит красавицу с ума.
Коль сойдёт со мной твоя девчонка –
Чемодан прихватит свой сама!

ОБЕЩАНИЕ

Нагадала мне цыганка:
– Будешь жить до самой смерти!
Метко сказано злодейкой:
До сих пор ещё живой!
Пролетели полустанки
В непрерывной круговерти,
И теперь я на скамейке –
Самый лучший запасной!

Если вызовут на поле,
Я, конечно, поиграю:
Силы есть ещё чуточек –
За победу всё отдам!
Ну а если в сердце боли –
В раздевалку поканаю,
Оглянусь ещё разочек
На трибуны я, а там...

Позовут ли снова? Вряд ли!
Нет назад оттуда хода.
Что дадут там? Мёд ли, яд ли?
Да какая будет мода!
И в какой поставят склянке?..
Но в плохое вы не верьте,
Ведь обещано цыганкой:
Буду жить до самой смерти!!!

А ЕСЛИ?

А если рядом – вдохновенье?!
А если рядом – красота?!
А за окошком – день весенний,
Где неба синь и высота?!

А если рядом – ожиданье
Стихов и песен, и всего?!
О, Боже, хватит ли дыханья
И стука сердца моего?!

А! Будь что будет! Что тут скажешь?
Ведь жизнь всегда – борьба стихий...
Держись, поэт! Костями пусть ляжешь,
Но выдай лучшие стихи!!

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

От жары и от гроз
Сердцу много ли толку?
Вот метель, вот мороз –
Это детства осколки!

Это зайцев следы
И сугробов громады –
Ух, запасы воды!..
Ну а что ещё надо?

В сенцах – лыжи в углу,
Шуба сохнет на печке,
Полуночную мглу
Гладит пламя от свечки.

В полутьме образа,
За окном ветер свищет...
И зачем нам гроза,
И зачем нам жарища?

Не сошёл ли с ума?
Непонятное дело.
Я промолвил: «Зима!»
А в душе – потеплело!

НАД РЕКОЙ*Певце*

Ну зачем тебе ветер? Не надобно:
Ты пушинкой сама полетишь,
Только жизни корявые надолбы
Никогда не мешали бы лишь.

Вся весёлая, бойкая, статная,
Жаворонком зальёшься с небес,
Пролетишь мимо облака ватного,
А внизу – луг, и поле, и лес,

И на старенькой крашеной пристани
Кто-то машет и машет рукой.
Ты узнаешь, взглядишь только пристальной:
Это – я над великой рекой.

ПОСМОТРИ

Посмотри в Украину, как в зеркало.
Что увидел? Кто там пред тобой?
Видишь – чьи-то глаза озлоблены,
Видишь – чьи-то глаза растеряны,
Видишь – чьи-то глаза напуганы.
Понимаешь, чьи это глаза?
Посмотри в Украину, как в зеркало,
И к гадалке не надо ходить!

КОГДА-ТО

Меняются даты
В мерцании лет...
Что было когда-то,
Того уже – нет.

Прошли бесенята –
Обугленный след.
Когда-то! Когда-то...
Теперь уже – нет.

Для всех супостатов
Готов был ответ
Когда-то, когда-то...
Теперь уже – нет.

Находки, утраты,
Улыбки и боль...
Когда-то! Когда-то...
Всё нынче – под ноль!

Чужаки не любили меня,
А теперь невзлюбили родные,
Заявляют мне день ото дня:
– Вы плохие – все те, кто в России!

Ну, откуда взялась эта блажь,
Братаны, что, поехала крыша?
Я же весь от рождения ваш,
Отчего же чужие вам ближе?

Я ли вас не поил, не кормил?
И пахать помогал вам и строить...
А в ответ: «Ты нам больше не мил,
Ничего твоя помощь не стоит!

Позовём на подмогу иных,
Будем строить хоромы красивей!
Нам не надо просторов твоих,
Пропадай со своею Россией!»

Тут вползает мыслишка-змея...
Посмотрела в глаза мне, спросила:
«А зачем тебе эта Земля,
На которой нет места России?»

Дарю стихи прохожим, как цветы

Сагидаш Зулкарнаева

СТЕПЬ

Всей душою принимаю
Край ромашковых полей.
Речи речки понимаю,
Слышу песни тополей.
Брякнет конная уздечка,
Крикнет птица в камышах,
И сорвётся от крылечка
В даль бескрайнюю душа,
Где пестрят цветы степные
И в прозрачной синеве
Бродят кони вороные
По нескошенной траве,
Где вода шлифует камни,
Ветер точит небеса,
И веков седая память
Спит в ковыльных волосах.

РАССВЕТ

С рассветом небо встало на крыло
И полетело мимо глади окон.
Пойду проведать речку за село,
В шаль обернувшись, будто в белый кокон.
Похоже, жарким будет новый день –
Проснулось солнце рано с петухами.
Повесил ветер плётку на плетень
И завалился спать под лопухами.

Где ты, лето? Отгорело.
Лист крошится на ладони...
Сыплет дождик то и дело,
Леденит вода в бидоне.
Утро, осенью боля,
Жадно пьёт из лужи небо.
На траве двора белеет,
Спит, свернувшись, старый невод.
Спит в собачьей будке ветер –
Завывал в трубе всю ночь он.
Завтра иней на рассвете
Всю округу оторочит.
Злая выюга, сатаня,
Заметёт дорогу снегом,
Небеса окаменеют.
Печь затопим.
Будем
жить...

ВЫХОД

Я не пропала. Я на дно упала,
Как ливень, что сорвался с высоты.
И здесь живу среди степного тала,
Дарю стихи проходим, как цветы.

Но, не коснувшись дна, не выйти к свету.
Беру сколь дали ноши – не ропщу.
И в каждом дне, и в каждом сне ответы,
И в каждой двери выход я ищу.

Тихий вечер толкаю, как глыбу,
От себя к направлению ночи.
Ветер чистит деревья, как рыбу,
Раз в году – монотонно и точно.
И летит обречённо отвесно
То ли просто листва, то ли время...
Воздух полнится грустью небесной,
Улетает крылатое племя.
Отворив к вдохновенью калитку,
Заполняю осенний листочек.
Поползли запятые-улитки
По странице средь гравия точек.

Кровь степная в жилах – степи от порога,
Сердцем принимаю соль и боль села.
Не сойти с дороги, если ты – дорога,
Не попасть под стрелы, если ты – стрела.

Мне не надо моря и не надо лета,
Здесь живу открыто, душу не тая.
И на крае Света есть соломка света,
На которой можно твёрдо устоять.

Божий свет над деревней потух,
Скот не кормлен, и нивы не сжаты.
И от голода даже петух
Не поёт, а ругается матом.

Перечёркнуты окна в домах,
В небеса перекошены двери.
Пустотою полны закрома,
А сердца – беспросветным безверьем.

Лёд не тает, летает снежок...
Но запахло весною погожей.
Надо б только от края шажок,
Дальше – легче. Дай силы нам, Боже.

Куда идти? Дороги скисли.
Всё больше тьмы, всё меньше света.
Я ничего порой не смыслю
В организации планеты.

Не оттого, что дальше стала
От окружающего мира,
А оттого, что заплутала,
Утратив дней ориентиры.

Вот-вот предательски завьётся
Змейй дорога подо мною.
И всё вокруг перевернётся,
И обернётся мир войною.

Луч Божьей силы слаб и тонок,
И оттого дышать мне нечем.
В двуногом стаде человечьем
Я потерялась как ягнёнок.

По крутицам добро соберу*Андрей Иванов***СЧАСТЬЕ**

Без причин навалилось ненастье,
Разразилось внезапной грозой.
Глупы мысли о призрачном счастье
В повседневной рутине земной.
Будет или не будет – не знаю,
Не об этом болит голова.
Пожинаю плоды наказания:
Это – жизнь, что извечно права.
Наше счастье подобно химерам –
Невозможно в понятия облечь.
От глубинных времён староверов
Сути счастья донесёшь не извлечёшь.
Многогранно и необъяснимо –
Повергает в терзання порой.
Хрупко, нежно, внезапно, ранимо –
Вдруг накроет безумной волной.

И, пытаясь поймать мимолётность,
Гоним в дальние дали баркас,
В поднебесье летим окрыленно...
Ну а счастье... Оно – возле нас.

НАРОД

Челны выходят, огибая
Лесистый мыс среди реки...
Судьба разбойника простая –
Стреляй, кричи, хватай, беги.
Свободу воли воспевая,
В сердцах холопов и крестьян,
Во всём на случай уповая,
Бунтарский дух возжёт Степан.
Наш русский бунт ужасен ликом,
Исконно страшен и жесток,
Порой от искры невеликой
Горят и Запад и Восток.
Деревни сплошь повозгорали.
Народ безвластия вкусил.
И вот к обещанному раю
Рванулся он, что было сил.
Мы осуждать людей не вправе,
У нас всегда, когда ни глянь,
Свои же то горды во славе,
То сыплют площадную брань.

Не прощаясь в дверях, уходите!
Даже слыша мой сдавленный стон.
Измождённой души не щадите,
Что навечно вы взяли в полон.
Мимолётное счастье негромко
Обернулось пустым миражом.
И повсюду обрывки, обломки,
И любовь отдаёт грабежом...

...Слава Богу, ведь счастье-то было!
Испытанье любовью – бедой.
Растворилась вдали и забыла
Про любовь, что считал я судьбой.

Равнодушен я к славе, не скрою.
По крупичам добро соберу.
Хорошо быть колодцем с водою,
Из которого пьют поутру.
Не судите, судимые, строго.
Я и сам-то прозренью не рад:
Краток путь от земли и до Бога,
Наступила раздумий пора.
Верю, надо слегка измениться.
Чувства пылкою рифмой возжечь?
С нищим хлебом земным поделиться,
Чтоб прозрачною сделалась речь!
Неслучайно богатство, всевластье –
Испытанье людей испокон.
Мне б не видеть чужого несчастья,
Жизнь пустышкой ставя на кон.
Различить где гордыня, где гордость,
Перед сильными шапки не мять.
И смиренную тихую кротость
Попытаться в себе воспитать...

И кто нам, русским, вновь мешает
В стремленье нашем в высоту?..
И кто нас, русских, побуждает
Брать высоту опять не ту?
Нам русский мир веками снился,
Чтоб просыпались, как один.
Чтоб лику нашему дивился
Любой заезжий господин.

Бывало, удивлялись сами
Тому, что можем так взлетать –
Так высоко над небесами,
Что словом не всегда сказать...
Купцы, дворяне и крестьяне –
Отчизны праведной сыны –
Порой искали в ней изъяны.
Мы в вольнодумстве, ой, сильны!
Но свято Родину любили
И вольнодумцы, и цари.
И в меру сил её крепили –
Уж как умели, как могли!
Мы за Россию умирали...
Престол повергнув... Купола
На красный флаг мы поменяли –
Мечте в угоду, не со зла...
...И вновь твердим слова поэта:
«Россия вспрянет ото сна...»,
Мы путь опять ведём ко свету
И через эти времена!

Промчались годы... Осенью дождливой,
Верна себе, пробила седина.
Промчалась наша молодость крикливо :
Увы, крикливость – не её вина.
Остались лёгкий флёр воспоминаний,
Гитарных струн неровный перебор...
А в прошлом – годы странствий и скитаний,
Куда рвались судьбе наперекор?
Мы думали, нас на столетья хватит!
Согнуть нельзя – лишь только поломать.
А наши души? Их с какой же стати
На суетную мелочность менять?..

Ясным солнышком слово сияет*Татьяна Коковина***ДОЖДЬ**

Воздух застывший тяжёл и недвижим,
И в наступившей глухой тишине
Носятся слепни, стрекозы всё ниже,
Плачут кузнечики в колкой стерне.
Ветер внезапный отечески треплет
Пышных деревьев тугую листву.
Дикие яблоки бьются о землю,
Грезит природа дождём наяву.
Слышу вдали громовые раскаты.
Детские страхи припомнились мне.
Крупно, напористо дождик покатый
С треском ударил по стойкой стерне.
Молний блескучих дневные стожары.
Гром нарастает калёной струной.
Он, громыхая, грозился недаром –
В гости пожаловал дождь проливной!

Ясным солнышком слово сияет,
В нём заложена жизни основа.
Мой великий народ понимает
Силу мудрого слова живого.
Чутким стоном, серебряным звоном
Слово-солнце над Русью сияет.
Не гордясь своим царственным тронном,
Нас по-царски лучом обласкает.
Наше русское слово призывно
Ко всему, что согрето любовью.
И звучит императорским гимном,
Не внимая чужому злословью.

Лука Самарская! Красой похвастай!
Тебя дочерним взглядом обниму!
Прости меня, беглянку, что нечасто
В твоём гощу зелёном терему.
А время здесь течёт неторопливо,
Как Волга, что свою являя стать,
Весь мир обнять способна молчаливо,
Как добрая и ласковая мать.
Ласкает горы голубая Волга!
Самарская Лука к себе влечёт.
И в травах молодых кузнечик звонко
Всем счастье в упоении куёт.

Кто в берёзовой роще однажды бывал,
Тот особую праздничность знает.
Есть особого света заветный накал,
Если рядом берёзы сияют.

Вырастали берёзы вдоль русских дорог –
От провинций до самой столицы,
Чтобы русский народ заблудиться не смог
В тёмном мире, где гасли зарницы.
Золочёной серёжкой берёза блеснёт,
Малахитовым платьем играя...
И закату назло воссияет восход
В двух шагах от небесного рая.

Маршрут автобусный с названием «Липяги».
На нём я словно возвращаюсь в детство –
Туда, где перелив родной реки,
Где край отцов, доставшийся в наследство.
Речушка окаймляет берега,
Здесь милый дом отеческий тесовый
Построен так добротнo, на века,
Что с домом посоперничает новым.
Вновь запах лип ласкает мне лицо,
А дом хранит моё родное имя,
Он на приезжих не скрипит крыльцом,
А удивляет ставнями резными.
Маршрут автобусный с названием «Липяги»...
Народ на Волге завсегда речистый.
Любимые волжане-земляки
Обречены сюда душой стремиться.

Мелодией сердца рождаются строчки

Людмила Косарева

ДЕРЕВНИ

Умирают деревни, как люди,
Что трудились с зари до зари.
Греет солнце их земли и будит,
Но лихое безлюдье царит

Там, где раньше поля колосились,
Где наградой был урожай.
Люди с прежнею жизнью простились.
Каждый сам, как жить дальше, решай.

Где же пашни? Репейник, крапива...
Пересох родников разговор...
Точно пёс, воев ветер тоскливо.
В заколоченных избах – укор...

БЛАГОДАТЬ

В лучах – живая графика ветвей,
Готовых распуститься благодарно...
Сияй, апрель, хрустально-лучезарный,
Яви на холст лазурь души своей!

А в нотную незримую тетрадь
Пролей все птичьи переливы хора
И нежный звон колоколов собора –
Пасхальную всю эту благодать.

С ВЕСНОЙ

Весна, светясь, нашла опять Россию,
Высокими лучами обняла.
И дымкой занялась зелёно-синей...
Боль обнажила или уняла?

А над рекой, светлы и непорочны, –
Жива душа! – берёзы в вышине.
И в этот миг мне грезится: всё прочно
И в мире, и в порушенной стране...

Чарует миг – и краткий он, и вечный,
Весенний, посетивший Жигули,
Где от живой от были человечьей
Сберечь хоть что-то граждане смогли.

Не зря тебя краса не покидала,
Моя земля с названьем древним Русь.
Воспрянь с весной, дающей сил немало,
Всей сутью воскресай, как Иисус!..

НАЧАЛО

Есть мгновенья хрустальные в жизни моей...
Благодарным окину их взглядом.
Во дворе – цвет сирени и дух тополей.
Дом... В округе он славился садом.

Жизни только начало... Со всеми – в ладу.
Прикоснусь к тем забавам – вот сладость.
И с волненьем в груди весь наш дом обойду,
Но засветится грусть, а не радость.

...Мне б родных старичков повидать без затей
В палисаде, где вишни цветенье.
Там с душевным радушьем встречали гостей,
И душа обретала спасенье.

...На высоком крыльце напевала гармонь.
И под стук поездов вечерами
Боль она изливала уставших от войн,
Звуки вальсов владели сердцами...

Их всё больше – почивших, входящих во сне
Из иного, далекого мира.
И безмолвно молясь о тебе, обо мне,
Нас хранят. Тихо пой о них, лира...

РОССИЯ

Ты – святая и грешная –
Вновь на хлётком ветру.
С чьей идеей нездешней
Ты живёшь на юру?

Хватит солнца и сини,
Хватит древу корней.
И не надо, Россия,
Нам нездешних идей!

СНЕГ

Замедли свой по жизни бег:
С небес живой слетает снег,
Скользит, связуя вышину
И сонных улиц тишину.
Идёт он мягко, не дыша,
И отворяется душа
На этот чистый, белый свет
Без злобы дня и прозы лет.
В нём холод, млечность, торжество
И чудо детства – волшебство...

Летит, искрясь, в России снег...
И замер чуткий человек:
Заворожил своей красой
Непрочный снег, полуземной...
Летит, летит, летит с небес
Он зимней сказкою чудес.
Скользит под древнею луной.
Летит безмолвно над страной...

И укрепляется во мне
Надежда в белой тишине,
Что возрождается страна,
Сердцами чистыми полна.

Волнение особое вновь обнимает.
И вся суета – позади.
Послушайте, люди, у вас так бывает:
Рифмуется что-то в груди?
Игра ли, работа – всё хочешь и словом,
И рифмой, и ритмом связать.
Иллюзия? Суть ли? Старо или ново?
Но сердцу несёт благодать.
Чтоб чувство и слово вас тронули, люди,
Должна потрудиться душа.
Сомнения оставим, о бренном забудем,
Заветным листочком шурша.
А музыка слова опять неурочно
Тебя забирает в полон.
Мелодией сердца рождаются строчки,
Весь мир ими вновь окрылён!

Как просто сделать женщину счастливой!

Ольга Полухина

Непогодю жухлой осенней
Навалилась нежданная грусть...
Пусть звучит старомодною песней.
Я по юности лучше пройдусь!
Я пройдусь по пустынным аллеям
И под кронами древ вековых,
О прошедшей любви пожалею,
Что ударила прямо под дых...
Не скулила, как песня, протяжно
Молодая, с горчинкой, любовь.
А наотмашь и так беспощадно
Душу мне издубасила в кровь.
Чтоб о большем мечтать я не смела,
Чтоб сложила, как птица, крыла...
Но успеха в том не возымела
И ни с чем восвояси ушла.

В Рождественскую ночь случится чудо
Который год, который век подряд,
Когда мы ощущаем – отовсюду
На нас глаза Спасителя глядят.
Его рождение предсказали звёзды,
Ну а волхвы поведали о том,
Пройдя с благою этой вестью вёрсты...
Пусть эта весть заходит в каждый дом.
Увы! Венец терновый уготован
Тому, Кто в мир пришёл, спасая нас.
На муки будет Он к кресту прикован,
Когда настанет этот скорбный час.
Ну а пока Божественные дали
Он открывает людям на земле...
Божественного детства изначалье
Мы отмечаем снова в январе.

На первозданно чистый снег
Листва угасшая упала.
Чудесный горностаев мех
Лёг патриаршим покрывалом.
О, неприкаянность земли
В России сумрачно суровой!..
Монаршие меха легли
На плечи города родного.
Мех горностаевый ловлю
Слегка озябшими губами...
И снова верю и люблю.
Под голубыми небесами.

Бессонница, зачем терзаешь душу?
Полуночную исповедь послушай...
Всё расскажу и ничего не скрою
Я, нынче откровенная с тобою.

Зачем меня терзать, скажи на милость?
Пусть чаемого счастья не случилось!
Судьба с насмешкой счастье посулила,
Но знаешь ведь – оно возможно было!
Один лишь миг, один лишь шаг до счастья...
Не надо мне сочувствия, участия,
Что не сложилось у меня однажды –
Кому ни лень, пусть обсуждает каждый!
Но ты-то знаешь, ты, моя подруга,
Я не уйду из замкнутого круга,
Чужого счастья не ищу на свете,
Хоть собственное мне давно не светит!
Я ничего, бессонница, не скрою
И исповедью душу успокою.
Ведь всё, что я страданьем оплатила,
В моей судьбе однажды было, было.

Столица, милая столица,
Что стало, бедная, с тобой?
Куда людская прорва мчится
И на земле и под землёй?
Опутанная сплошь рекламой,
Какой паук тебя пленил?
Ты ведь была свободной самой,
Была мерилom всех мерил.
Мздоимство, подлость, показуха.
Ты сплошь отравлена враньём.
Здесь русским и не пахнет духом.
Засижен купол вороньём.
Где та священная молитва
От скверны чуждых нам идей?
И где она, святая битва
За души падшие людей?
Спаси мою Россию, Боже,
Раз больше некому спасать!..

Москва, пусть Бог тебе поможет
Из пепла алчности восстать!
Не позлащёнными крестами
На новомодных куполах –
Восстать похожими на пламя
Рубахами на мужиках.
Да сгинет прочь эпоха хамов!
Спасёмся от чужих идей
Тем православным русским храмом,
Что выстроим в душе своей.

А солнце утром распахнуло крылья,
Мир заливая ласковым теплом...
И отступило от души бессилье,
И снег смелó весёлым ветерком...
Согрелось солнце, словно кот на крыше,
Который самый рыжий из котов.
Деревья становились выше, выше,
Верхушками касаясь облаков.
Мне кудри разметал сквозняк беспечный:
«Довольно спать! Весёлый май встречай!»
И обещаньем самой главной встречи
Вдруг как будильник зазвенел трамвай.

Как просто сделать женщину счастливой!
Всего-то лишь – любить её одну.
И называть единственно красивой,
И подарить покой и тишину.
Ей не нужны закаты и рассветы,
И целый мир с охапкою цветов,
Когда вы вдруг забудете при этом
Признание из трёх волшебных слов...

Нам бы взять уроки совести...

Александр Тимаков

ЧЕГЕМ

Минуя ущелья, теснины,
Стремится поток на простор.
А мы оседлали машины
И мчимся в долину средь гор,
Где ветры живут постоянно,
Нас манят с тобою в полёт.
Расправить свои парaplаны
Чегемское небо зовёт.

Нигде не найдёте на свете
Вы видов таких и красот,
Когда набегающий ветер
Крыло на руках понесёт.
Оставим в долине проблемы,
На старт поднимайся скорей!
Высокое небо Чегема
Встречает своих сыновей.

Дано нам увидеть немало
Реальной дорогой орлов:
Отвесные серые скалы
Под шапкой седых облаков,
Прекрасный Эльбрус одинокий
В сиянии вечных снегов,
И ленту знакомой дороги,
Вплетённую в зелень лугов.

И только взлетевший однажды
На всё в этой жизни готов,
Причисленный к лику отважных,
Красивых и дерзких богов.

Не надобно зрелищ и хлеба,
Намного нужней, чем вода,
Чегема высокое небо.
С тобою оно навсегда...

НАДРЫВ

Сожравши всю соль, что хотела просыпаться в драме,
Давно ошалевши от с неба струящихся вод,
Как тот мотылек, что пришпилен иголкой к раме,
Бесславно и тщетно встречаю промозглый восход.

И тень на плетень не наводит дневное светило,
И краскою дождь обесцветил листовую медь.
Я снова мотаюсь по жизни меж «будет» и «было»,
Забыв, что когда-то настанет ещё «умереть»...

В фаворе не нынче. Себя поднимаю я на смех.
Как водки хвативши, бредёт-спотыкается речь,
Ложатся катрены поленицей, собранной наспех,
И даже солярой сырые дрова не разжечь!

Распутица мыслей смешалась с грязью природной.
И мысли пропали, как крысы ушли с корабля,
Что черпает носом и тонет в пучине холодной,
А вместо Надежды – жердина, верёвка, петля...

Но в вялотекущем надрыве доносятся стуки –
Оркестр мусолит Шопена харонную нить:
То комы по крышке стучат. Что за чудные звуки!
Я простыни мокрые рву. И встаю, чтобы жить!

КАМУШКИ

Самоцветы жизни время сосчитало,
Лишь осталось малость, так пока живу.
Ниточка порвалась, камни разбросало
Понемногу в речку, печку и траву.

Там, в реке, под кручей есть глубокий омут,
Даже не пытайся – не достать до дна.
А в реке-речушке камни быстро тонут,
Да вода-водица больно холодна!

Разгорелась топка, ничего не скажешь.
Не достать обратно камни из печи:
Этот раскололся, тот покрылся сажей,
Да рука не держит – больно горячи!

Из травы душистой самоцвет достану,
Чистый да блестящий – любо посмотреть!
Хоть сейчас на нитку камень без изьяну,
Только набралось их – дай-то Бог – на треть...

А судьба всё так же бусы обрывает,
Да живём, покуда время не пришло.
Много нас по жизни камни собирает,
Грустное, ребята, это ремесло!

В ДОРОГЕ

На нижней полке старого купе
Невыносимо жаркой ночью поздней
Я, лёжа на спине, смотрел на звёзды,
Подобные сверкающей крупе.

Их Всемогущий обронил Творец,
Работая над миром этим тленным.
Раскручивая землю во Вселенной,
Забыл закрыть волшебный свой ларец.

Рассыпанные в звёздной вышине,
Из недоступной исчисленью дали
Они меня к себе беззвучно звали,
Рождая мысли разные во мне.

И этих звёзд неброская краса
Лишь вызывала чувство сожаленья
О том, что мы в минуты вдохновенья
Так редко смотрим ночью в небеса...

А звёздной полусферы Млечный Путь
Опять торил тропу на небосводе,
И вечная гармония в природе
Давала грешным людям отдохнуть...

ГАДАЛКА

А жизнь идёт. Закон природы
Тасует карты: нечет – чёт.
А из растрёпанной колоды
Опять судьба не то сдаёт.

Остановиться бы на месте,
Погоревать о пустяках!
Но знаю: если козырь крести –
Не остаюсь я в дураках.

И сколько б ни было злосчастий,
Случайно или неспроста,
Всегда защитой от напастей
Мне будут крести – знак Христа...

Так нагадала мне бабуся
В дни достопамятных времён,
Что всё смогу, всего добьюсь я,
Коль крести выпали на кон.

В наш век мы редко верим чуду,
Но до последнего гвоздя
Тебе безмерно верить буду,
Гадалка – бабушка моя!

Анатолий Улунов

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Не знаю почему, но меня всегда как-то по-особому радовала Масленица. Вернее – это я сам ей радовался. Причём с детства. Не какому-то другому празднику, а именно – Масленице.

Может быть, потому, что не требовала она никаких особых приготовлений. Были бы блины, ну и что к ним полагается, в смысле – масло. А дальше – веселье!

Веселье особое – на площади, с обязательным шестом и призами на нём, с разудальными тройками и песенниками, разнаряженными и краснощёкими...

В воздухе – весна и капель. Снег рыхлый, словно выткан слезой, умильно беззащитный и лишь слегка прохладный. Из такого снега хорошо лепить снежную бабу.

Люди вокруг веселы и взаимоприветливы. Песни – удалые, захватские и душеприемлимые.

На шесте – гармошка, и обязательно – сапоги. Это уже сейчас на нём – пакеты с сотовыми телефонами и тому подобными современными изысками, но гармошка остаётся символом веселья и праздника. Праздника души. А также – былинной силы и удали.

Я совсем недавно понял, что веселье это стало таким лёгким и желанным ещё и потому, что Масленица всегда сочетается с прошённым воскресеньем. То, что это очень гармонично и так необходимо, в первую очередь для души, я в полной мере ощутил на себе.

Так уж случилось, что в этом году первые дни марта выдались для меня и моих близких непростыми, несмотря на общий праздничный настрой и приход весны. Сказывались усталость и общее напряжение. И вот – воскресенье. Самые обычные слова взаимного прощения неожиданно, по крайней мере для меня, возымели своё благодатное значение. После них как будто тяжкий груз свалился с плеч.

Всё-таки какой же глубинный смысл заложен в этом празднике и самом обряде – обычае взаимного очищения душ! Насколько же прозорливы и мудры были наши предки, коль сохранили его через века и потрясения!

Да и не только этот обычай и праздник, но и многое, с ними связанное... Невольно задумываешься над тем, что во всём этом заложены высшие ценности, особый смысл, а может быть, даже и высший разум. А если так, значит, он есть, коли сохранились и доселе его проявления. В крайнем случае существовал и выкристаллизовывался высший разум в духовных и нравственных ценностях. Так вот с этого-то, может быть, и начиналась сама вера в него?

– Бабушка, а правда, что наш дед не верит в Бога? – пытливый детский взор голубоглазого вопрошал и ждал правдивого ответа.

Судя по тому, что бабушка не ответила сразу, наверное, непростое это дело – объяснить ребёнку многое в нашей жизни.

– Почему ты так решила?

– Ну, он же не молится и в церковь не ходит...

...Я слышу этот разговор, невольно загаив дыхание, сражённый наповал детской непосредственностью и в то же время недетской озабоченностью. Интересно, каков же будет ответ. Как бабушка сумеет объяснить эту устоявшуюся дедовскую строптивость. Надо же: дед, а не верит в Бога! Ребёнок сделал это умозаключение из обрывков услышанных разговоров взрослых и их поступков.

Вот тебе и четыре года! Всё они видят, слышат и задают вопросы. Себе и взрослым. Попробуй на них ответить, причём искренне, по крайней мере так, чтобы тебе поверили. Вера так и приходит:

с ранних лет, с молоком матери впитывается. Безверье, кстати, – тоже. Может быть, я и не могу искренне убедить себя и окружающих в приверженности к вере именно потому, что вот в таком же возрасте воспитывался в другом мировоззрении. Воспитывался искренне, почти фанатично, что особенно страшно... В том мировоззрении были свои идеалы, принципы, устои. Они, между прочим, очень перекликаются в своей основе с высшими идеалами нашего бытия. В то же время категорически отрицая существование этого высшего начала. Вот поэтому-то я и не могу полностью отказаться от взращённого в себе. Взращённого безверья. И веры. Хотя, может быть, именно для веры и имею очень много оснований по жизни.

...Итум-Кале – населённый пункт на юге Чечни. Вернее сказать, на самой южной её окраине, расположенный высоко в горах, настолько высоко, что сколько бы раз мне ни доводилось бывать в тех местах, я ни разу не видел здесь птиц. Наверное, не климат им в этих местах, слишком высоко и неудобно.

Южнее, за горами, Грузия... Горные тропы – пути снабжения и отхода бандформирований. Потому-то наши войска и стоят здесь, дабы пресечь эти каналы подпитки террористов... Войска расположены лагерем в постоянной боеготовности, разбросаны по перевалам и отрогам гор...

Январь. Лютый холод, шквальный ветер, снежные заносы – обычное в этих местах явление. Добраться сюда, равно как и выбраться отсюда в это время года можно лишь с превеликим трудом. Даже на вертолёте. Порой именно на вертолёте и бывает затруднительно, а то и невозможно.

...На этот раз именно так и случилось... С утра ничто не предвещало изменений в метеоусловиях. Морозная погода, туман, но это как и всегда, ничего особенного. Добрались без приключений, вертолётчики – ребята бывалые, хотя и молодые по возрасту, но опытные. С предельно допустимым разрешением высоты полёта. В смысле – с максимальным разрешением на бреющий полёт, что позволяет проводить вылеты в туман, да и не только. Надёжные, одним словом.

Со мной, как обычно, несколько человек главных медицинских специалистов для оценки складывающейся обстановки и принятия решений на месте.

Собирались обернуться одним днём, потому как назревали кульминационные события в Грозном, бои за который вошли в затяжную фазу, и для кардинального изменения ситуации планировалась особая операция. В этой связи руководители служб и управлений должны были находиться на своих местах в штабе Объединённой группировки войск. Разрешались лишь кратковременные вылеты в войска.

Ближе к обеду поднялся шквалистый ветер, строптивость которого нарастала буквально на глазах. Явный предвестник возможной бури... Лётчики забеспокоились. Высокогорье, особой высоты для полёта не наберёшь, может наступить обледенение винтов, и тогда трагедия неотвратима. По ущельям можно лететь только в безветренную погоду и то с опаской. Теснины, одним словом. Размах винта не позволяет разгуляться, а подняться выше – опасность обледенения винтов, затем – остановка двигателя. Чем это грозит, понятно каждому. Спланировать и совершить посадку на вертолёте невозможно... Далее – непоправимое...

– Товарищ полковник, предлагаю переждать непогоду здесь. Что-то мне всё это не нравится, – командир вертолёта озабоченно смотрел на стремительно проплывающие облака, до которых здесь, на высоте, казалось, можно дотянуться рукой. – Мороз да усиливающийся ветер – это довольно опасно. Может быть, заночуем, а?

В другой обстановке эти аргументы, конечно же, были бы бесспорны, я отчётливо это представлял, но только не сегодня. Сам застрял, да ещё и вертолёт заблокировал в горах... Этого допустить никак нельзя...

– А если прямо сейчас взлетим, пока совсем не разгулялся ветер, должны проскочить, как думаешь? – обращаюсь с надеждой к лётчику.

– Должны-то должны, а там уж как получится, вернее, как Бог даст. Летим, что ли? – уже совсем без субординационных заморочек лётчик, сутулясь больше обычного, пошёл к вертолёту, не дожидаясь ответа.

У меня заныло под ложечкой... Мысли и чувства пошли вскачь...

Через пять минут вся наша команда военных медиков, ёжась от ветра и холода, расселась внутри заиндевевшего судна... Разговоры не вязались, все ушли в себя...

Я никогда не относил себя к разряду людей, грезящих небом, мечтающих о полётах и навсегда себя с ними связавших. Просто обстоятельства жизни и службы каждый раз вынуждали меня к этому. С раннего детства я отличался слабым вестибулярным аппаратом, что приходилось скрывать под различными предлогами. Скрывать, когда шёл в армию, когда служил в десантных войсках, да и вообще... Вот и сейчас я уткнулся в записную книжку, стараясь не глядеть в иллюминатор, ежеминутно чувствуя всем своим существом воздушные провалы и падения. Душа и сердце металась между пятками и затылком. В заполешном режиме... Потом всё стало одним большим провалом... Что от меня в данном случае ничего не зависит, я понял давно и поэтому внешне был спокоен. На всё воля Божья... В такие минуты, я так думаю, все невольно становятся верующими. Причём истинно верующими. Можешь и не знать молитв, но молиться будешь, уж это точно.

Сколько по времени продолжался этот наш экстремальный полёт – сказать достаточно трудно, но знаю точно, что в ранней моей седине есть что-то и от него... Когда вышли на равнинную местность, казалось, ветер стих, перепады высот стали совершенно не воспринимаемы, страхи и опасения быстро прошли, и к концу полёта все были в обычном состоянии. Тем более на земле нас ждали новые проблемы, которые надо было срочно решать. А это быстро выводит из состояния излишней задумчивости и личных переживаний... Меньше часа лёту, делов-то. Приземление – обычное, в штатном режиме. Вертолёт покидали с шутками и лёгкой бравадой. На земле же – теперь можно и пошутить.

– Товарищ полковник, надеюсь, сегодня уже никуда не полетим? – лётчик больше утверждал, чем спрашивал.

Вертолёт настрожился, ожидая ответа, а с ним и своей участи. Поникишие его винты, казалось, даже приподнялись в предстартовом режиме...

– А что такое? Тебе обслужиться надо? – задал я вполне приемлемые в данной ситуации и абсолютно правомерные вопросы.

– Ну, это само собой разумеется, но главное – выпить бы водки не мешало, всё-таки день рождения...

– У тебя день рождения? А что же ты молчал, извини, подарка с собой нет, но постараюсь исправиться, – пытался я говорить дружелюбно и доверительно, чтобы как-то вдохнуть теплоту в привычные в подобных случаях слова. Упоминание о водке умышленно не заметил.

– Да чего уж там, – лётчик махнул рукой, – какие тут подарки. Слава Богу, живы остались, это главное. День рождения-то у нас у всех, кто сегодня был в этом вертолёте...

– Не понял.

– А что тут непонятного? Был момент – падали ведь мы. Винты из-за обледенения остановились, пошёл провал, и нас начинало вращать, но в последний момент их сорвало, и они снова стали действующими. Не пойму сам, как только мы вырулили... Кто бы рассказал, я не поверил бы, наверное... У меня вон до сих пор руки трясутся...

Словно в подтверждение своих слов лётчик попытался закурить, но сигарета в его руках совершала немислимые кульбиты, в конце концов он смял её и, не дожидаясь ответа, повернулся ко мне спиной...

Вокруг стало необычайно тихо... Только теперь до меня дошло, что это были не просто провалы... Последствия подобных падений мне, увы, доводилось видеть. И не один раз... По спине пробежал мороз... Вот теперь и спроси кого угодно: веришь ты в Бога или нет?

...Так уж случилось, что увольнение моё из армии было непростое. Во многом вынужденное и во многом обидное...

Несмотря на постоянные выезды и вылеты в горячие точки, я ко всему этому привык, можно сказать, врос в такую жизнь и другой её для себя не представлял... Как часто бывает: меняется руководитель, меняется и его команда. Это как в гражданской жизни, так и в армии. Одна и та же ситуация. Сменился командующий войсками округа – с ним к руководству пришла его команда. Меня это тоже коснулось напрямую. Да и возраст, можно сказать, некстати подходил под увольнение. Короче говоря, увольнялся я с чувством горечи, обиды и разочарования... Преемник мой, несмотря на совместную прежнюю службу, всячески спешил занять мою должность, что делало наши взаимоотношения далеко не простыми. Спустя какое-то время

чувство обиды у меня прошло. Наступило, можно сказать, моё воскресение, уже в новой, гражданской жизни. Прощёное воскресение и становление... Я сумел найти в себе силы быть выше обид, сумел простить и где-то даже понять в первую очередь своего руководителя и своего преемника. Другими словами, когда я получил известие о том, что они погибли, я переживал эту трагедию искренне. Погибли оба в авиакатастрофах. Преемник погиб, совершая перелёт на вертолёте в ситуации, чем-то схожей с изложенной ранее. Командующий – двумя годами позже. Память же о них я стараюсь хранить светлой... Судьба, возможно, была у нас такой, а может быть, это тоже провидение? Быть может, в прошлый раз оно давало мне свой знак?

...Между тем беседа на кухне подходила к своему разрешению. Предупредительно поглядывая на дверь, бабушка, понизив голос, искала доступную для понимания ребёнка истину.

– Понимаешь, детка, дедушка с детства не был к этому приучен. Там, где он жил, не было ни священников, ни церквей. Время было такое. Они с раннего детства, может быть, и знали немного про веру, в разговорах у них иной раз проскакивали слова про Бога, но не задумывались над тем, что он есть и всё видит. Молиться их не учили, тогда это не было принято...

Голоса ещё больше притихли, но всё же было слышно, с каким тактом и скрупулёзностью выстраивала бабушка свой взрослый ответ. Она хорошо знала, что дед не любил разговоров на эту тему. Знала и понимала почему.

– Взрослые тоже приходят к пониманию только через время, даже с бóльшим трудом, чем дети. Ты вот тоже не можешь научиться сразу правильно все слова говорить. До сих пор букву «р» не выговариваешь. Дедушка сколько с тобой занимается, а результат пока прежний. Всё это приходит не сразу и у каждого по-своему. Вот так же и с верой...

– Я уже научилась, – детский голосок весь из желания сделать добро.

– Конечно. Уже лучше, но ещё надо заниматься... Вот и дедушка – он, может быть, и верит в Бога, но по-своему, а так же, как все, – это ему надо долго учиться... Он способный, у него получится, только не надо с этим спешить.

...Стараясь не привлечь к себе внимания, прикрываю дверь.

Так точно, может быть, и верю, но по-своему. Как тогда в вертолёт, да и после него – тоже.

Бог – это не есть нечто абстрактное, а ориентир, жизненный ориентир, если хотите.

Во всех её проявлениях и ситуациях. По крайней мере я это так понимаю и представляю себе веру в Бога именно таковой. Ориентир Добра и Справедливости, диктующий форму поступков и образ мыслей, приводящий к самоотдаче и даже самопожертвованию в особых случаях. Но громко об этом заявлять и лишний раз демонстрировать считаю ненужным.

Делать же поспешные кульбиты, тем более в своих идеалах и убеждениях, – значит их, то есть истинных убеждений, не иметь. Вот это считаю постыдным и даже лукавым...

Мне особенно стыдно, когда люди из недалёкого прошлого, знаковые люди этого самого прошлого, вдруг начинают истово бить поклоны и осенять себя крестом так же самозабвенно, как совсем ещё недавно исполняли партийные гимны. Так и хочется сказать, даже не сказать, а крикнуть – не верю! Вот в это – не верю! Не хочу верить. Так же, как и в фанатичную чему-либо приверженность. Приверженность до одури. Религиозную в том числе. Потому что это крайне опасно и похоже на дурман. Очень похоже...

Это всё от недомыслия одних и лукавства других, порой необычайно трагичного. В различных его, лукавства, проявлениях. Чему мы постоянно являемся свидетелями, а подчас – и заложниками тоже.

Видно, они, лукавые то бишь эти, свою букву «р» по жизни так и не научились правильно выговаривать. Не научились вне зависимости от того, в какие одежды и сутаны они рядятся и что и когда поют.

Вот им – не верю! И это уже навсегда. В то, что высший разум существует, – вот в это верю, к легендам же вокруг него отношусь с уважением, но не более. К проповедникам – пока что – с недоверием. Считаю, что имею на то основания. По жизни имею.

А, кстати, как у вас обстоят дела с этой буквой? С загадочной буквой «р»... с её произношением, да и вообще...

...Сегодня мои внучки вместе с мамой отправляются в путешествие по святым местам в Екатеринбург. Впервые полетят на самолёте. С некоторых пор всё, что связано с авиацией, не могу сказать, что так уж меня страшит, но создаёт внутреннее напряжение – это уж точно. На дорожку, как это и полагается, присели. Катя начала что-то шептать мне на ушко. Сразу не разобрал, попросил повторить.

– Дедушка, пообещай, что когда мы вернёмся домой, ты будешь верить в Бога.

В глазах её была недетская озабоченность вперемешку с озорством. Тем не менее надо было что-то отвечать. Сдерживая излишнюю хрипоту в голосе, я проронил:

– Возвращайтесь поскорее...

Плыть по реке, купаясь в звёздах...

Татьяна Эйхман

ГОЛОС

Нейрохирургу В. П. Павлову

Мой голос пропал, но шёпот
услышал Бог!
Рукам тех, кто раны штопал,
лишь Он помог,
Не отвернулся, не бросил,
дал силы встать,
Вплетая в волосы проседь.
Отец и мать
Давно ушли, отзвучали
их голоса...
Средь многих глаз в час печали
ищу Глаза,
Средь многих лиц, многих ликов
ищу Лица...
«Спаситель мой!» – буду кликать
я до конца.

БОЛЬ

Заброшен у причала глиссер...
Здесь было лето. Вышел срок.
Летят оранжевые листья
На ширь асфальтовых дорог,

На вьющиеся нитки тропок,
На заводи, на холод луж,
Чернеющих у водостоков,
Дрожащих в ожиданье стуж...

И я не жду тепла отныне,
Болит, пульсируя, висок,
Но скоро боль моя застынет...
Причал мой пуст и одиноч.

Отпело лето, отзвенело,
Уплыло по речной волне.
Летающим листьям нету дела
До боли, что живёт во мне.

...А мне казалось: жить так просто,
А мне хотелось долго жить,
Плыть по реке, купаясь в звёздах,
И нитку лунную ловить.

ТИХОЕ СЛОВО

О.Ш.

Снова молитву шепчу невпопад...
Снова шепчу её.
Белым полотнищем снегопад –
На сухое жнивье,
На развороченную колею,
На оголённый сад.
«Боже, помилуй душу мою...»
Несколько раз подряд...

Над лампадным голым стеклом
Огонёк золотой...
Обнажённый нерв. Забытьё.
Белый снег и покой...

МАРТ 2013

Н. Марянину

Март к концу. Стою под ивами
Над водою льдистою.
Кличешь ты меня по имени.
Да смогу ли выстоять?

Не упасть бы в омут с берега.
В реченьку не брошусь ли?
Веет грубый ветер северный –
Рвёт с рябин горошины.

Птички нынче невесёлые.
И весна заблудшая
Не приходит долго в сёла,
Ищет долю лучшую,
Бродит дальними тропинками,
Словно опоённая.
Март. Стою одна под ивами.
А вода студёная...

Острым плугом даль небес пашет жёлтый месяц,
Разрыхляя облака до глубоких звёзд...
И бежит река времён алым через сердце,
Белым кажется в ночи бесконечный мост.

И такой простор вокруг – не объять руками,
Свежесть голубых ветров, эха долгий зов...
Глажу головы детей – тёплыми их снами
Дорожу... Пошли им, Бог, только мирных снов.

Посмотри ! Звезда взошла – маленький фонарик!
Пульс колотится в ночи, хоть не слышен звук.
По дороге прибежит – счастье мне подарит
Златовласый ангелок – будущий мой внук.

Хоть я в чём-то, может, и не прав

Владимир Варламов

КРЕСЛО РАЗДОРА

*Мой взгляд становится пустым,
Когда твоё пустует кресло,
Темны смородины кусты
И ягоды не вкусны – пресны.*

Людмила Фёдорова, г. Сызрань

Каким-то диким стал мой взгляд,
В нём пусто, словно в барабане,
Тебя уже два дня подряд
Ни в кресле нет, ни на диване.

В саду темнеет бузина,
Её плоды не вкусны – пресны.
У дядьки в Киеве жена
Считает: ягоды полезны.

Санузел пуст, постель пуста.
Глаза тихонько стекленеют.
Сорву я эту дрянь с куста
И съем, назло тебе, злодею.

Не сможет врач меня спасти.
Я знаю, ты вернёшься спешно,
Чтоб снова в комнату пройти
И сесть в пустующее кресло.

ДИКАЯ ГРУША

*Тропинка вьётся вдаль,
А лес всё гуще, гуще...
Поверишь здесь едва ль
В мираж возникшей груши.*

.....

*В ней, солнцем налиты,
Ах, как вкусны, однако,
С горчинкою плоды,
Слетающие мягко
То в жухлую траву,
То на подстилку хвои!..
Лишь семечко с небес
Тут обронила птица –
И чудо из чудес
Растет с тех пор, плодится.*

Вячеслав Харитонов, г. Сызрань

Меня хватил мандраж,
Когда в лесу случайно
Я встретил, как мираж,
Кокосовую пальму.

На жухлую траву
Плоды с неё упали,
А ветви синеву
Над лесом закрывали.

Откуда здесь кокос?
Кто (ветер или птицы?)
Семян сюда принёс,
Помог ему плодиться?

С годами стал я слаб,
Но лес все так же манит.
Мечтаю баобаб
Найти я на поляне.

ВРЕМЯ ЛЕЧИТ

Время лечит...

Время лечит?

Почему же мне не легче?

Олег Корниенко, г. Сызрань

Время лечит... Время лечит?
У меня тогда вопрос:
Почему страдает печень,
Развивается цирроз?

Вот давление подскочило,
Аритмия, энурез...
Что ж ты, Время, не лечило,
Или времени в обрез?

«Не считай, что я святое, –
Тихо время изрекло, –
Все пройдёт само собою,
Просто время не пришло».

ЛИХО

*Я однажды встретил Лихо.
Шло оно навстречу тихо.
Кровушкой твоей умоюсь,
Мне оно сказала смело,
Позабавлюсь юным сердцем,
Кудри брошу ветру в поле.
Вдруг нас дождик тихо сверху
Окропил живой водою.
Стало Лихо человеком.
Я зову его женою.*

Александр Карякин, г. Сызрань

Я однажды встретил Лихо.
Лихо мне женою стало.
Лет на пять оно притихло,
Жили дружно, без скандалов.

После, как и обещало,
Лихо кровью умывалось,
Кудри с корнем вырывало,
Сердцем юным забавлялось.

Надо было это Лихо
Обойти сторонкой тихо.

ПРИМЕТЫ

*Суеверным вроде быть негоже,
Но в приметы всё же верю я:
Перейду дорогу чёрной кошке,
Чтобы не поймала воробья.*

*Есть ещё и добрые приметы,
Общие для птиц и для людей.*

Олег Портнягин, г. Сызрань

Я в приметы всё же верю твёрдо,
Христианским ценностям назло.
Я воды налью в пустые вёдра,
Чтоб кому-то нынче повезло.

Отведу от вас любое горе,
Зеркало разбитое собрав.
И с судьбой-злодейкой буду спорить,
Хоть я в чём-то, может, и не прав.

Добрые приметы собираю,
Общие для птиц и для людей.
Если птицы к югу улетают –
Достаю одежду потеплей.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

*Вам идёт быть немного неряшливой
И растерянной быть вам идёт.
Но тот самый, любимый, дурашливый
К Вам уже никогда не придёт.
Все дела Ваши, в общем, наладятся,
А быть может, в порядке уже.
Только тот, кто так сильно Вам нравился,
К Вам, увы, не вернётся уже.*

Игорь Рабштейн, г. Сызрань

Дайте руку, я гляну на линии.
Ах, простите, Вы дали уже.
Ваш «дурашливый» лечится в клинике,
И диагноз поставлен уже.

Вы рассеянны, в меру неряшливы,
Вам идёт загорать неглиже.
Проживёте Вы долго и счастливо,
Хоть Вы счастливы очень уже.

Будет всё, как судьбою предсказано,
Хорошо и в делах, и в душе.
А дружок Ваш, который с диагнозом,
Не вернётся, «того» он уже.

В ОДИН ПРИСЕСТ

*Пишу стихи... Стараюсь в два присеста,
Чтоб в них была судьба отражена,
Да чтобы всё текло от сердца к сердцу...
Но стоп! К столу зовёт меня жена...*

Александр Степанов, г. Тольятти

Свари-ка, мать, картошечку в мундире...

Константин Рассадин, г. Тольятти

Пишу стихи обычно в два присеста.
И вот однажды тема потекла
Про жизнь, судьбу, про голос сердца...
Но тут жена к обеду позвала.

Спокойно ем картошечку в мундире
(Ведь с ней Рассадин лириком прослыл),
Вдруг чувствую, что Муза из квартиры,
Давно ушла и след её простыл.

Быть может, ей не нравилась картошка.
Вкушала блюд она по качеству иных...
Скорей всего ей слушать стало тошно
Стук вилок, ложек, челюстей вставных.

Я Музе вслед сказал не очень лестно,
Жене на кухне выразил протест.
Зато теперь стихи, признаюсь честно,
Пишу я сытым и в один присест.

ВСЕЛЕНСКИЙ ПЛАЧ

*Инженер Егоров под забором
 Плачет... а в сиреновой дали,
 Проплывая над осенним бором,
 Инженеру вторят журавли. (Плач)
 И бабы плачут. Бабы горько плачут. (Фрося)*

*О чём ты плачешь, идиот,
 Во мраке за сараем.*

*Обнялись они, умываясь слезьми...
 Обнялись и плачут они на ветру. (Над бездной)
 Не плачь, моя бедная Муза. (Муза)*

Плакал прошлогодний снег.

*Плачут стёкла крокодильими слезами. (Эфиоп)
 Я от бессилия плакал. (Слово)
 Вытри мне слёзы платком. (Слепой дождик)*

Евгений Семичев, г. Новокуйбышевск

Плачут пожарные, плачет милиция,
 Плачет Егоров, уткнувшись в забор,
 Плачут в столице, селе и провинции,
 Даже премьер как-то слёзы утёр.

Вот за сараем слезами горячими
 Плачет о чём-то во тьме идиот.
 Муза, которую с детства я мучаю,
 Тоже, слезьми умываясь, ревёт.

Бабы рыдают – огнюдь не идиллия,
 Снег прошлогодний им вторит весной.
 Стёкла помыть бы слезьми крокодильими
 Вместе с моею мужскою слезой.

Сколько их пролито – жаль, не подсчитано,
Снова бегу я платочки менять.
Книга слезами моими пропитана,
Хочешь поплакать? Возьми почитать.

ЗАЧЕМ?

*Пролетит неделя быстро,
Я приеду с часовой
Электричкой в город Сызрань
И зайду к тебе домой.
Привезу тебе твой свитер,
Для коллекции значок.
Мы устроим чаепитье,
Сходим вместе на каток.
.....
И иду я шагом быстрым
Думу думать на вокзал:
«Для чего же в город Сызрань
Я сегодня приезжал?»*

Евгений Чепурных, г. Самара

В Сызрань на электропоезд
Я успел билет купить.
Привезу тебе я пояс,
Что давала поносить.

Как обычно, раз в неделю
Я спешу к тебе домой.
Мы часок-другой в постели
Поваляемся с тобой.

Если выпить дашь покрепче,
Полежим ещё часок.
Будет время – мы под вечер
Сходим вместе на каток.

И, конечно, на прощанье –
Снова мягая кровать...
Позже, в зале ожидания
Стану голову ломать.

И в дороге те же мысли,
Думу думать я устал:
«Для чего же в город Сызрань
Я сегодня приезжал?»

ОБИЖЕННАЯ НОЧЬ

*Сейчас без четверти двенадцать,
И ночь дежурит у дверей.
Давай пошлём её подальше,
Засветим множество огней.*

Татьяна Кижайкина, г. Чапаевск

Меня расстроила Татьяна,
Теперь обиды не унять.
Зачем она меня так рано
Подальше вздумала послать?

Ведь я интим ей создавала,
Сидела тихо у дверей,
И в миг блаженства не пускала
Сюда непрошенных гостей.

Сейчас без четверти двенадцать,
Дежурство сдам, часок посплю,
И, чтоб не смела издеваться,
Туда же автора пошлю.

ПОСЛЕДНИЕ АСТРЫ

*И смотрят последние астры в саду
На то, как топиться хожу я к пруду.*

Диана Кан, г. Новокуйбышевск

Я каждое утро топиться в пруду
Хожу по тропинке у астр на виду.
Когда я впервые шла с камнем в руке,
Смотрели мне вслед они в жуткой тоске.

А после привыкли, их взгляд стал иной,
Улыбкой меня провожали цветной.
Топиться нетрудно, могу научить,
Вот так же, примерно, бросают курить.

Пускай отцвели хризантемы в саду,
Я вновь на рассвете топиться пойду.

Я НЕ ПТЕРОДАКТИЛЬ

*Мне кажется, что я когда-то был,
Что раньше жил и вижу не впервые
В ночной траве стреноженных кобыл,
Холмы в крестах и кедры вековые.
Во мне дремучий первобытный век
Щетиной пробивается на скуле...
Я был не птеродактиль – человек
И женщину любил на волчьей шкуре...
Зачем опять родился я на свет,
Коль мамонт вымер?..*

Александр Лайков, г. Ульяновск

Мне кажется, что здесь я не впервой:
Холмы в крестах, кобылы, волчьи стаи,
Гостиница «Венец», а под сосной
Стреноженные мамонты гуляют.

Ах, если б знали, как я раньше жил,
Не то, что здесь, в канцерогенном мире!
На волчьей шкуре женщину любил,
И всё из камня в каменной квартире.

В дремучем веке лишь из фиги лист
Красавицы носили вместо платья.
Меня поймёт, надеюсь, дарвинист,
Ведь был я человек – не птеродактиль!

Я гибну здесь, щетиною оброс,
Кошмар такой сородичам не снился.
И жизнь без мамонтов пошла вразнос.
Жалею, что опять на свет родился.

Инна Волошина

СКАЗКА ДЕТСТВА

Обернусь я малой птахой,
В сказку детства улечу,
Где я в ситцевой рубахе
Юбку-солнышко кручу.

Между ив тропинка вьётся.
Сена запахи остры.
Сердце сильно-сильно бьётся
От ходьбы и от жары.

Солнце косы золотые
Разметало по холмам.
Ноги детские босые
След оставят тут и там.

Дома – хлебушка краюха
Да полкрынки молока –
От его парного духа
Кружит голову слегка...

Сказка детства не вернётся.
Птахой малою не стать.
Потому и остаётся
Лишь былое вспоминать.

ПРЕДЗИМЬЕ

Под покровом тёмной ночи
Прохутились небеса.
На деревьях снега клочья –
Вот где диво-чудеса!

На земле – ажур проплешин
Снега, листьев и травы.
Покуражился здесь леший,
Скомкав снежные ковры.

Разошёлся забияка.
Веселился от души.
У окна котом проплакал
И исчез в лесной глуши.

Вслед зима, в права вступая,
Лёгкой поступью идёт.
Не старушка – молодая:
На щеках заря цветёт!

Поутру роскошный иней
Разукрасил дерева.
Свет небесный над Россией
Расплескала синева.

Разлилась, рождая тени,
Растекаясь по земле.
Воробьишки с крыш слетели
И щебечут о тепле.

Поднялось светило выше –
Растворились тени вмиг.
На пригреве плачут крыши,
В лужах тонет солнца лик.

Переменчива погода:
Снег, дожди, ветра, туман...
Ткёт весна для хоровода
В ярких красках сарафан.

Наталья Вяльшина

ПЕСНИ

Про Волгу столько песен есть,
Что невозможно перечесть.
О ней писали, с ней мечтали.
И воспевали ширь и дали.
Плыву на лодке вдоль холмов,
Зелёных волжских берегов.
И песнь слагается сама,
И я от Волги без ума.
Повсюду синь и позолота,
И день как сладкая дремота.
Как хорошо по Волге плыть,
О ней писать, её любить!
И это правда, а не лесть:
Про Волгу песен всех – не счесть!

ВОЛГА

О Волга, матушка река!
Какие сказочные дали
Твои туманят берега
Оттенком ласковой печали?

С седых времён богатырей,
Времён Ярилы и Сварога
Поишь людей ты и зверей
И отражаешь облик Бога.

Волгарь, волжанка, Волга-мать...
Слова – как свет. Слова – как сказка.
Оттенков всех не подобрать:
У радуги иссякли краски.

Небесный отражая лик,
О Волга, матушка родная,
Ты удивляешь каждый миг,
Река раздольная, живая!

Ненадолго вернулась зима,
Перепутав, где фронт, а где тыл.
Как не верящий в чудо Фома,
В ожидании мир весь застыл.

Коркой льда затянулась вода –
Время остановилось – хоть плачь.
От проталин уже ни следа.
Только вижу: торопится грач.

Крепкий клюв, как в привет, раскрыт.
Грач привычно взлетел в вышину.
Гордой птицы уверенный вид –
Как призыв: «Ожидайте весну!»

ВОВЕК!

О, сколько вечного покоя
Разлито на речном просторе!
Прозрачно небо голубое,
А Волга синяя как море.

Пруды, озёра и затоны –
Под гжель раскрашенные блюдца.
С холмов далёких перезвоны
О воскресенье вербном льются.

Ах, верб пушистые комочки,
Вы так нежны в весенней рани!
Вот-вот проклюнутся листочки...
Господь вовек да будет с нами!

Надежда Городбина

АВТОПОРТРЕТ

Я села за стол свой портрет рисовать.
Чтоб люди могли меня в нём узнавать,
Решила внимательно вникнуть в себя.
И точно представить, какая же я?

Черту провела и другую за ней.
Изгибы и контуры губ, глаз, бровей...
И тут поняла я, что это – не я.
Другая смотрела с листа на меня.

Решила ошибки в наброске убрать,
Взяла чистый лист, чтобы вновь рисовать.
И линии снова, как прежде, вела –
Не я всё равно на рисунке была.

Свои уловить я пыталась черты,
Да только сминала с досадой листы.
Я к зеркалу встала, сомнения нет:
В нём – мой настоящий автопортрет.

НЕЗАБУДКИ

Годы прошлые, минутки
То согреют, то гнетут.
То завянут незабудки,
То потом опять растут.

Расцветают, замирают
Иль тревожно шелестят,
Что-то шепчут. Я вбираю
Эти звуки все подряд.

В них – невзгоды и отрада,
Чувств целебная вода.
Незабудкам в сердце надо
Оставаться навсегда.

Анжелика Жилютова

ПОКОЙ

Замерли липы в немом ожиданье.
Иней на ветках застыл серебром.
Белых узоров нечёткие грани
Стужа рисует волшебным пером.

Мысли спокойны, почти неподвижны,
Словно чистейшая снежная гладь.
Просто иду по сугробам чуть слышно,
Рада вселенский покой созерцать.

ЖЕЛАНИЕ

Я хочу быть чуть-чуть равнодушной,
Чтобы ровно, спокойно дышать,
Не навязчивой, вовремя нужной,
Не настаивать и не мешать.

Я хочу быть наивной и глупой,
От ума столько горя вокруг.
Перестану толочь воду в ступе –
И сомненья развеются вдруг.

ЗВУКИ

Словами можно прикасаться
Порой нежнее, чем руками.
В чудесных звуках растворяться,
Парить по небу с облаками.

Как будто волны океана
Ласкают слух и сердце греют.
И покрывалом из тумана
От всех невзгод укрыть сумеют.

Как шёпот лиственного леса
На время успокоит душу,
Почувствовать мы сможем, если
Его с любовью будем слушать.

ИСТОРИИ

Из историй длинных и грустных
Я свяжу тёплый свитер уютный.
Выпью кофе крепкий и вкусный.
Разрешу тихий отдых минутный.

Позабуду все огорченья,
Помечтаю о чём-то приятном.
Вспомню радостные мгновенья –
В жизни красочной светлые пятна.

Из историй ярких, забавных
Я беретик свяжу себе славный.
Пусть смешная в нём я. Ну и что же?
Мне зато улыбнулся прохожий!

Зоя Исаева

РОДИНА

Русь моя, без конца и без края
Твой великий прекрасный простор.
Я люблю тебя и прославляю
Ширь полей и хребты синих гор.

В брызгах солнца лесные ромашки.
Им под стать васильков бирюза.
У детей в белоснежных рубашках
Голубые сияют глаза.

Ты взрастила хлеба золотые,
В небеса подняла корабли,
Подарила нам недра земные.
Здесь мы Родину все обрели.

Нашей Родины в мире нет краше!
Преклоняемся мы перед ней.
А зарвавшимся недругам скажем:
– Чем вы злее, тем все мы сильнее!

БАРД

Пальцы трепетно и нежно
Извлекают звуки струн.
И друзьям своим, конечно,
Бард споёт, как был он юн:

Как влюблялся под луною
И мечтал звездою стать,
И дружить со всей страной,
И поклонниц покорять.

Всё исполнила гитара.
И мечты все учтены:
И душою бард не старый,
И в него все влюблены!

НЕ ПЛАЧЬ, ГИТАРА!

Звени, струна! Играй, гитара!
Душа мелодией полна.
Наверно, с милым мы – не пара.
Грущу у речки я одна.

И в унисон с плакучей ивой,
Склонившей ветви над водой,
Пою, как я была счастливой
Девчонкой, глупой, молодой.

А милый поспешил иную
Завлечь коварно поскорей.
Его, поверьте, не ревную.
Ушла дорогою своей.

Не плачь, гитара, о разлуке!
Знать, не судьба нам вместе быть.
Печаль сквозит пусть в каждом звуке –
Той летней ночи не забыть!

Елена Катышева

ДОРОГА

Устремилась далеко моя дорога...
Зимний ельник разукрашивает даль,
И в пути моём – ни дома, ни острога.
Только лес заиндевелый как хрусталь.

А попутчица моя, сама природа,
Отчего-то не ведёт со мной бесед.
Только дятел стукнет где-то. Непогода
Снежной пылью заметёт мгновенно след.

Отчего же всё молчишь ты, дорогая,
Так светло в оцепенении своём,
С предзакатным алым солнцем догорая
Ледяным несогревающим огнём?

На кострище, еле тлеющем, забытом,
Долгий путь остановлю я на привал...
Человечество, не ставши монолитом,
Здесь первейшее берёт из всех начал.

Небо, прорисованное кистью:
Синий цвет по белому холсту.
И летят желтеющие листья,
Встретившие осень за версту.

Этот август был туманно-серым,
Неуютным, мрачным и чужим.
Только мне казалось – был он первым,
Где вкус жизни стал мне ощутим.

Больше не заметны холод, слякоть,
Я, наверно, рада сентябрю,
Больше я не стану ночью плакать...
И судьбу свою благодарю!

Ветер все терзанья и волненья
Завернёт в осенний листопад.
...Я тебе пишу стихотворенье,
Чтоб ты не нашёл пути назад.

РОМАНС

Не согревай моих холодных рук,
Пульс учащённый бьётся в синей вене.
Тебе не слышен больше сердца стук
За шелестом листвы кустов сирени.

На той скамейке в хмуром сентябре
Дрожала я впервые от волненья.
Как будто шулер в карточной игре,
Я прятала в себе к тебе стремленье.

На шее нервно терблю платок,
Не на тебя – себе смотрю под ноги.
На самотёк пустив свой монолог,
Я вспоминаю наши диалоги...

Теперь, прошу, меня ты не брани
И не целуй, пусть даже на прощанье.
Ни взгляда ты, ни слова не храни,
Всё сохраню сама, я обещаю.

ВОЗМОЖНО?

Мы разучились жить без интернета,
Да и в быту – без пары сотен вольт.
В пожарах, наводнениях планета.
С безумством и бесправьем дружит кольт.

Мы движемся стремительно к той дате,
Что может стать для нас и роковой.
Жизнь – это не кино, где быстро, кстати
Является лихой супергерой.

Всё кончится, возможно, незаметно:
Сам по себе недолог жизни век.
Забудется в сне ядерном планета...
Виновен в этом будет человек!

Судьбу свою мы сами создаем.
Кому тюрьма, а может быть, сума,
А лучше, если мир весь будет раем,
Чтобы не стало горя от ума...

Людмила Мамонова

ВЕСНА

Мне весна казалась прежде
Девочкой-подростком.
Удивляла нравом нежным,
Красотой неброской.

Хороша была девица,
На меня похожа.
Но как быстро время мчится,
Прошлое итожа!

За весной настало лето,
Лето входит в осень.
Пролетело как-то это
Незаметно вовсе.

Были радости, невзгоды,
Только нет печали:
Мне весны далёкой годы
Лишь дороже стали.

ВОРОБЬИ

Все в сереньких пальтишках,
Совсем как ребятишки,
Чирикают беспечно
Ну прямо день-деньской.

Не соловья рулады –
Весенние услады –
Их слушать бесконечно
Готовы мы с тобой.

Их ценим не за песни,
Что льются в поднебесье,
И не за их породу,
И не за их окрас.

За то, что в зимы лютые,
Раздетые, разутые,
На берега-курорты
Не променяли нас.

ВСТРЕЧА

От весны до лета ли,
С ночью ль, до рассвета ли,
Привычные проходят дни.
Но жизни поезд скорый
Вдруг встал у светофора.
Вот на вокзале мы стоим одни.

А на этой станции
Вновь цветут акации,
И волны бьются о гранит.
Открыто сердце снова.
Не сказано ни слова,
Но о любви оно мне говорит.

И любовь нечаянную
Вновь зову печально я.
Но ты – далёко, не догнать.
Ах, белые акации!
Где же, где та станция?
Мне будешь звёздочкой в ночи сиять.

ЯНВАРЬ

16 января в Самарской областной универсальной научной библиотеке состоялся День литературы. Его участниками стали и сызранские писатели.

Первая часть мероприятия была посвящена памяти известного и далеко за пределами нашей губернии прозаика Евгения Васильевича Лазарева, ушедшего из жизни в декабре прошлого года. В своё время он более четверти века возглавлял областную писательскую организацию. Воспоминаниями об этом замечательном человеке, настоящем мастере слова, поделились друзья Евгения Васильевича и те, кто хорошо его знал: Александр Громов, Борис Сиротин, Иван Никульшин из Самары, Евгений Семичев из Новокуйбышевска, Олег Портнягин из Сызрани и Константин Рассадин из Тольятти.

Вторая часть Дня литературы была посвящена делам текущим. Сначала на совместном заседании секций прозы и поэзии товарищи по перу обсудили рукописи Галины Михайловой из Самары, Лидии Невской и Елены Мироновой из Сызрани. Все трое стали кандидатами в члены Союза писателей России.

Сызранскую поэтессу Галину Елисееву, Ольгу Целебровскую, Андрея Кухно из Самары, Вячеслава Московского из Тольятти правление рекомендовало к приёму из кандидатов в члены Союза писателей России. Теперь слово за Москвой.

ФЕВРАЛЬ

Село Старая Рачейка Сызранского района. В здешней библиотеке, отметившей в минувшем году своё 95-летие, в один из февральских дней состоялось сразу два знаменательных события.

Это – презентация нового приложения к местной газете «Вестник Старой Рачейки» и вручение редактору данного издания Галине Журловой членского билета сызранской городской писательской организации. Несмотря на сильнейшие снегопады, предшествовавшие мероприятию, в библиотеку проторили тропки многие сельчане. Из Сызрани прибыли писатели Сергей Кирюхин, Татьяна Твердохлебова и Вячеслав Харитонов.

МАРТ

Обычным делом стали встречи воспитанников детского дома с писателями Сызрани. В марте в гостях у ребят побывали Татьяна Твердохлебова и Галина Елисеева. Встречи прошли в рамках Недели детской книги.

Воспитанники детдома с большим вниманием слушали Татьяну Николаевну, которая не просто писательница, а ещё и прекрасный художник-иллюстратор. Восприятие её книги «Встречи» стало намного глубже и интереснее после рассказа гостыи о том, как она рисовала образы своих героев. Прозвучавшие стихи в исполнении автора были актуальны и близки детям по содержанию.

А старшие воспитанники детдома пообщались с Галиной Елисеевой. Они смогли задать вопросы, узнали о творческом пути гостыи, литературной жизни Сызрани. В исполнении автора прозвучали стихи о России, родном городе и его достопримечательностях, любви и верности, красоте окружающего мира.

АПРЕЛЬ

По традиции весной в России проходила Неделя детской книги. Не обошла она стороной и Сызрань.

«Время читать!». Под таким девизом прошла эта неделя с 24 марта по 3 апреля в Центральной детской библиотеке им. А. П. Гайдара. Каждый из восьми дней был посвящён различной тематике.

В рамках недели состоялась встреча местных писателей с юными читателями. Её девиз: «Мечтать! Дерзать! Не унывать!». Наталья Бондаренко, Татьяна Твердохлебова, Вячеслав Харитонов рассказали третьеклассникам СОШ № 14 о своём творчестве, детских мечтах, любимых школьных предметах и, конечно, прочитали свои произведения.

МАЙ

По доброй многолетней традиции в майские праздники сызранские поэты и барды выступают перед горожанами разного возраста. Не стал исключением и этот год.

Первого мая в детском парке «Гномик» было многолюдно, несмотря на прохладную погоду. Весь день ребят, их родителей, бабушек

и дедушек развлекали творческие коллективы города. А вечером здесь появились и сызранские поэты, пишущие для детей. Своё творчество представили публике Валентина Юдина, Александр Карякин и Александр Мишенков.

Девятого мая после митинга, военного парада, шествия по улице Советской «Бессмертного полка» на территории Сызранского кремля работало несколько интерактивных площадок. Одна из них – «На солнечной поляночке». Своими патриотическими стихами и песнями порадовали многочисленных слушателей местные поэты и барды. В том числе: Олег Портнягин, Вячеслав Харитонов, Александр Карякин, Надежда Чванова, Сергей Кирюхин, Виктор Железнов, Валентина Юдина, Игорь Рабштейн, Николай Молев, Александр Зиборов, Виктор Сурков, Зоя Искаева.

ИЮНЬ

Традиционный областной литературный фестиваль «Жигулёвская весна» никогда прежде, как ни странно, не проводился в Самаре. И вот эта несправедливость наконец-то устранена. Четвёртого июня в губернскую столицу выехали и сызранские писатели.

В Самару отправилась достаточно представительная делегация: Галина Елисеева, Наталья Окунева, Елена Миронова, Надежда Чванова, Вячеслав Харитонов, Илья и Олег Портнягины.

Вступительное слово на открытии фестиваля произнёс председатель правления Самарской областной организации Союза писателей России Александр Громов. Он же выполнил важную миссию. Из его рук получили членские билеты Союза писателей России Андрей Кухно (Самара), Василий Мосин (Тольятти), Надежда Чванова (Сызрань).

Тот же Александр Громов вручил билеты кандидатов в члены Союза писателей России ещё нескольким литераторам области. В их числе – наша Елена Миронова. К сожалению, в фестивале не смогла участвовать ещё одна сызранская писательница – Лидия Невская, тоже ставшая кандидатом в члены Союза писателей России. Билет ей вручён позднее.

Ну а затем началась основная часть фестиваля. Выступали гости из Сызрани, Чапаевска, Новокуйбышевска, Тольятти. И, конечно же, хозяева праздника – самарские писатели.

ИЮЛЬ

На ежегодный слёт друзей Грушинского фестиваля, который по традиции проходит близ села Трубетчино Сызранского района, любители авторской песни и поэзии собрались в июле в тринадцатый раз.

В этом году фестиваль продолжался три дня. И вместо одного концерта на импровизированной сцене под «золотым» парашютом состоялось целых два.

Первый – «Юность незабвенная моя» – был посвящён 70-летию Владимира Варламова, президента городского клуба авторской песни и поэзии, основателя и бессменного организатора слёта друзей Грушинского фестиваля. На нём виновник торжества вместе со своими товарищами по творческому цеху исполнил любимые песни своей молодости.

Во второй день на поляне слёта состоялся традиционный большой концерт, в котором приняли участие местные авторы-исполнители и гости из Самары, Тольятти, даже из узбекского города Зарафшана. Отрадно, что организаторы фестиваля не изменили и такой многолетней традиции: предоставили слово поэтам из сызранской писательской организации – Вячеславу Харитонову, Сергею Кирюхину, Александру Зиборову, Валентине Юдиной и Юлиане Лишмановой.

СЕНТЯБРЬ

В Центральной городской библиотеке прошёл литературный вечер, посвящённый Дню города. В его рамках состоялась торжественная церемония награждения членов местной писательской организации памятными знаками «Куйбышев – запасная столица».

Отрадно, что памятных знаков «Куйбышев – запасная столица» удостоились более двадцати наших земляков, достигших значительных успехов в литературе – поэтов, прозаиков. Это: Николай Овчинников, Олег Портнягин, Юрий Семёнов, Елена Миронова, Наталья Бондаренко, Сергей Кирюхин, Александр Карякин, Юрий Степанец, Александр Зиборов, Вячеслав Харитонов, Наталья Окунева, Галина Елисеева, Надежда Чванова, Галина Цыплёнкова, Лидия Невская и другие.

Всех награждённых памятным знаком тепло поздравил депутат Самарской Губернской Думы Владимир Симонов. К его приветствию с удовольствием присоединилась руководитель Управления культуры администрации г. о. Сызрань Ольга Дидык.

Затем писатели прочитали свои стихотворения, в том числе и посвящённые родному городу.

В воскресенье, 11 сентября, несколько сызранских писателей отправились в Тольятти. Повод для этого был весьма серьёзный: презентация очередного номера альманаха «Стрежень», в котором опубликованы стихотворения поэтов нашего города.

Презентация альманаха по традиции проходила в «Литературной гостиной» библиотеки Автограда. Вёл её тольяттинский поэт Вячеслав Московский. Он выразил сожаление, что из-за болезни в литературном празднике не смог участвовать бессменный на протяжении многих лет редактор и составитель «Стрежня», известный российский писатель Константин Рассадин.

Разумеется, основу этого номера «Стрежня» составили произведения тольяттинцев. А наш город представлен в альманахе стихотворениями Александра Мишенкова и Ильи Портнягина. Оба выступили перед публикой. Кроме того, А. Мишенков исполнил песни собственного сочинения.

Содружество продолжается. В «Сызранской излуцине» публикуются тольяттинцы. В четвёртом номере нашего альманаха, например, представлен своей поэзией Константин Рассадин.

ОКТАБРЬ

20 лет минуло с тех пор, как ушёл в мир иной сызранский поэт и журналист Анатолий Ульянов. Вечер, посвящённый его памяти, состоялся в один из октябрьских дней в читальном зале Центральной городской библиотеки.

При жизни у Анатолия Ульянова в Куйбышевском книжном издательстве вышли четыре поэтических сборника: «Стрижи», «Перед рассветом», «Рожь зацвела», «Осенние колокола». Его стихотворения печатались в «Дне поэзии», выпускавшемся ранее в нашем областном центре, журнале «Волга» (Саратов), на страницах разных газет,

в том числе – в «Красном Октябре» (нынешних «Волжских вестях»). Публиковались они и после смерти поэта. Например, в антологии «Сызрань литературная», во втором номере альманаха «Сызранская излучина» – в разделе «Наследие».

После кончины Анатолия Ульянова его друзья-писатели решили издать посмертную книгу поэта. И в 1999 году под названием «Последняя тетрадь» она вышла в свет там же, в нашем областном центре.

Своими воспоминаниями о поэте поделились его товарищи по перу Олег Портнягин, Вячеслав Харитонов, Александр Мишенков, Ольга Воронина, Сергей Кирюхин. А Валентина Юдина, кроме того, исполнила песни на слова Анатолия Ульянова.

НОЯБРЬ

22 ноября в читальном зале Центральной городской библиотеки состоялся праздник, посвящённый 65-летию сызранского литературного объединения.

Приветствовать писателей в этот день пришли заместитель главы администрации г. о. Сызрань – руководитель её аппарата Алексей Романенко, председатель городской Думы Сергей Ананьев, руководитель Управления культуры Ольга Дидык. Они поздравили виновников торжества со столь знаменательным событием, пожелали им новых творческих успехов, вручили наиболее отличившимся литераторам Почётные грамоты, благодарности соответствующих структур местной власти.

К поздравлениям присоединился председатель правления Самарской областной организации Союза писателей России Александр Громов. Он особенно отметил взаимопонимание и взаимодействие литераторов и властей нашего города. Один из ярких примеров этого – выпуск альманаха «Сызранская излучина».

Затем выступили местные писатели и барды. В том числе – Вячеслав Харитонов, Наталья Окунева, Олег Портнягин, Сергей Иванченко, Галина Цыплёноква, Валентина Юдина, Галина Елисеева, Надежда Чванова, Александр Карякин, Елена Миронова, Татьяна Твердохлебова, Александр Зиборов, Сергей Кирюхин и другие.

АЛЕКСЕЕВА НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА родилась в с. Арзамасцевка Богатовского района Куйбышевской области 9 февраля 1959 года. С трёхлетнего возраста живет в с. Усолье Шигонского района. Окончила Куйбышевский плановый институт. Автор трёх поэтических сборников и двух книг публицистики. Печаталась в сызранских, самарских изданиях, журнале «Наш современник» и газете «Российский писатель». Член Союза писателей России с 2002 года.

БОНДАРЕНКО НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА окончила Саратовский государственный университет им. Чернышевского по специальности «биолог-химик». С 1979 года живёт в Сызрани. Работала в школе, во Дворце творчества детей и молодёжи, вела курсы «Развитие интеллектуально-познавательных навыков». На данный момент руководит службой «Семья». С 1997 года – член городского литературного объединения. Прозаик, публицист. Выпустила книгу «Артёмкины истории и мамыны сказки» и двухтомник «Россия в судьбах...» Публиковалась в альманахах «Наш современник» (М.), «Русское эхо» (Самара), «Сызранская излучина»; в детских журналах «Костёр» (СПб.), «Муравейник» (М.), «Детская роман-газета» (М.) и других. Выступала одним из авторов в книгах «Славные дочери Сызрани», «Чести достойны», «Сызрань литературная».

Дипломант Международной литературной премии имени Владислава Крапивина.

Лауреат городского конкурса «Женщина года – 2008» в номинации «Литература и журналистика».

ВАРЛАМОВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ родился 9 января 1946 года в райцентре Радищево Ульяновской области. Какое-то время жил в селе Верхняя Маза. После школы поступил в строительный техникум, а затем – в Ташкентский институт железнодорожного транспорта. Основная специальность – инженер-экономист. Активно занимался культурно-просветительской работой. Президент Сызранского клуба авторской песни и поэзии. Лауреат городской премии «Признание». Издал книги пародий «Не пиши, не пиши, не пиши» и «Привет от дилетанта», а также сборник лирических стихов «Тепло осеннего костра». Публиковался в СМИ Сызрани

и Самарской области, в журналах «Карамзинский сад», «Мономах» и «Литературный Ульяновск». В настоящее время пенсионер.

ВОРОНИНА ОЛЬГА БОРИСОВНА родилась в г. Сызрани. Окончила факультет иностранных языков Куйбышевского педагогического института. Работала переводчицей, преподавателем, корректором газеты «Красный Октябрь». Печаталась в книгах «По законам военного времени», «У старого окопа», «Сызрань литературная», в трёх выпусках альманаха «Сызранская излучина», газетах «Волжский комсомолец», «Красное Приволжье», «Красный Октябрь», «Сызранские вести».

ВОРОНЦОВ АЛЕКСАНДР СВИРИДОВИЧ – родился в 1939 году в селе Радченское Воронежской области в семье колхозников. Отец погиб на фронте в 1941 году. Закончил институт по специальности «инженер-механик» по профилю автотракторостроение. С апреля 1970г. живёт в Тольятти. С 70-го по 99-й работал на ВАЗе, из них 25 лет – инженером-конструктором. Издал шесть сборников стихов: «Ты понимаешь, я – не идол», «Дымок», «Неизъяснимая нежность моя», «Трубач», «Что помнится крепче», «Стихи последних лет», два сборника избранных стихов «Метеорит» и «Дорожные мотивы», сборник песен на свои стихи «Сердце не знало оков», многожанровую двухтомную книгу «Вначале была жизнь». Член Союза писателей России.

ЕЛИСЕЕВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА родилась в Сызрани. Окончила Куйбышевский государственный институт культуры. Работала в библиотеке, в профсоюзных органах, в ОАО «Тяжмаш».

Автор книг стихов «Перекрёсток сияющих глаз» (2008), «Ожидание чуда» (2010), «Время сгущает сознание» (2011), «Русские арабески» (2015.) Публиковалась в региональных и городских изданиях С 1999 года возглавляет литературное объединение «Вдохновение» при ОАО «Тяжмаш».

Является бронзовым призёром конкурса детских стихов «Десятая планета», дипломантом Международной национальной премии «Золотое перо Руси-2009» и Международного творческого конкурса «Рождественская звезда» (2011 г.), лауреатом Межрегионального

поэтического конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова, областного конкурса «Женщина Самарской области 2011 года». Номинант литературной премии «Наследие». Кандидат в члены Союза писателей России.

ЕРМАКОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА родилась в 1956 году в Сызрани. Окончила Куйбышевский институт культуры, по специальности библиотековедение и библиография. В настоящее время работает в Центральной детской библиотеке им. А. Гайдара.

Публиковалась в журналах «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Детская роман-газета», «Игровая библиотека», в газете «Волжские вести».

ЕРШОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ родился в 1977 г. в г. Сызрани. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Русское эхо». Лауреат журнала «Русское эхо» за 2008 г. Автор книги стихов «Флагшток». Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани.

ЖУРЛОВА ГАЛИНА ГРИГОРЬЕВНА родилась в 1953 г. на Сахалине. В 1969 г. приехала в Старую Рачейку. Окончив местную школу и культпросветучилище в г. Куйбышеве, работала библиотекарем, секретарём сельсовета, зам. главы и ведущим специалистом администрации, внештатным автором и фотокорреспондентом районной газеты «Красное Приволжье». В настоящее время – редактор Приложения к сельской газете «Вестник Старой Рачейки» Администрации сельского поселения Старая Рачейка м.р. Сызранский Самарской области.

Книга очерков Галины Журловой «Но прошлое в нас не уснуло... Из истории села Старая Рачейка» вышла в 2004 г., «Напой меня водю ключевой. Деревенские истории» – в 2009 г., сборник «Звалась когда-то ты Ручейкой. О малой родине с любовью» – в 2010 г., «Оставить свой след на земле» к 75-летию Сызранского района – в 2013 г., «И вывели колхоз в миллионеры... Летопись села Новая Рачейка» в соавторстве с Калачёвой Людмилой Александровной – в 2015 г.

Лауреат районного конкурса «Женщина года – 2005» в номинации «Краевед», «Женщина года – 2007» в номинации «Слово». Член Сызранской писательской организации.

ЗИБОРОВ АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ родился 29 января 1953 г. в Крыму. С 1970 по 1974 г. служил и учился в Сызранском высшем военном авиационном училище. С 1975 по 1981 г. получил образование в Пензенском сельскохозяйственном институте по специальности инженер-механик. Работал начальником технической службы в санатории «Волжский Утёс» Шигонского района Самарской области.

В настоящее время Александр Зиборов является членом Сызранской писательской организации города Сызрани. Печатался в самарских журналах «Русское эхо», «Самарский Парнас», в альманахе «Сызранская излучина», в коллективном сборнике поэзии Шигонского района, в газетах «За Родину», «Волжская коммуна», «Волжские вести», «Время», «Красное Приволжье». Автор сборника стихов «Святой Руси колокола» (2016 г.).

ЗУЛКАРНАЕВА САГИДАШ – родилась в 1968 году в селе Благодатовка Большечерниговского района. После того как заняла первое место в конкурсе «Горжусь тобой, губерния моя!», зарегистрировалась на некоторых литературных сайтах и занялась продвижением своего творчества. Печаталась в различных СМИ. Является лауреатом международного поэтического конкурса, посвящённого 75-летию Б. Свойского, победитель конкурса сетевого журнала «Эрфольг», лауреат конкурса «Новые имена» (портал «Что хочет автор»). Автор книги «Выпью ночь из синей чашки...». Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в селе Новопавловка Большеглушицкого района.

ИВАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ – автор книги «Питает душу красота», а также публикаций в журналах «Русское эхо», «Гостинный Двор» (Оренбург), альманахе «Академия поэзии». Живёт в Новокуйбышевске.

ИВАНЧЕНКО СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ родился в 1954 году в Одессе. Окончил музыкальную школу, музыкальное училище и Горьковскую государственную консерваторию. С 1995 года – преподаватель колледжа искусств г. Сызрани и руководитель муниципального оркестра русских народных инструментов.

В 2002 году окончил творческую аспирантуру РАМ им. Гнесиных. Лауреат городской премии «Признание» 1998 года, Всесоюзных и Грушинских фестивалей авторской песни. Автор стихов и музыки к спектаклям Кузнецкого театра БУМ и Горьковского театра студентов. В 2007 году присвоено звание «Заслуженный работник культуры РФ». Публиковался в сборниках «Возьмёмся за руки, друзья!», «Наши фестивали» (оба – Москва), «Друзья, прекрасен наш союз» (Ленинград), «Сызрань литературная» и др.

КАРЯКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ родился 9 февраля 1959 года в городе Ялуторовске Тюменской области. С 1983 года живёт в г. Сызрани. Работал на заводах «Тяжмаш» и «Пластик», электро-монтёром (вахтово-экспедиционным методом) на Крайнем Севере в ЗАО «Лукойл ЭПУ Сервис» (г. Урай).

Член Союза писателей России. Стихи публиковались в журналах «Русское эхо», «Сызрань», «Сура», альманахе «Эринтур», периодике Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа, антологиях «Сызрань литературная», «Писатели Самарского края», четырёхтомнике «50 писателей», вышедшем в издательстве «Российский писатель» (г. Москва). Автор поэтических сборников «России маленькая часть», «Пристани», «У родного порога», книги для детей «В королевстве у букашек». Лауреат городской премии «Признание», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого, именной премии главы г. о. Сызрань в номинации «Литература и журналистика». Живёт в г. Сызрани, работает техником в филиале СамГТУ и там же руководит литературным клубом.

КИРЮХИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в 1949 году в г. Сызрани Куйбышевской области. Работая шахтным электрослесарем, окончил в 1972 году электротехнический факультет Куйбышевского политехнического института (вечернее отделение). Работал на различных инженерных должностях промышленных предприятий городов Самарканда и Сызрани. Автор трёх стихотворных сборников. Член Союза писателей России.

КОКОВИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА – автор поэтических сборников «Воскресшая вишня», «Осенины», «Девясил», «Вешняя сюита». Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в Новокуйбышевске.

КОНОПЛЁВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ родился в 1971 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Образование педагогическое и высшее юридическое. Пенсионер МВД по выслуге лет.

Лауреат конкурса Национальная литературная премия «Заветная мечта» (г. Москва). Победитель литературного конкурса «Золотое перо» (г. Екатеринбург). Дипломант литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Автор книги «Последняя надежда», сборника детских сказок «Приключения Дэнасёнка», опубликованного в журнале «Народный университет здоровья».

КОНОПЛЁВ ВИКТОР АЛЬБЕРТОВИЧ родился в 1955 году в г. Екатеринбурге. В Сызрани живёт с 1978 года. Всю свою жизнь посвятил музыке. Окончил Уральскую консерваторию, работал преподавателем музыки в Сызранском колледже искусств. В.А. Коноплёв автор пяти музыкальных спектаклей, многих концертных постановок и произведений в жанре авторской песни, один из создателей КСП «Подснежник». В 2000 году выпустил первую книгу стихов «В том мире». В новой книге «Музыка – любовь моя», вышедшей в 2016 году, автор представил читателям итог своего поэтического творчества за последние 20 лет.

КОРНИЕНКО ОЛЕГ ИВАНОВИЧ родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Около 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу лётчиков, воевал в Республике Афганистан. Награждён десятью медалями, в т.ч. «За боевые заслуги».

Печатался в центральных изданиях: «Аврора», «Детская «Роман-газета», «Истоки», «Наш современник», «Московский вестник», «Российский писатель», «Советский воин», «Смена», «Север»

(Карелия), «Луч» (Ижевск), «Мономах», «Симбирскъ» (оба – Ульяновск), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза), «Склянка Часу», «Витрыла» (Украина), «Простор» (Казахстан); «День и Ночь», «Новый Енисейский литератор» (оба – Красноярск) и др.

Член Союза писателей России. Член редколлегии литературных журналов «Волга-XXI век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Лауреат литературных премий «Город» (1999 г.) и «Признание» (2006 г.). Дипломант 4-го Международного литературного конкурса детских и юношеских произведений им. А. Н.Толстого (2012 г.) и 6-го Всероссийского конкурса писателей баталистов-маринистов «Твои, Россия, сыновья!» (2012). Медаль Военно-художественной студии писателей Культурного Центра ВС РФ «За труды в военной литературе» (2014).

Автор пяти книг прозы для детей и взрослых: «Воздушный почтальон», «Декоративный Зяка» (обе – Москва), «Шаги за дверью», «Жизнь за смерть» (обе – Самара). «Афганец», Altaspera. Торонто (Канада). Проживает в г. Сызрани Самарской области.

КОСАРЕВА ЛЮДМИЛА – родилась в 1949 году в г. Чапаевске Куйбышевской области. В нём прошли её детство и юность. Окончила Московский Государственный Институт культуры, работала в библиотеках Дома культуры им. Горького и Дома культуры им. Чапаева. Позже переехала в г. Тольятти, где продолжала служить в библиотеках ВАЗа, Академии Управления, на телевидении. Всегда любила читать, в том числе поэзию. С детства писала стихи, рисовала к ним иллюстрации.

Изданы два поэтических сборника: «Свет души сберегая стихами» и «Что ты хочешь – выбирай», публиковалась в местных журналах.

ЛИШМАНОВА ЮЛИАНА ПЕТРОВНА родилась в 1970 году в г. Сызрани, училась в средней школе №16. В 17 лет уехала в г. Владивосток, где начала свой трудовой путь секретарём-машинисткой. Потом вернулась в родной город. Здесь работала кондуктором, оператором котельной, санитаркой в госпитале. Сейчас – журналист в газете «Красное Приволжье». Стихи печатались в местных газетах, альманахе «Сызранская излучина», журналах «Русское эхо» (Самара), «Берегиня» и «Природа и человек» (Москва).

МАКАРОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ родился в 1934 году в Ульяновске. Работал фрезеровщиком, оператором термокрекинга на СНПЗ. Служил на флоте, где в 1957 году опубликовал первые стихи в газете «Флаг Родины» (г. Севастополь). Печатался в коллективных сборниках «Рабочее утро», «День поэзии», «Твои рядовые, Россия», «Золотые Звёзды Сызрани», «По законам военного времени (Сызрань – фронту)», «У старого окопа», в газете «Сельская жизнь», а также в областных и местных газетах.

В 2002 году выпустил сборник стихов «Покуда сердце бьётся».

29 января 2016 года М. Д. Макаров ушёл из жизни.

МИРОНОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА родилась в 1958 году в г. Сызрани. Училась в средней школе № 37, окончила местный филиал Самарского политехнического института по специальности инженер-электрик. Активно участвует в работе Сызранской городской организации Союза писателей России.

Публиковалась в журналах «Русское эхо» (Самара), «Берегиня дома твоего» (Москва), в газетах «Волжские вести», «Красное Приволжье».

Автор трёх книг стихов для детей: «Солнце – рыжие веснушки», «Весёлый ручеёк», «Что за ягода арбуз?».

Кандидат в члены Союза писателей России.

МИШЕНКОВ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ родился в 1949 году в Сызрани. После окончания средней школы № 15 работал токарем на Комбайновом заводе и заводе Тяжёлого машиностроения. Прослужил 28 календарных лет в оркестре СВВАУЛ. Старший прапорщик в отставке. Артист высшей категории сызранского муниципального оркестра, лауреат областных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей, лауреат городской премии «Признание». Написал около 60 песен на свои стихи и тексты других авторов. Награждён грамотой межрегиональной общественной организации «Союз ветеранов войн и военной службы военно-воздушных сил» за участие в конкурсе «Лучшая публикация по военно-патриотической тематике».

Печатался в журналах «Русское эхо» (Самара), «Берега» (Калининград), «Агитатор» (Москва), антологии «Сызрань литературная»,

в сборниках «У старого окопа», «Сызранская излучина», в газетах «За Родину», «Красная звезда», рижском «Автомобилисте», в журнале «Сура» (Пенза), местной периодике. Автор поэтических книг «Откровенья утра моего» (2001), «Иначе жить я не могу» (2013), «Когда зажигаются звёзды» (2014). Автор сборника рассказов для детей «Новенькая» (2016).

Кандидат в члены Союза писателей России.

МОЧАЛОВА ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА. Начальник отдела общественных связей и информации Думы городского округа Сызрань. Кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Сызранского филиала СамГТУ. Журналист, краевед.

Редактор-составитель и соавтор книг краеведческой тематики, автор книги «Жизнь прекрасна!» Печатается в журналах «Наш современник», «Русское эхо».

Автор документальных фильмов о г. Сызрани.

НЕВСКАЯ ЛИДИЯ ИВАНОВНА родилась в 1951 г. в Тюменской области. Окончила Сызранский машиностроительный техникум. Работала до ухода на пенсию инженером-технологом в ОАО «Тяжмаш».

Л. И. Невская является одним из старейших членов городского литературного объединения. Её стихи печатались в областных и местных газетах, других изданиях, антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», в коллективных сборниках «Поэт года» (в двух), «Воинская слава», вышедших в Москве. Л. И. Невская выпустила в разные годы книги стихов («Понарошку и всерьёз», «По расписанию судьбы», «Времена года – времена жизни»), прозы («Колокольчики», «Лидочка», «Дети баракров»).

ОВЧИННИКОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ родился 15 декабря 1920 года в Сызрани в семье рабочего-железнодорожника. В 1940 году был призван на действительную военную службу. Великая Отечественная застала его на западной границе у города Львова. Войну закончил в немецком городе Бреслау.

После демобилизации окончил Сызранский учительский и Куйбышевский педагогический институты. Работал в школах учителем, завучем, директором. Отличник народного просвещения.

Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Алексея Толстого. Почётный гражданин г. Сызрани.

ОКУНЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА окончила филологический факультет Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Работала преподавателем русского языка и литературы. Является членом Сызранской городской организации Союза писателей России.

Лауреат конкурса на лучшие литературные произведения 2000 года, объявленного городской организацией Союза писателей России. Победитель и дипломант литературного конкурса «Посох и Лира» 2009 года в двух номинациях. Дипломант конкурса «Женщина года – 2009» в номинации «Журналистика и литературное творчество».

Лауреат городской премии «Признание». Стихи печатались в средствах массовой информации г. Сызрани, Чапаевска; в литературных журналах «Ваш Взгляд» (Сызрань), «Сура» (Пенза), «Енисейский литератор» (Красноярск), «Луч» (Ижевск), «Русское эхо» (Самара); в антологии прозы и поэзии «Сызрань литературная»; в альманахе «Сызранская излучина», в сборнике произведений номинантов национальной литературной премии «Поэт года» 2015, 3 том (М.). Автор сборника стихов «Моё янтарное лето» (2008 г.), «Окно» (2016 г.). Кандидат в члены Союза писателей России.

ПОЛУХИНА ОЛЬГА МИТРОФАНОВНА родилась 19 марта 1951 года в Новокуйбышевске. Окончила факультет телекоммуникаций и информатики Поволжского государственного университета. Печаталась в журналах «Арина» (Нижний Новгород), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Русское эхо» (Самара) и др. Автор книг «Венчанная с музыкой» и других. Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в Новокуйбышевске.

ПОРТНЯГИН ИЛЬЯ ОЛЕГОВИЧ родился в 1972 году в г. Иркутске. С четырёх лет живёт в Сызрани. Окончил школу № 8 и Тольяттинский химико-технологический колледж. Служил в Группе советских войск в Германии. Работает в ООО «Самара-Терминал». Увлекается поэзией с юных лет. Стихи публиковались в журнале «Русское эхо», альманахе «Сызранская излучина», местной периодике.

ПОРТНЯГИН ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ родился в 1948 году в г. Мариинске Кемеровской области. Служил на флоте водолазом-глубоководником. Окончил филфак Иркутского госуниверситета. Работал грузчиком, электриком, учителем русского языка и литературы. Последние 40 лет – в журналистике. Стихи печатались во многих литературно-художественных изданиях страны. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И. Дмитриева. Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани.

РАВШТЕЙН ИГОРЬ ДАВЫДОВИЧ родился в городе Сызрани Самарской области. После окончания восьми классов 1-ой общеобразовательной школы поступил в медицинское училище, которое окончил в 1992 году. Позже окончил Самарский филиал Бузулукского финансового колледжа. Спустя десять лет окончил Волжский университет им. В. Н. Татищева в г. Тольятти. Первое место работы – Дом инвалидов и престарелых – массажист. После, в разные годы работал налоговым инспектором, вновь массажистом в Центральной городской больнице города Сызрани. Последние двенадцать лет место работы – ОАО «ТЯЖМАШ» – от ученика слесаря до экономиста и специалиста отдела продаж. Стихи пишет с юности более двадцати лет.

РОМАСЕВИЧ ВЯЧЕСЛАВ ФЁДОРОВИЧ родился в городе Умань Киевской области 9 апреля 1926 года. До войны учился в Сталинградской спецшколе ВВС и в 1942 году оказался в Сталинграде, который был тогда ещё тыловым городом.

Но уже в июле-августе здесь сплошной линией обугленных развалин вытянулся на картах войны новый фронт – Сталинградский.

В этом августе и принял свой первый бой школьник Вячеслав Ромасевич. На бумаге он вроде бы и не воевал: формально его школа относилась к Наркомпросу, но немцы с формальностями не считались. В сентябре Вячеслав в одном из боёв был ранен и направлен на плавучем госпитале в тыл. Здесь ведомственные формалисты его фронтовиком не признали: дескать, по закону возраст его воевать не мог, значит, и не воевал. Но в апреле 1943 года он ушёл добровольцем в армию, однако, в действующую не попал.

Был зачислен в Военно-воздушную академию имени Жуковского. С этой академией и прошёл старший сержант Ромасевич на Параде Победы. Среди его наград есть медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», а значит, есть в этой Победе и его боевая заслуга.

СЕМЁНОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ родился в 1929 году. Во время войны остался без родителей: отец погиб на фронте, мать репрессировали. Окончил Серпуховское военное училище и Ленинградский военный институт физкультуры и спорта, служил в авиационных частях. Стихи и рассказы публиковались в армейских газетах «Красная звезда», «За Родину» (ПриВО), «На страже Родины» (ЛенВО), «На страже Заполярья» (Северный флот). После увольнения в запас жил в Таганроге, где был общественным корреспондентом «Таганрогской правды». В преддверии 70-летия Великой Победы был издан двухтомник Юрия Семёнова «Живём и помним». В него вошли произведения, основанные на личных впечатлениях автора. Позже вышли в свет ещё две книги: «Следы на обочине» и «Внештатный детектив» (роман).

СТЕПАНЕЦ ЮРИЙ ЕГОРОВИЧ родился в 1941 году в Донецкой области. Окончил военное училище и Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. 31 год прослужил в разных гарнизонах – частях от Мурманска до Владивостока. В том числе 14 лет – в СВВАУЛ. Полковник запаса. Трудился в СГПТУ. Награждён десятью медалями и нагрудным знаком Министерства высшего образования СССР «За отличные успехи в работе».

Публиковался в центральных, республиканских, окружных и местных изданиях, в коллективных сборниках «У старого окопа», «По законам военного времени (Сызрань – фронту)», «Славные дочери Сызрани», антологии «Сызрань литературная». Автор поэтических сборников: «Живу и помню» (1998), «Душе покоя нет» (2002), «Рождение стиха» (2004), «Призвание» (2005) и «Дорога длиною в жизнь» (2009 г.). Член Союза профессиональных литераторов России.

СТРОЕВ ГЕННАДИЙ родился 12 августа 1946 года. Работал редактором многотиражной газеты «Комбайн» завода «Сызраньсельмаш». Учился заочно в Московском полиграфическом институте. Писал прозу, печатался в газетах нашей области, в том числе и Сызрани. В апреле 1983 года скончался после тяжёлой болезни.

СУРКОВ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ родился 25 ноября 1957 года в Ульяновской области. 14 лет проживал в Сызрани. После 8 классов средней школы № 19 поступил в Казанское суворовское военное училище. Окончил Ульяновское танковое училище и Академию бронетанковых войск. Служил на Дальнем Востоке, в Украине, Германии, Москве, С-Петербурге в танковых частях. Работал старшим преподавателем военной кафедры Санкт-Петербургского института машиностроения. После увольнения с военной службы в 1997 году вернулся в Сызрань. В настоящее время работает на военной кафедре СамГТУ. Стихи печатались в газетах Приволжского Военного округа, «Волжские вести в субботу», «Волжские вести», в сборнике «Вектор».

ТВЕРДОХЛЕБОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – поэт, прозаик, художник-иллюстратор, экскурсовод. Член городского литературного объединения при городской организации Союза писателей России. Пишет прозу, сказки, стихи. Публиковалась в журналах Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Тольятти, Ульяновска, Саратова, Красноярска, Сызрани.

Лауреат литературного форума «Ковдория» в номинации «Литературная сказка для детей». Лауреат городской премии «Признание».

Автор сборника стихов и загадок для детей «Встречи».

Кандидат в члены Союза писателей России.

ТИМАКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ родился 2 августа 1959 года в Саранске. Окончил военно-медицинский факультет в Куйбышеве, (ныне – Самара) в 1982 году. В настоящее время работает заведующим отделением анестезиологии-реанимации Ульяновского гарнизонного военного госпиталя. Выпустил несколько сборников стихов: «Чеченский альбом», «Открытие эпохи», «Апельсин в ладонях», «Чувства и честь»; прозы – «Ханкалинский дневник», «Чеченские рассказы». Автор песенного CD-диска «Дорогу осилит идущий...». В 2015 году принят Ульяновской организацией в члены Союза писателей России.

ТИМОФЕЕВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1966 году в Сызрани. В 1996 году окончил факультет журналистики Казанского государственного университета. Был корреспондентом районной газеты «Красное Приволжье», а также сотрудником многотиражной газеты ОАО «Тяжмаш» «Машиностроитель». Член Сызранской городской организации Союза писателей России. Стихи публиковались в «Литературной Самаре», городских и районных газетах, антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», коллективном сборнике «Серебряные родники».

УЛУНОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ родился в 1951 г. на Алтае. Окончил Военно-медицинскую академию. Военный врач. Участник боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе. Кавалер пяти боевых орденов. Полковник медицинской службы запаса. Заслуженный врач России. Кандидат медицинских наук. Инструктор парашютно-десантной подготовки. В настоящее время на пенсии. Прозаик. Поэт. Автор девяти книг прозы и поэзии. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

УЛЬЯНОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ родился 12 июня 1958 года в селе Коптевка Новоспасского района Ульяновской области. В возрасте пяти лет вместе с родителями переехал в Сызрань. После окончания средней школы в 1975 году начал свою трудовую деятельность на заводе тяжёлого машиностроения, ныне акционерное общество

«Тяжмаш». Без отрыва от производства получил высшее образование. Специальность – «Технология машиностроения». Прошёл путь от токаря до руководителя производства гидротурбинного оборудования. Пишет прозу, очерки. Произведения опубликованы в журнале «Русское эхо», антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», в сборнике «В счастливом спектре вдохновения» и других изданиях. Дипломант национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2010»

ФЁДОРОВА ЛЮДМИЛА ФЁДОРОВНА родилась в в 1951 году в Сызрани. Одновременно с учёбой в старших классах обучалась в сызранской художественной школе. Художник-оформитель. Член литературного объединения при городском отделении Союза писателей РФ. Стихи публиковались в газетах «Волжские вести», «Красное Приволжье», в журналах «Наш современник», «Русское эхо» (Самара), в антологии «Сызрань литературная», сборнике «Звалась когда-то ты Ручейкой», альманахах «Золотая строфа», «Сызранская излучина». Автор сборников стихов «Весны лиловые огни», «Моей любви девятый вал», «В поэзию вхожу, как в сад», «Отпущу журавля в небо синее».

ХАРИТОНОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в 1942 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Окончил Сызранский трикотажный техникум и Свердловский государственный педагогический институт. Служил в ракетных войсках в Московском округе ПВО. Работал на предприятиях лёгкой, пищевой, химической промышленности и тяжёлого машиностроения в Семипалатинске и Сызрани, а также – журналистом в городской, районной и заводской печати. Публиковал свои произведения в газетах и журналах Москвы и Подмосковья, Поволжья, Урала и Сибири, в коллективных сборниках. Издал книги стихов: «Околица» (1985), «Полустанок» (2004), «Всплески» (2011) и «Полынок» (2012 г.).

Вячеслав Харитонов – член Союза писателей России, лауреат городской премии «Признание», областной литературной премии имени Виктора Багрова и Всероссийской литературной премии «Мастер», член Союза журналистов РФ.

ЦЫПЛЁНКОВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА родилась в 1940 году в Сызрани. Окончила медучилище. Работала медсестрой в детской больнице и фельдшером медсанчасти.

Детские стихи, загадки, скороговорки публиковались в областных и местных газетах, журналах «Мурзилка», «Весёлая нотка», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки» и других. Автор книг стихов для взрослого читателя («Убегу в ромашковую заводь», «Обереги меня, судьба») и для детей («Непослушный ручеёк», «Я иду по облакам», «Жили-былиговорилки», «Грамотейка», «О малыше медвежонке и добром ежонке», «О фантазёрах и фантазёрках»). Член Союза писателей России.

ЧАПЛЫГИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ родился 23 февраля 1933 года в Алтайском крае. Военный штурман 1-го класса. Календарный срок службы в Вооружённых Силах составляет 33 года (из них 12 лет в СВВАУЛе), в льготном исчислении – 38 лет. Сотни курсантов ставил на крыло, включая двух будущих космонавтов – Г. В. Сарафанова и В. В. Коваленка.

Десятки лет Г. М. Чаплыгин совмещал лётную профессию с военкоровской деятельностью. Опубликованы сотни его материалов в городских, окружных, областных, центральных газетах и журналах. Является соавтором таких книг, как «Славные дочери Сызрани», «Сызранское вертолётное», «Чести достойны!». В 2013 году издал книгу воспоминаний «Ратное и духовное восхождение», в 2015-м – «Полёты над Волгой», в которых популяризирует профессию военного лётчика, в 2016-м – сборник стихов «Тропинка к храму».

Является победителем городского творческого конкурса «Отражение», награждён почётным знаком «За заслуги перед городом» II степени.

ЧВАНОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА родилась в 1957 г. в Сызрани. Окончила Сызранское медицинское училище. Работала на городской станции переливания крови.

Автор поэтических сборников «На крыльях судьбы», «Сквозь призму жизни», «Обретая свои берега», «Грусть моя исповедальная».

Стихи печатались в журналах «Наш современник» (Москва), «Невечерний свет / infinity» (Санкт-Петербург), «Русское эхо» (Самара), в альманахах «День поэзии – XXI век» (Москва), «Парадный подъезд» (Санкт-Петербург), «Арина» (Нижний Новгород), «Стрежень» (Тольятти), «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Мир народов Поволжья» (Чапаевск), «Сызранская излучина», в сборнике «Светись, светись далёкая звезда...» (Москва), в московской «Медицинской газете», в самарской газете «Медицина и фармация», в антологии «Сызрань литературная», в книге «Чести достойны! Потомки ветеранов войны».

Является дипломантом Международного творческого конкурса «Рождественская звезда 2012», финалистом Межрегионального поэтического конкурса «Светись, светись, далёкая звезда...», посвящённого 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, обладателем третьего места во втором областном литературном конкурсе «За далью – даль», посвящённом А. Т. Твардовскому, победителем городского конкурса «Женщина года 2014» в номинации «Журналистика и литературное творчество».

Член Союза писателей России.

ЭЙХМАН ТАТЬЯНА. Р.п. Карсун, Ульяновская область. Врач. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Лауреат поэтической премии им. Н. Н. Благова.

Руководитель районного литературного объединения «Родники» (р.п. Карсун).

ЮДИНА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА родилась в селе Обшаровка Приволжского района Куйбышевской области. Окончила педагогический институт (физико-математический факультет), Московский заочный народный университет искусств.

Стихи и песни Валентины Юдиной публиковались в журналах «Наш современник», «Начальная школа», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Весёлая нотка», «Познайка», в антологии «Сызрань литературная», а также в ряде других изданий. Ею выпущены в свет сборники песен «Заблудилось детство» (2008 г.),

«Солдаты Победы», «На вокзалах Любви» (2010 г.), «Любимые мелодии Валентины Юдиной или двести песен обо всём», «Сердце детства моего» (2015 г.), сборник рассказов и стихотворений для детей «Альпинистка» (2014 г.) и поэтический сборник «Бессонница». Живёт в пос. Сборный Сызранского района. Член Сызранской городской организации Союза писателей России.

Содержание

ПРОЗА

Галина Журлова	
<i>Телефонограмма</i>	4
<i>Восемь соток</i>	6
Николай Овчинников	
<i>Крыжовник</i>	8
<i>Неожиданный вояж</i>	9
Юрий Семёнов	
<i>Три встречи</i>	13
Татьяна Твердохлебова	
<i>Под покровом Богородицы</i>	24
<i>Лохматка</i>	28
Валерий Тимофеев	
<i>Семь кругов счастья</i>	31

ПОЭЗИЯ

Ольга Воронина	
<i>...И только сердце от восторга тает</i>	36
Галина Елисеева	
<i>Волга мне сердце навеки пленила</i>	39
Максим Ершов	
<i>Края земли таинственно развёрсты</i>	45
Александр Зиборов	
<i>Чуть слышно гармоника плачет</i>	51
Сергей Иванченко	
<i>Но судьбу выбрал сам я и в этом не каюсь</i>	56
Александр Карякин	
<i>Для счастья надо так немного...</i>	62
Сергей Кирюхин	
<i>Но живы юности огни...</i>	68
Виктор Коноплёв	
<i>Постичь гармонии единой суть и смысл</i>	74

Юлиана Лишманова	
<i>Не устану воспевать тебя, дорогая сердцу Родина!</i>	80
Наталья Окунева	
<i>Ну кто же стучится в открытые двери?</i>	85
Илья Портнягин	
<i>Потеряет нашедший, найдёт потерявший</i>	91
Олег Портнягин	
<i>Хотелось нам до самых звёзд</i>	96
Игорь Рабштейн	
<i>...Поутру вернётся солнца пламенеющий янтарь</i>	102
Юрий Степанец	
<i>Меня заворожила песнь ручья</i>	107
Виктор Сурков	
<i>Нет, время раны не залечит</i>	112
Людмила Фёдорова	
<i>...И станет снова радужною жизнь</i>	116
Вячеслав Харитонов	
<i>Мы все одной эпохи дети</i>	121
Георгий Чаплыгин	
<i>И веет вечностью простор</i>	127
Надежда Чванова	
<i>И вспоминается хорошее</i>	131

ДЕТСТВО

Наталья Бондаренко	
<i>Измаил</i>	136
Надежда Ермакова	
<i>Солдатик</i>	144
<i>Орлан</i>	146
<i>Подарок</i>	148
Олег Корниенко	
<i>Сад на заре</i>	151
<i>«Тарзанка»</i>	156
Елена Миронова	
<i>Всюду было солнце, солнце!</i>	159

Александр Мишенков*Новенькая* 165*Подарок* 167*Револьвер* 169*Голубь* 171**Лидия Невская***Швейцария* 173*Мятое платье* 174*Отец* 178**Галина Цыплёнок***Вилка* 180*Стриженные* 181*Модуленция* 182**Валентина Юдина***...И с хорошим настроением к малышам пришли сейчас* . . . 183**НАСЛЕДИЕ****Константин Казачкин***...И в сердце звёздочка зажглась* 189**Михаил Макаров***Не верится, что в Лету канем* 191**Вячеслав Ромасевич***Чтоб потомки о светлом мечтали...* 197**Геннадий Строев***Квадрат тумана* 203**ПУБЛИЦИСТИКА****Александр Коноплёв***Как «Сызрань» громила «Ростов»* 207**Елена Мочалова***И это всё – о Сызрани* 214**Сергей Ульянов***Рассказала мама о войне в тылу* 224*«Юность»: спортсмены и шпана* 227

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>«Сызранская излучина» назвала лауреатов</i>	230
Андрей Степовой	
<i>Часть моего духовного мира</i>	231
Вячеслав Харитонов	
<i>Детские ступеньки роста</i>	235

ГОСТИ

Надежда Алексеева	
<i>...Лишь мгновенья нам для любви и радости даны</i>	238
Александр Воронцов	
<i>Меняются даты в мерцании лет</i>	242
Сагидаш Зулкарнаева	
<i>Дарю стихи прохожим, как цветы</i>	247
Андрей Иванов	
<i>По крупницам добро собираю</i>	251
Татьяна Коковина	
<i>Ясным солнышком слово сияет</i>	255
Людмила Косарева	
<i>Мелодией сердца рождаются строчки</i>	258
Ольга Полухина	
<i>Как просто сделать женщину счастливой!</i>	262
Александр Тимаков	
<i>Нам бы взять уроки совести</i>	266
Анатолий Улунов	
<i>Прощёное воскресенье</i>	270
Татьяна Эйхман	
<i>Плыть по реке, купаясь в звёздах</i>	279

ПАРОДИИ

Владимир Варламов	
<i>Хоть я в чём-то, может, и не прав</i>	282

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Инна Волошина	293
Наталья Вяльшина	295
Надежда Городбина	297
Анжелика Жилютова	298
Зоя Искаева	299
Елена Катышева	301
Людмила Мамонова	304
Литературная хроника	306
Об авторах	312

СЫЗРАНСКАЯ ИЗЛУЧИНА

Литературно-художественный альманах

Пятый выпуск

Составитель *Олег Портнягин*

Редакторы: *Наталья Окунева, Олег Портнягин, Вячеслав Харитонов*

Художественный редактор *Александр Фирсов*

Фото на обложке *Анатолий Горлов*

Корректор *Наталья Окунева*

Издательство «Ваш Взгляд»

446020, г. Сызрань, Самарская обл.,

ул. Комарова, 10-6

Сызранская городская организация

Союза писателей России

446001, г. Сызрань, ул. К. Маркса, 19,

редакция газеты «Волжские вестн»,

телефон (8464) 98-71-43

Подписано в печать 12.12.2016.

Формат 60х90/16. Усл.п.л. 21,0. Печать офсетная.

Тираж 251 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Ваш Взгляд»

446020, г. Сызрань, Самарская обл.,

ул. Комарова, 10-6

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

6+